

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

Т. 3 · № 6 · НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ · 2005

Содержание

- Наследие и перспектива *Фёдор Лукьянов* 7
- Корона ушедшей империи**
- Великобритания: после захода солнца *Алексей Громыко* 10
Исчезновение империи, «над которой никогда не заходило солнце», вызвало надлом в английском самосознании, лишило его привычной целостности. Стресс, который пережила нация, привыкшая ощущать себя супердержавой, породил многие из нынешних проблем британского общества.
- Франция: величие превыше всего *Евгения Обичкина* 24
Вся новейшая история Франции – череда попыток восстановить утраченное величие в отсутствие необходимых для этого средств. Но как бы то ни было, Париж обычно находил способы компенсировать слабость и сохранять прочные мировые позиции.
- Португалия: за «каравеллами прошлого» *Рамалью Эанеш* 39
Возникнув как средство национального самоутверждения, Португальская империя оставила глубокий отпечаток в сознании народа. Ностальгия по мифическим садам имперского Эдема лишила португальцев способности смело и творчески решать современные проблемы и использовать новые возможности.
- Турция: привычка управлять *Сергей Дружиловский* 48
Идеи пантюркизма и проявления крайнего национализма уходят корнями в эпоху Османской империи. Стремление к созданию единого тюркоязычного пространства под патронатом Анкары в сочетании с исламским мессианизмом формирует специфическую идеологическую атмосферу.
- Австрия и Венгрия: идентичность на развалинах *Ярослав Шимов* 62
Распад Габсбургской империи застал врасплох два ее государствообразующих народа – австрийцев и венгров. В поисках национальной идентичности и те, и другие прошли тяжкий путь – от составной части лоскутной державы и до членства в союзе европейских государств. По сути, сформировались две новые нации.

- Россия: особый имперский путь? *Алексей Арбатов* 78
 Судьбоносный вопрос состоит в том, является ли милитаризованная империя естественной формой существования России, как утверждают консерваторы, или же, наоборот, эта модель, дважды приведя державу к краху, окончательно изжила себя?

Отверженные?

- Разгневанные мусульмане Европы *Роберт Лейкен* 90
 Радикальный ислам распространяется по Европе среди потомков иммигрантов из мусульманских стран. Лишенные гражданских прав, разочаровавшиеся в возможностях интеграции, европейские мусульмане объявили Западу джихад. Они опасны и преданы своему делу, и им не нужна виза, чтобы легально въехать на территорию США.
- «Иммигрант, но... добившийся успеха» *Матьё Ригуст* 108
 Детей иммигрантов призывают «интегрироваться» во французское общество, даже не удосужившись проанализировать причины отсутствия у них равных прав и возможностей. Складывается впечатление, будто молодые жители гетто повинны в их дискриминации. Образ успешного иммигранта эксплуатируется в средствах массовой информации и противопоставляется дерзким «хулиганам» и «террористам»...

- Меняться и менять *Евгений Ворожцов* 118
 В течение десятилетий дискуссии, связанные с различиями в менталитетах и ассимиляцией иммигрантов из Северной Африки, считались во Франции несовместимыми с принципами демократии. Но замалчивание проблемы привело к возрастанию межнациональной неприязни и введению комендантского часа, что никак не согласуется с демократическими нормами.

Заря Востока

- Шииты в современном мире *Георгий Мирский* 128
 На протяжении всей своей истории шииты в арабских странах подвергались гонениям, ощущали себя людьми второго сорта. События в Ираке привели к росту самосознания шиитов, которые претендуют отныне на ведущую политическую роль во всем регионе Ближнего и Среднего Востока.
- Демократия XIV века *Владимир Сажин* 142
 Парламентские выборы в Афганистане завершили процесс формирования новой государственности. Теперь главная задача всех ответственных сил вне зависимости от их взглядов — привить афганцам навыки жизни при демократической форме правления, не взрывая привычного уклада жизни.
- Центральная Азия в эпоху перемен *Станислав Чернявский* 152
 Еще недавно специалисты полагали, что на ближайшие пять — семь лет власти государств Центральной Азии смогут обеспечивать относительно спокойное развитие своих стран. Последние события на постсоветском пространстве заставляют существенно скорректировать эти прогнозы.

Стратегическая повестка дня

- Россия без плахи *Михаил Маргелов* 166
Хорошая жизнь не рождается из страха, а прямую связь между активностью палачей и снижением количества особо тяжких преступлений не заметил еще ни один добросовестный исследователь. Сохранение смертной казни не отвечает не то что нынешнему курсу России, а и нашим либеральным традициям.
- Москва и Вашингтон: нужны доверие и сотрудничество *Евгений Примаков* 174
На Западе, особенно в Соединенных Штатах, наблюдается неблагоприятная для России тенденция. Нашу страну исключают из числа великих держав, недооценивают динамику и перспективы ее развития. Такую политику трудно назвать дальновидной.
- На пути к «качественно новым отношениям» *Томас Грэм* 180
При любых обстоятельствах Соединенные Штаты готовы защищать свои интересы, ценности и друзей. Такой подход позволяет наилучшим образом реализовать всё еще многообещающие перспективы американо-российского партнерства.
- Партнерство в борьбе с угрозами: что осталось? *Владимир Дворкин* 184
Более трех десятилетий системы предупреждения о ракетном нападении и ПРО оставались ключевым фактором стратегического соперничества между СССР/Россией и Соединенными Штатами. В новых условиях они, напротив, могли бы сыграть серьезную позитивную роль в консолидации усилий обеих стран.
- Мир один и здоровье одно *Уильям Кейриш, Роберт Кук* 197
Недавние вспышки птичьего гриппа, атипичной пневмонии, лихорадки Эбола и коровьего бешенства нанесли серьезный удар по мировой торговле и перевозкам. Вирусы, которые возникают у животных, сегодня, как никогда, угрожают человечеству, однако наши усилия по охране здоровья остаются опасно ограниченными. Наступает время для нового глобального подхода.

Разговор по существу

- «Любой правитель может быть призван к ответу» *Майкл Уолцер* 216
Идея судебного процесса в отношении Саддама Хусейна состоит в том, чтобы показать всему миру: как бы высоко ни вознесся правитель, он может быть призван к ответу и предан суду в соответствии со всеми принятыми в цивилизованном мире нормами.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ
СОВЕТ

*Председатель
попечительского совета*
ПОТАНИН В.О.

«Интеррос»

ВАЙНШТОК С.М.
ОАО «АК «Транснефть»»

ВАРДАНЯН Р.К.
«Тройка-Диалог»

ВЕКСЕЛЬБЕРГ В.Ф.
ОАО «СУАЛ-Холдинг»

ГЕНЕРАЛОВ С.В.
*председатель совета директоров
Ассоциации по защите прав
инвесторов*

ЕВТУШЕНКОВ В.П.
АФК «Система»

КУЗЫК Б.Н.
«Новые энергетические проекты»

КУЗЯЕВ А.Р.
«ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»

ОКУЛОВ В.М.
ОАО «Азрофлот»

ЦВЕТКОВ Н.А.
ФК «Уралсиб»

УЧРЕДИТЕЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ
ПО ВНЕШНЕЙ
И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

РОССИЙСКИЙ СОЮЗ
ПРОМЫШЛЕННИКОВ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
(РАБОТОДАТЕЛЕЙ)

ОАО «РЕДАКЦИЯ ГАЗЕТЫ
«ИЗВЕСТИЯ»»

Издается АНО РИД «Глобус»

ЗАРЕГИСТРИРОВАН
В МИНИСТЕРСТВЕ РФ ПО ДЕЛАМ
ПЕЧАТИ, ТЕЛЕРАДИОВЕЩАНИЯ
И СРЕДСТВ МАССОВЫХ
КОММУНИКАЦИЙ
ПИ № 77-12900
от 3 июня 2002 г.

Адрес редакции:
Россия, 103873, Москва
ул. Моховая, 11, стр. 3 «В»
Тел.: (095) 980-7353
Факс: (095) 937-7611
E-mail: info@globalaffairs.ru
http://www.globalaffairs.ru

Отпечатано в ОАО «Калужская
типография стандартов»
Заказ № 2442.
Общий тираж 10 000 экз.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

КАРАГАНОВ С.А. — *председатель*

АРБАТОВ А.Г.
АХТИСААРИ Маргги
(Финляндия)
БЕЛОУСОВ Л.С.
заместитель председателя
БЕРГСТЕН Фред (США)
БИЛЬДТ Карл (Швеция)
ГРИГОРЬЕВ В.В.
(в личном качестве)
ЖУКОВ А.Д.
(в личном качестве)
ЗВЕРЕВ С.А.
ИВАНОВ И.С.
(в личном качестве)
ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
*председатель
научно-консультативного
совета*
КАЙЗЕР Карл
(Германия)

КОЖОКИН М.М.
КОКОШИН А.А.
КОЛЬ Гельмут
(Германия)
КОМИССАР М.В.
КОПЬЕВ В.В.
КУЗЬМИНОВ Я.И.
ЛАВРОВ С.В.
(в личном качестве)
ЛИВШИЦ А.Я.
ЛУКИН В.П.
ЛУКЬЯНОВ Ф.А.
главный редактор
МАУ В.А.
МОНБРИАЛЬ Тьерри де
(Франция)
НИКОНОВ В.А.
заместитель председателя

ОВЧИНСКИЙ В.С.
ПОЗНЕР В.В.
ПРИМАКОВ Е.М.
ПРИХОДЬКО С.Э.
(в личном качестве)
РЫЖКОВ В.А.
ТЕЛЬЧИК Хорст
(Германия)
ТОРКУНОВ А.В.
УОЛЛЕС Уильям, лорд
(Великобритания)
ХАКАМАДА И.М.
ХОУГ Джеймс (США)
ШМЕЛЁВ Н.П.
ЭЛЛИСОН Грэм (США)
(Франция)
ЮРГЕНС И.Ю.
ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В.
(в личном качестве)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

ИНОЗЕМЦЕВ В.Л.
председатель
АДАМИШИН А.Л.
БУТОРИНА О.В.

ГРИГОРЬЕВ Л.М.
ЛОМАНОВ А.В.
МИРСКИЙ Г.И.

ШКУНДИН М.З.
ЭНТИН В.Л.
ЮРЬЕВ А.И.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА

- Газеты «Время новостей», «Известия», «Московские новости», «Российская газета», «Совершенно секретно», «Труд»
- Информационные агентства «Интерфакс», РИА «Новости», «Росбалт»
- Радиостанция «Эхо Москвы»

ЮРИДИЧЕСКАЯ
ПОДДЕРЖКА

Коллегия адвокатов
«КЛИШИН И ПАРТНЕРЫ»

PR-ПОДДЕРЖКА

ЗАО «КРОС»

Журнал издается при финансовой поддержке
Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям

Главный редактор Фёдор Лукьянов

Заместители главного редактора:

Тимофей Бордачёв, Наталья Костромская (англоязычное издание)

Генеральный директор
Ирина Палехова

Автор макета
Константин Ралченко

*Англоязычное издание
Russia in Global Affairs*

Ответственный редактор
Александр Кузяков

Верстка
Наталья Заблочките

Редактор
Ринат Якубов

*Заведомо
переводной литературы*
Любовь Рыклина

Проверка и корректура
Арнольд Кун

Стилист
Роберт Бридж

*Референт председателя
редакционного совета*
Елена Блинникова

Интернет-редактор
Павел Житнюк
pavel@globalaffairs.ru

Корректор
Людмила Купченко

Ответственный секретарь
Ольга Терпиловская

Распространение
Андрей Евдокимов
тел.: (095) 937-7611
subscribe@globalaffairs.ru

Иллюстрации
Александр Бобосов

РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

ПОДПИСКА В РОССИИ, СНГ И СТРАНАХ БАЛТИИ
по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

ПОДПИСКА В РОССИИ И СНГ
по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119*, 16497.

* Специальный подписной индекс. Только для студентов и аспирантов
журнал «РОССИЯ В ГЛОБАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ» за 1/2 цены!

ПОДПИСКА В УКРАИНЕ
по каталогу «KSS»

ПОДПИСКА ЗА РУБЕЖОМ
через ЗАО «МК-Периодика»
или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»
Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: 10877

через фирму *East View Publications*
индексы в каталоге
для русскоязычного издания 14216
для англоязычного издания 14464

www.globalaffairs.ru

FOREIGN AFFAIRS

Before it becomes policy, it's in *FOREIGN AFFAIRS*

When you want to be the first to know what the experts in foreign policy and economics have to say about world events—turn to *FOREIGN AFFAIRS*. With contributions from distinguished authorities like Condoleezza Rice, Richard Holbrooke, Fouad Ajami, Donald Rumsfeld, Kenneth Pollack, and Samuel Huntington—this is the forum for leaders who shape the world.

SUBSCRIBE TODAY TO

FOREIGN AFFAIRS

“The most influential periodical in print.” —*TIME*

“*FOREIGN AFFAIRS* is essential reading.” —*FORTUNE*

“*FOREIGN AFFAIRS* [is] the most prestigious of America’s many foreign policy journals.” —*FINANCIAL TIMES*

**SPECIAL OFFER for readers of *Russia in Global Affairs*:
One year only US\$57.00!**

You will receive 6 bimonthly issues delivered via air mail. Your satisfaction is guaranteed or you will receive a FULL REFUND on all unmailed issues.

To order, send payment to: FOREIGN AFFAIRS SUBSCRIPTION SERVICES,
P.O. Box 420190, Palm Coast, FL 32142-9970 U.S.A.
TEL: (386)445-4662 FAX: (368)446-5005 or EMAIL: ForAff@palmcoastd.com

All international orders must be prepaid, therefore, please make checks or international money orders payable to Foreign Affairs in US\$ only. We also accept MasterCard, Visa, and American Express as payment. Please allow 6–8 weeks for the delivery of your first issue.

www.foreignaffairs.org/ordernow

Наследие и перспектива

Фёдор Лукьянов, главный редактор

Вопреки обыкновению, главный тематический блок этого номера посвящен не текущей политике, а событиям минувших десятилетий. Но сюжеты, к которым обращаются авторы, очень полезны для понимания процессов, разворачивающихся сегодня в России и вокруг нее. Наша страна переживает ту историческую фазу, которую до нее уже миновали другие великие европейские империи.

Мы привыкли (во многом справедливо) считать, что Россия — страна уникальная, идущая собственным, особым путем. Предложения поучиться на ошибках иных держав зачастую вызывают просто-таки негодование. А зря.

После распада Советского Союза прошло уже почти полтора десятилетия. Однако постимперский синдром Россия начинает испытывать только теперь: в 1990-е годы нам было просто не до того. Во-первых, шок оказался столь серьезным, что все силы уходило на выживание в новой ситуации. Во-вторых, российское общество и его элита довольно долго верили в неизбежность восстановления единого государства. Сегодня, с одной стороны, проблема выживания не столь остра. С другой — события на постсоветском пространстве рассеивают надежды на реинте-

грацию. Наступает момент осмысления изменившейся реальности.

Испокон веку каждая империя пребывала в убеждении: закономерности мирового развития, приведшие другие империи к распаду, на нее не распространяются, напоминает **Алексей Арбатов**. Раз за разом история опровергает подобную самоуверенность. Из опыта европейских держав, расстававшихся с колониями и имперским статусом на протяжении XX столетия, как из фрагментов мозаики складывается картина проблем, с которыми сегодня сталкивается Россия.

О мучительном поиске самоидентификации британцев, привыкших повелевать владениями, над которыми «никогда не заходит солнце», пишет **Алексей Громыко**. Синдром уязвимой «маленькой Англии», рост агрессивного национализма и тяготы определения своего нового места в мире — вот до конца еще не преодоленные последствия деколонизации.

Сохранить у французов чувство национального величия любой ценой, даже если для этого не хватает объективных оснований, — в этом видел свою задачу президент Шарль де Голль, на долю которого выпало тяжелейшее решение об отказе от колониального Алжира. Каким обра-

зом постимперская Франция компенсировала свою относительную слабость на мировой арене, анализирует **Евгения Обичкина**.

О двойственном отношении к имперскому наследию рассуждает первый демократически избранный президент Португалии **Рамалью Эанеш**. Португальцы гордятся вкладом, который «полоска земли» на юго-западной оконечности Европы внесла в мировое политическое развитие. Но борьба за сохранение заморских территорий забрала у них столько энергии, что на преобразования в метрополии сил уже не оставалось.

Создатель Турецкой республики Мустафа Кемаль Ататюрк попытался просто отказаться от османского наследия. Однако «отмененное» прошлое нет-нет да и заявит о себе — это и периодическое возрождение пантюркистских амбиций, и исламский мессианизм отдельных партий и политиков, и крайне болезненное отношение к спорным вопросам истории. **Сергей Дружиловский** изучает проявления постимперского сознания в современной турецкой политике.

Удивительную историю Австро-Венгрии раскрывает **Ярослав Шимов**. Суверенитет, неожиданно обрушившийся на австрийцев после распада Габсбургской империи, стал не даром, а тяжким испытанием. Венгры же, обретя вожделенную независимость, потеряли две трети исторической территории, превратившись в разделенную нацию.

Главный урок, который России следует извлечь из опыта «собрать-

ев по несчастью», заключается в следующем: расставание с империей, сколь бы горьким, досадным или несправедливым оно ни казалось, — это неизбежный этап развития. Но жизнь нации не заканчивается, всегда есть возможность восстановить влияние и закрепить новую роль в мире: иногда самостоятельно, иногда — вливаясь в союзы. Для этого, правда, необходимы трезвый анализ, способность смотреть вперед, а не назад, формулировать ясную перспективу, а не оплакивать утраченную славу...

К «имперской» теме примыкает второй тематический блок номера, посвященный недавним событиям в предместьях Парижа. Интеграция многонационального общества — проблема практически всех бывших метрополий, и России едва ли удастся уйти от ее решения. Опасности и перспективы мультикультурного развития анализируют **Роберт Лейкен**, **Матьё Ригуст** и **Евгений Ворожцов**.

Среди других сюжетов — ситуация на Большом Ближнем Востоке (статьи **Георгия Мирского**, **Владимира Сажина** и **Станислава Чернявского**), российско-американские отношения (**Евгений Примаков**, **Томас Грэм** и **Владимир Дворкин**), проблемы смертной казни в России (**Михаил Маргелов**), перспективы избавления планеты от эпидемий (**Уильям Кейриш** и **Роберт Кук**), а также вопрос о соотношении силы и справедливости в современном мире (интервью **Владислава Иноземцева** с **Майклом Уолцером**).

Корона ушедшей империи

“ Каждый очевидец имперского падения считал это явление в принципе закономерным, но неизменно делал исключение для своей державы. Распад собственной империи воспринимался как величайшая трагедия, тогда как конец любой другой — это не более чем звено в цепи исторических неурядиц ”

Великобритания: после захода солнца *Алексей Громыко*
10

Франция: величие превыше всего *Евгения Обичкина*
24

Португалия: за «каравеллами прошлого» *Рамалью Эанеш*
39

Турция: привычка управлять *Сергей Дружиловский*
48

Австрия и Венгрия: идентичность на развалинах *Ярослав Шимов*
62

Россия: особый имперский путь? *Алексей Арбатов*
78

Великобритания: после захода солнца

Алексей Громько

В 1962 году мир обошла фраза Дина Ачесона, бывшего госсекретаря, а в то время советника президента США: «Британия утратила империю и не нашла новой роли в мире». Кризис идентичности, постигший страну во второй половине прошлого века, дает себя знать до сих пор. Исчезновение империи не только обусловило внешнеполитическую растерянность Лондона, которому пришлось в исторически очень сжатые сроки выстраивать новую систему приоритетов на мировой арене, но и вызвало надлом в национальном самосознании, потерявшем привычную целостность. Многие из нынешних проблем британского общества уходят корнями не в столь уж давнее имперское прошлое, являясь порождением психологического стресса, пережитого нацией, которая привыкла ощущать себя супердержавой.

PAX BRITANNICA

Своеобразное геополитическое положение Соединенного Королевства, отделенного от континентальной Европы узким проливом, всегда служило важным фактором его развития. Окружающий страну океан не столько защищал ее от иностранного нападения, сколько способствовал территориальному расширению, будучи не преградой, а проводником устремленности британцев вовне. В XVI–XVIII веках сложилась невиданная по размаху и мощи империя, над которой «никогда не заходит солнце». В XIX столетии она владела колониями на пяти континентах, на ее территории проживало 500 миллионов человек.

А.А. Громько — д. полит. н., руководитель Центра британских исследований Института Европы РАН.

Империя не рассматривалась британцами исключительно как источник наживы и механическая сумма отдаленных территорий, которые Лондон контролировал силой. Ее воспринимали как взаимосвязанную корпорацию. Границы самой метрополии носили промежуточный, второстепенный характер; именно внешние рубежи империи очерчивали мир, в котором британцы долгое время чувствовали себя как дома. Империя имела для них экзистенциальный смысл, определяла их мироощущение, к ней относились как к живому организму, вызывавшему особые чувства.

Империя являла собой ключевой фактор не только внешней, но и внутренней жизни метрополии, поддерживала в ней социальное спокойствие, заставляя представителей всех слоев общества чувствовать себя членами великой нации избранных. Став для англичан символом величия, их гордостью, неотъемлемой частью национального самосознания, империя в то же время воспринималась как нечто обыденное, свойственное естественному порядку вещей. До середины XX века выезд из Великобритании в колонии, протектораты, доминионы и зависимые территории намного превышал въезд. Коренные британцы охотно жили там годами и поколениями, будучи военными, чиновниками, миссионерами и пр.

Во второй половине XIX столетия, во времена, отмеченные деятельностью таких личностей, как Бенджамин Дизраэли, Джозеф Чемберлен и Сесил Родс, Британская империя находилась на пике своего могущества. Тогда-то и сформировалось представление о «бремени белого человека» как моральное оправдание имперского правления. В глазах большинства британцев того периода управление империей являлось хотя и драгоценной, но тяжелой ношей, требовавшей, помимо материальных и физических затрат, таких качеств, как чувство долга, альтруизм и самопожертвование.

Со временем британцы стали относиться к своей империи как к явлению вечному и непреходящему. Имперский менталитет, то есть мышление в глобальных категориях свободного перемещения людей, финансов, товаров и услуг, просвещенческий мессианизм, снисходительное отношение к другим народам, ощущение англосаксонской исключительности, в значительной степени свойствен им и по сей день.

Считалось, что в общеисторическом контексте империя внесла бесценный вклад в мировое развитие, освободив многочисленные народы от варварства. Многие политики, особенно консервативно-

го толка, вплоть до середины XX века утверждали, что Британская империя – это наиболее эффективный из известных инструментов распространения демократии. (Как в данной связи не вспомнить аргументы современных сторонников неоимперской политики, обслуживающих интересы единственной сверхдержавы!)

Планы либерализации режима колониального правления разрабатывались уже с середины XIX столетия. Правящие элиты не почивали на лаврах, а прилагали усилия по модернизации. К 1914 году британские доминионы Канада, Австралийский Союз (Австралия), Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз пользовались широким самоуправлением, а Вестминстерский статут, принятый в 1931-м, еще больше расширил их самостоятельность. (Доминионы – государства в составе Британской империи, позднее Британского содружества наций, первоначально заселенные в основном европейцами и добившиеся самоуправления, в отличие от колоний, где население небританского происхождения управлялось чиновниками из метрополии. Официально термин утвержден Имперской конференцией 1926 года, указавшей, что Соединенное Королевство и доминионы являются автономными сообществами в рамках империи, равными по своему статусу и не подчиненными друг другу в своих внутренних и внешних делах. В 1947-м термин «доминион» был заменен термином «член Содружества», что, однако, не изменило там форму власти. – Ред.)

Начиная с этого времени британские законы вступали в силу в доминионах только с согласия последних, а законы, инициировавшиеся на местах, больше не нуждались в одобрении Лондона. Годом позже на Оттавской конференции была принята система имперских преференций, защитившая рынки ввозными пошлинами. В 1935 году получил одобрение либеральный Закон об управлении Индией. Сложилась концепция Содружества как новой формы отношений между метрополией и доминионами, а затем и всеми бывшими колониями Британии. (По мере распада британской колониальной системы на смену понятию «Британская империя», официально употреблявшемуся с 1870-х, пришло понятие «Британское содружество наций». С 1947 года – «Содружество» (*Commonwealth*). В настоящее время Содружество не выступает как единый актер на международной арене. Связи между его государствами-членами носят скорее символический характер, при этом каждая страна пользуется безоговорочным правом одностороннего выхода из объединения. Особое

положение Великобритании в Содружестве определяется не юридическими нормами, а политическими и экономическими отношениями между ней и соответствующими странами. — Ред.)

Тем трагичнее воспринимались постепенное угасание, упадок империи, ставшие необратимыми в результате новой расстановки сил после Второй мировой войны. Даже в середине XX века, в самый разгар деколонизации, около четверти всего экспорта и импорта Великобритании приходилось на ее имперские владения. А если учесть другие дивиденды — престиж, многочисленные военные базы и коммуникации, то легко представить себе масштабы смятения в головах британских политиков, вынужденных в 1940–1960-е расставаться со всем этим добром.

В 1947 году Индия, «жемчужина в короне Британской империи», обрела независимость. Это событие «открыло шлюзы», однако поначалу значительная часть лондонского истеблишмента все еще считала, что этой потерей можно ограничиться. В Форин оффисе рассматривалась идея создания блока западноевропейских стран, лидирующая роль в котором отводилась Великобритании со всеми ее владениями и который мог бы на равных соперничать с СССР и США. Уинстон Черчилль выступил с концепцией «трех кругов», опоясывающих Британию. Первый круг, или сфера, — это империя, второй — США, Канада и другие английские доминионы, третий — континентальная Европа. «...Мы являемся единственной страной, которая играет великую роль в каждой из сфер. Фактически мы — главный центр связи... мы имеем возможность объединить все три сферы», — писал Черчилль. А после прихода консерваторов к власти в 1951-м он заявил, что выиграл выборы не для того, чтобы «председательствовать при закате Британской империи».

Последние иллюзии о возможности сохранить империю развеял Суэцкий кризис 1956 года. Именно тогда большая часть британского политического класса окончательно осознала, что претензии на сохранение статуса глобальной державы не подкреплены ни экономической, ни финансовой, ни военной мощью.

В 1960-м, когда была провозглашена независимость сразу 17 государств африканского континента, премьер-министр Великобритании Гарольд Макмиллан, выступая в Кейптауне, признал неизбежность деколонизации. В 1964 году новый глава правительства Гарольд Вильсон еще заявлял, что границы Британии «проходят по Гималаям», однако уже в 1967-м на фоне экономических проблем и девальвации

фунта стерлингов кабинет объявил о выводе британских войск «к востоку от Суэца». После этого оставалось вести лишь «арьергардные бои» — решать родезийскую проблему, а потом уходить из Гонконга.

В стране, жители которой прежде отличались монолитным ощущением принадлежности к метрополии, произошла трансформация самого понятия «британство», начавшего с небывалой интенсивностью дробиться на английскую, шотландскую, валлийскую и ирландскую составляющие. Кроме того, Великобритании был брошен еще один вызов — необходимость по-новому строить отношения в треугольнике Британия — Европа — США.

Менялись и другие аспекты мировосприятия. Культурная парадигма, заданная викторианской Англией, уступала место неприятию конформизма, новым представлениям об общественной морали, искусстве, отношениях между полами, человеческой индивидуальности. С новой силой зазвучали многие пассажи из эссе Мэтью Арнолда «Культура и анархия» (*Matthew Arnold. Culture and Anarchy. 1869*), критиковавшего англичан за излишний прагматизм и филистерство и призывавшего их к более широкому, «европейскому» взгляду на вещи. В 1970-е годы страна столкнулась с социально-экономическими проблемами, Британию стали именовать «больным человеком Европы». До этого так называли Францию в годы послевоенной правительственной чехарды, а еще раньше — Османскую империю на закате ее существования.

Однако никакие перипетии развития не стерли из исторической памяти жителей Альбиона воспоминания о *Pax Britannica*. Это стало очевидным в 1982 году, когда вспыхнул британо-аргентинский вооруженный конфликт из-за Фолклендских островов. По сути, эта война, которую можно рассматривать как защиту британской морской территории от нападения извне, была справедливой. Однако само отношение к этому конфликту, сопровождавшая его риторика, возрождение джингоизма (приверженность крайним шовинистическим воззрениям, агрессивный, воинствующий патриотизм. Данный термин, впервые появившийся в конце 1870-х, произошел от английского слова *jingo* — «джинго», кличка английских шовинистов. — Ред.) продемонстрировали стремление англичан показать всему миру, что Великобритания не просто европейское государство, а по-прежнему великая держава.

Однако фолклендский «всплеск» не получил продолжения. На самом деле Британия уже не только не могла, но и не желала чув-

О Британской империи уже больше сорока лет в Англии не говорят. <...> Но каждый раз, путешествуя, я сталкиваюсь с остатками этой империи и удивляюсь, почему они со временем не ступшевываются. Самое яркое воспоминание — это остров Пенанг, в Малайе, на котором мы провели целую неделю в ожидании парома в Индию. Мы остановились в бывшем доме отдыха для британских правителей и их секретарей. <...> Малайские официанты подавали малайским бюрократам тот же виндзорский суп, облюбованный овдовевшей королевой Викторией, потому что в нем было много уксуса. Потом нам подали ростбиф с жареной картошкой, и если бы у нас хватило сил остаться на месте, подали бы еще и тот сытный рождественский пудинг, который своими калориями заменяет англичанам центральное отопление. <...> Конечно, для путешествующего англичанина-моноголота самое дорогое наследство нашей империи — всеобщее знание английского языка. Без нашего языка Индия разорвалась бы на части от национальных распрей, и до сих пор индусы-буржуа говорят на таком хорошо сохранившемся английском, какого в Лондоне уже не услышишь. <...> Империя строго соблюдает сословные различия, хотя в Англии все уже перемешано, так что среднего профессора трудно отличить от среднего бомжа.

*Дональд Рейфилд.
Заметки об Англии*

ствовать себя наследницей империи. Несмотря ни на что, отношение британцев к окружающему их миру изменилось. В противовес постимперскому синдрому, время от времени все-таки дававшему себя знать, начал формироваться комплекс «маленькой Англии» — ощущение уязвимости своей страны перед внешними опасностями и стремление во что бы то ни стало оградиться от них. Одним из признаков такой трансформации стало нарастание враждебности к иностранцам, особенно цветным, появление в стране националистических, шовинистских настроений.

ВРЕМЯ НАЦИОНАЛ-ШОВИНИЗМА

В 1968 году лидер консерваторов Эдвард Хит вывел из состава «теневое правительство» видного консервативного политика Инока Пауэлла за некорректные высказывания в адрес иммигрантов из бывших британских колоний. Выступая в Бирмингеме, Пауэлл сравнил Британию с Древним Римом, павшим под натиском варваров. «Словно римлянин, — патетически восклицал он, — я вижу воды Тибра, бурлящие кровью». (По прогнозам, именно Бирмингем, характеризующийся значительным культурным многообразием, станет в 2007-м первым городом в Великобритании, где цветные жители, в первую очередь мусульмане, превысят по численности белых.)

Несмотря на крушение политической карьеры Пауэлла, «твердая позиция» по вопросам иммиграции стала с тех пор одной из отличительных черт политики Консервативной партии. Хотя в целом представителям британского истеблишмента удавалось не переступать грань политической корректности, скандалы, связанные с расистскими высказываниями то одного, то другого политика, случались не раз. В 1979 году предвыборный манифест Консервативной партии содержал обещание ужесточить политику в отношении иммигрантов и этнических меньшинств.

Иммиграционный контроль за лицами, приезжающими из государств Содружества, был введен в 1962-м и усилен в 1971 году. После принятия в 1981-м и 1987-м законов об иммиграции нахождение в стране сверх установленного срока стало уголовно наказуемым. Закон 1996 года усложнил правила выплаты социальных пособий определенным категориям переселенцев. Фактически это означало отказ от старой доброй традиции, коренящейся в идее «бремени белого человека», его ответственности перед колонизованными народами.

Вплоть до конца 1980-х этнические меньшинства не имели своих представителей в британском парламенте. Лишь на выборах 1987 года от лейбористов избираются четыре депутата с черным цветом кожи. В 1997-м от трех ведущих партий было выставлено 42 кандидата, относящихся к этническим меньшинствам (13 — от лейбористов, 10 — от консерваторов и 19 от либерал-демократов). На следующих всеобщих выборах — 66 (соответственно 22, 16 и 28). Лишь два депутата представляли интересы мусульманской общины. К началу 1990-х годов в Британии стали говорить о смерти идеалов Содружества, о том, что дискриминация по расовому и национальному признаку приняла в стране институциональный характер.

Лейбористы, сменившие консерваторов в 1997-м, более благосклонно относились к выходцам из стран Третьего мира, главным образом бывших британских колоний, но здесь сказались не столько рудименты имперского мышления, сколько демократические идеалы и электоральные императивы. Вместе с тем ужесточение подхода лейбористов к проблеме иммиграции в последние годы, война в Ираке оттолкнули от лейбористского правительства многих представителей этнических меньшинств, особенно мусульман. Именно этим фактором в значительной степени объясняются потери правящей Лейбористской партии на довыборах в 2004–2005 годах.

Влияние имперского прошлого особенно заметно в деятельности современных ультраправых движений. После Второй мировой войны в их агитации на первый план вновь, как когда-то, вышла имперская тематика и идея «бремени белого человека». Однако если раньше в основе подобных настроений лежало ощущение снисходительного превосходства над туземными народами, то с началом болезненного распада империи их сменили враждебность, неприязнь и агрессия.

Откровенную шовинистическую риторику использовали несколько политических движений. В 1967 году в результате объединения ряда организаций был образован Национальный фронт (*National Front, NF*). Национал-популизм *NF* нашел отклик главным образом в среде городских неквалифицированных рабочих. Пик популярности *NF* пришелся на конец 1970-х, когда его численность достигла 20 тысяч человек. В следующее десятилетие популярность *NF* несколько снизилась в связи с тем, что ура-патриотическую риторику перехватила Маргарет Тэтчер.

Тогда же о себе заявила Британская национальная партия (*British National Party, BNP*), пользующаяся репутацией расистской организации. Питательной почвой для роста ее популярности оказалось враждебное отношение к иностранцам, но если раньше проявление шовинизма и расизма представляло собой реакцию на проблемы, связанные с распадом Британской империи, то теперь оно было обусловлено новым испытанием для британского самосознания — процессами глобализации, которые привели в движение большие массы людей.

BNP выступает за прекращение «провалившегося», по ее мнению, мультиэтнического эксперимента и позиционирует себя как защитницу коренных британцев от проводимой «новыми лейбористами» политики «культурного обезличивания». «Если нынешняя демографическая тенденция продолжится, — говорится на сайте организации, — то мы, коренные британцы, через 60 лет превратимся в этническое меньшинство в собственной стране. Мы призываем к незамедлительному прекращению всякой иммиграции, к депортации незаконных иммигрантов и введению системы добровольного переселения для законных иммигрантов... Мы запретим “позитивную дискриминацию”, которая превратила белых британцев в жителей второго сорта».

К 2004 году присутствие *BNP* на политической сцене стало настолько заметным, что представителям трех ведущих партий пришлось провести серию консультаций для координации действий, направленных против ультраправых. Если в 1997-м на выборах в британский парламент свои голоса отдали *BNP* около 50 тысяч человек, то в 2005 году — уже свыше 200 тысяч. Популярности организаций, подобных *BNP*, способствовали беспорядки на расовой почве в истекшие десятилетия. В последний раз межэтнические столкновения, нередко провоцируемые ультраправыми, прокатились по городам Северо-Западной Англии в 2001-м. В Лидсе причиной беспорядков послужил арест одного бангладешца, в ходе которого полиция, по словам очевидцев, проявила чрезмерную грубость. В столкновениях азиатской молодежи со стражами порядка не обошлось без баррикад из горящих автопокрышек и «коктейля Молотова».

Главные лозунги ультраправых — запрет иммиграции и защита этнической чистоты коренных британцев — перемежались с проявлениями враждебности к Европейскому союзу. В этом *BNP* и близ-

кие ей движения смыкались с партиями антиевропейской направленности.

Тем не менее очевидно: несмотря ни на что, демографические и миграционные тенденции неизбежно приведут к тому, что политический вес выходцев из бывших британских колоний и протекторатов возрастет, причем их позиции будут становиться все более самостоятельными.

МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И США

В 1950–1960-е годы в Британии доминировала точка зрения, согласно которой, чтобы компенсировать потерю империи и влияния, Лондону необходимо было стать «особым партнером» заокеанского соседа. Когда в годы холодной войны США и Европа объединились во имя противостояния общему противнику, Британия выстраивала с ними не альтернативные, а взаимодополняющие отношения.

Однако окончание холодной войны подтолкнуло страны — участницы интеграции к самоутверждению в качестве самостоятельного игрока на мировой арене. Со времени прихода к власти в США Рональда Рейгана, который положил конец американскому либеральному проекту так же решительно, как Маргарет Тэтчер уничтожила политический консенсус в Великобритании, европейская и американская модели развития все больше расходились. Современное европейское мировоззрение основано на философских и социологических коммунитарных теориях Юргена Хабермаса, Эмиля Дюркгейма, Ричарда Тоуни, Джона Роулса и Джона Кейнса и имеет мало общего с индивидуалистическими традициями американского консерватизма, опирающимися на идеи Роберта Нозика, Лео Штраусса, Ирвинга Кристолла, Дэниела Патрика Мойнихэна и Томаса Фридмена.

После окончания эпохи тэтчеризма Британия вновь задалась вопросом: может ли она одновременно быть и европейской, и англосаксонской страной? В начале XXI века, особенно на фоне ситуации в Ираке, значительная часть интеллектуальной и деловой элиты Британии остро ощущает шаткость положения страны, одной ногой стоящей в США, а другой — в Европе. Европеизации Британии сопротивляются в основном правые круги политической элиты и часть военного истеблишмента. Хотя процесс европейской интеграции приостановился вследствие провала ратификации евроконституции, время принципиального выбора для Великобритании

приближается. Стране долго удавалось балансировать на краю внутривелизационного надлома, однако, когда он становится все больше похож на разлом, необходимо определяться.

Большинство британских политиков считают «особые отношения» с США исчерпавшим себя проектом. Однако проблема состоит в том, что англичане, составляющие 80 % населения страны, настороженно относятся и к Европе. Это усиливает нерешительность лейбористов и подпитывает антиевропейские настроения Консервативной партии. Растет спрос на популистские движения, опирающиеся на два взаимоисключающих свойства английской самоидентификации: с одной стороны, неспособность смириться с падением глобальной роли Британии, с другой – комплекс уязвимой «маленькой Англии».

В 1993 году на британскую политическую сцену явилась под лозунгом выхода страны из Европейского союза Партия независимости Соединенного Королевства (*UK Independence Party, UKIP*). Эта организация – политическое воплощение агрессивного и популистского аспектов английского национализма, она опирается как раз на тех, кто страдает комплексом «маленькой Англии». Ее идеологи усматривают главный источник опасности в евробюрократии, подтачивающей суверенитет страны; их излюбленные лозунги – «Кто правит Британией?», «Вернем британцам родину!», «Восстановим контроль над нашими границами!».

UKIP с готовностью эксплуатирует ксенофобию, исторические обиды и уничижительные национальные стереотипы, избрав демагогию в качестве главного орудия агитации. Популярность *UKIP* показывает, что подспудное неприятие иностранцев – явление достаточно массовое в Британии. То же самое продемонстрировал и опрос, проведенный социологами из агентства *MORI* в марте 2001 года: 71 % респондентов поддержали идею проведения референдума о выходе Британии из состава ЕС, 52 % выразили готовность проголосовать за такой шаг.

Так же как и в других популистских движениях Британии, включая *BNP*, ведущую роль в *UKIP* играют не маргиналы, а представители истеблишмента. С 2002-го партией руководит Роджер Кнапман, который в 1987–1997 годах представлял в парламенте Консервативную партию, занимал высокие министерские и партийные посты, в частности был «партийным кнутом» (*party whip* – организатор работы партийной фракции в парламенте, в обязанности кото-

рого входит поддержание дисциплины, обеспечение голосования в соответствии с «генеральной линией» и т. д. — Ред.).

Однако наиболее известный деятель *UKIP* — Роберт Килрой-Силк, который, в отличие от большинства видных евроскептиков, вышел из рядов Лейбористской партии. За его плечами диплом Лондонской школы экономики, преподавательская работа в университете, многолетняя деятельность в парламентской фракции лейбористов, а затем успешная карьера телеведущего.

Эксплуатируя глубинные страхи обывателя, Килрой-Силк умело трансформировал свою известность в политический капитал. Газеты окрестили его «британским Берлускони», претендующим на роль защитника «простого человека» от «продажных политиков», «незванных иностранцев» и «брюссельских бюрократов». За Килрой-Силком стоят такие фигуры, как, к примеру, магнат Ричард Десмонд — владелец медиагруппы *Express* (газеты *The Express*, *The Sunday Express* и *The Star*).

Популярность *UKIP* обусловлена не столько политической конъюнктурой, сколько проблемами, связанными с самоидентификацией британцев в условиях деволуции — постепенной федерализации государственного устройства страны — и европейской интеграции, совпавших с всеобщим недовольством политическим истеблишментом, непоследовательным европеизмом лейбористов и продолжающимся кризисом Консервативной партии.

БРИТАНИЯ НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Помимо «трех кругов», о которых в свое время говорил Уинстон Черчилль, у Британии имелось и четвертое, внутреннее измерение — сфера первоначальной экспансии Англии, вовлекшей в свою орбиту Ирландию, Уэльс и Шотландию. Сплав этих составляющих и стал ядром британства. Недаром эпос о короле Артуре и рыцарях Круглого стола имеет кельтское происхождение, и если Ланселот и Гвиневьера — персонажи древних англосаксонских сказаний, то Тристан и Изольда — это опять же герои кельтского фольклора (Друстан и Эссилт).

В то время как регионы «кельтской периферии» обладали широкой автономией, сердцем Великобритании всегда оставалась Англия, а англичане составляли государствообразующую нацию. Английский национализм не был ни этническим, ни разъединяющим, а выполнял гражданскую, интегрирующую функцию. Британская

империя представляла собой не что иное, как воплощение английского мессианизма и английского видения международного устройства. Распад империи привел к фундаментальному сдвигу в самосознании британских граждан. Активизировались национальные движения, все большее число людей ощущали себя не британцами, а шотландцами, валлийцами, ирландцами. По опросам общественного мнения, даже в Англии лишь треть населения считает себя в первую очередь британцами.

Факторы, долгое время объединявшие жителей страны (протестантизм, превосходство британских институтов власти, монархия, империя), переставали работать. Известный британский мыслитель Дэвид Маркуэнд назвал идею «британства» в ее традиционном виде анахронизмом.

Если раньше доминировала точка зрения о Великобритании как об однородном государстве, то в последние десятилетия англоцентристская версия британской истории подверглась критике. Фрагментация британского самосознания ускорилась в результате реформ «новых лейбористов», направленных на расширение региональной автономии. Ряд британских интеллектуалов сделали вывод о том, что центробежные процессы однозначно приведут к дезинтеграции страны. Так, шотландский исследователь Том Нейрн утверждает: лейбористы глубоко заблуждаются, полагая, что деволуция остановит рост национализма. Только отделившись друг от друга, Англия и Шотландия обретут жизнеспособную постимперскую идентификацию. Другие, признавая факт подспудной федерализации государства, не усматривают в этом опасность для ее территориальной целостности. «Миф о “единой и неразделимой” британской нации показывает, как Британия воспринимала себя в прошлом, — пишет специалист по Шотландии Джеймс Митчелл. — Новый миф об особости Шотландии искажает реальность не меньше». Характерно, что с 2001-го слово «Британия» в названии ежегодника Государственного бюро национальной статистики было заменено на «Соединенное Королевство».

Нынешнее лейбористское правительство убеждено в необходимости сохранить единство Великобритании путем дальнейшей модернизации ее конституционного устройства, развития культурного многообразия. Немало и тех, кто видит путь к сохранению целостности в установлении республиканской формы правления взамен монархии, переставшей служить символом единства нации.

Процесс обособления различных частей страны вряд ли обратим, однако вовсе не обязательно рассматривать это как трагедию. Англия достаточно либеральная страна, чтобы избежать местечкового национализма. Возможно, что единство в долгосрочной перспективе будет сохранено именно благодаря развитию федерализма. Однако движение от крупных и гетерогенных политических и культурных образований к более мелким и однородным может усилить опасность идентификации на основе этнических и религиозных принципов.

* * *

В свете трагических событий в Лондоне в июле 2005 года, организаторами которых были не иностранцы, а натурализованные и даже выросшие в Британии мусульмане, особенно остро встал вопрос о том, что такое британская нация, как соотносятся интеграция и ассимиляция, жизнеспособна ли концепция мультикультурализма. В Британии неожиданно появились свои «лица кавказской национальности» — мусульмане. А ведь совсем недавно, в 2002-м, девять из десяти жителей страны считали, что британец необязательно должен быть белым, четверо из пяти — что необходимо уважать права этнических меньшинств.

Как теперь изменятся общественные настроения? Как реанимировать британство, и прежде всего чувство сопричастности и доверия друг к другу, если в обществе царит атмосфера всеобщей подозрительности, а за жизнью британцев на улицах, в магазинах и банках, аэропортах и общественном транспорте наблюдают более четырех миллионов камер слежения? Хочется верить, что Великобритания не поддастся культурной автаркии и ксенофобии, не растеряет свое многообразие и не откажется от диалога культур и образов жизни. То есть останется такой, каковой в эпоху своего расцвета была Британская империя.

Франция: величие превыше всего

Евгения Обичкина

Если и есть в мире страна, для которой убеждение в своем великодержавном предназначении важнее реальных фактов, его подтверждающих, то это Франция. «Начиная с Наполеона, а потом от де Голля до Миттерана французская политика представляет собой попытку восстановить былое величие при полном отсутствии средств, которые делали бы это возможным», — писал политолог и философ Пьер Асснер. О величии грезил не только творцы внешней политик — эта идея стала частью национальной политической культуры.

Историк Альфред Гроссер подчеркнул едва ли не антропологический характер убеждения французов в собственной избранности: «Франция — страна, руководители которой сами являются частью общественного мнения, воспринимающего национальный престиж не в качестве средства достижения конкретных результатов, а в качестве самоцели, позволяющей испытывать исключительно сильные чувства самоудовлетворения и снисходительности к загранице».

Международный престиж для французов — это одновременно и предмет национальной гордости, и причина для неотступной тревоги. С начала XX века к внешним факторам, вызывавшим во Франции болезненный страх упадка, добавились и внутренние. Слабым местом стала экономика, точнее, неспособность адаптироваться к современным формам производства и к потребностям рынка. Из-за этого страна отставала от конкурентов, прежде всего от США. Медленный прирост и старение населения, недостаток инвестици-

Е.О. Обичкина — д. и. н., доцент кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО(У) МИД РФ.

онной и инновационной активности и большой вес аграрного сектора в экономике, уязвимость перед германским соседом служили постоянными мотивами для тревоги.

В то же время Франции, как правило, удавалось находить факторы, которые компенсировали присущие ей слабости, и сохранять позиции и на мировой, и на европейской арене. Это в первую очередь политика в отношении бывших колониальных владений, выстраивание особых отношений союза-конкуренции с англосаксонским миром и стратегическое примирение с «наследственным врагом» — Германией в рамках большого европейского проекта.

ИМПЕРСКИЙ ШЛЕЙФ

К концу XIX века наличие колониальных владений стало одним из неперемennых атрибутов великодержавного могущества. Еще при Наполеоне III и в первые десятилетия Третьей республики (1870—1940) строительство империи (в эпоху расцвета — вторая по территории в мире) было важным фактором, компенсировавшим ослабление позиций Парижа в Европе.

Однако политика удержания имперского влияния дорого обошлась Франции. Жестокие колониальные войны — в Индокитае (1946—1954) и Алжире (1954—1962) — поставили страну на грань катастрофы, серьезно подорвав ее внешнеполитические позиции. Но Париж потому и бился за сохранение своих колоний с таким ожесточением, что империя оставалась последним из былых символов великодержавности.

«Всякое проявление могущества (от завоевания до помощи, от вмешательства до сотрудничества) имеет свою цену... Оно порождает цепь субординации, клиентельных отношений, претензий. Поддержание могущества, вначале скрыто, потом явно, подтачивает само это могущество», — указывает видный французский политолог Филипп Моро-Дефарж. Могущество преходяще, и причина упадка кроется в самой его природе: издержки могущества начинают постепенно перевешивать его преимущества. «Всякая империя погибнет» — таков вывод классика французской политологии Жан-Батиста Дюрозеля, давший название его книге о тайне международного влияния.

Разрыв Франции с имперским прошлым знаменовался двумя событиями: Суэцким кризисом 1956 года и деколонизацией Алжира в 1962-м. Но колониальный шлейф не оборвался после массового

(около миллиона человек) бегства французов из бывшего заморского департамента. Конец империи привел к еще более массовой иммиграции во Францию жителей стран Магриба, Ближнего Востока и Черной Африки. Выходцы с других берегов Средиземного моря создали внутри французского общества мощную мусульманскую идентичность, которая, как мы еще раз могли убедиться во время бурных событий ноября 2005 года, превратилась в важный фактор внутривосточного и социального развития.

Последнее обстоятельство серьезно влияет на выработку политики в отношении мусульманского Востока и в ближневосточном конфликте. С одной стороны, Франция стремится поддерживать интенсивные отношения со странами Магриба. С другой — стать арбитром в ближневосточном урегулировании Парижу мешает память арабов о Суэцком кризисе. (После национализации Египтом Суэцкого канала Лондон и Париж попытались оказать военное давление на Каир для обеспечения судоходства на их условиях. Против англо-французских действий выступил Вашингтон, в результате чего войсковую операцию пришлось прекратить. — Ред.).

Франция не желает ни предоставить страны региона самим себе, ни допустить в них безраздельное влияние США, привлеченных нефтяными богатствами региона. В постколониальную эру Париж привык считать свои бывшие территории в Средиземноморье и Африке «заповедной зоной» собственного влияния. В 1995-м тогдаш-

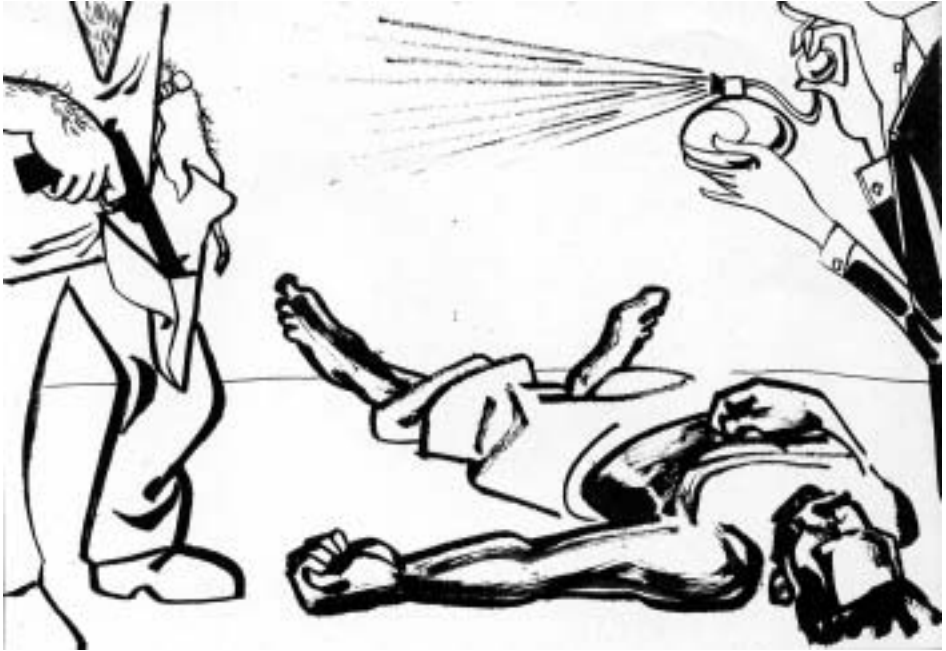

«Крокодил». № 2. 1955 г.

ний французский премьер-министр Ален Жюппе заявил, что эти два региона представляют для Франции «предпочтительную ценность». И от Парижа требуется особая деликатность, чтобы попытки покровительствовать и помогать бывшим колониям не были истолкованы как неоколониализм. Груз колониальных отношений и сравнительная ограниченность финансовых ресурсов, которые Франция может направить на оказание помощи в развитии стран региона, Париж уравнивает, привлекая к средиземноморскому сотрудничеству средства и институты Европейского союза.

Поскольку и экономические, и силовые возможности Франции в мире существенно сократились, основной упор делается на гуманитарный характер миссии и — в связи с мусульманским фактором внутри французского общества — на диалог цивилизаций. «Наша роль всегда состояла в том, — писал Жюппе, — чтобы наводить мосты, утверждать ценности свободы, терпимости, демократии, которые могут приобретать различные оттенки в соответствии с духом, присущим каждой нации, каждой цивилизации, но которые остаются универсальными».

Продвигая внутри Евросоюза (совместно с Испанией и Италией) идею евро-средиземноморского партнерства, Франция добилась созыва в Барселоне осенью 1995 года средиземноморской конференции. В ее задачи входило преодоление растущей психологической пропасти между европейским и арабо-мусульманским миром,

Франция очищает атмосферу в Алжире. «Огонек». № 50. декабрь 1960 г.

создание «пространства солидарности» со всеми странами Средиземноморья.

Африка традиционно считалась одной из опор глобальной политики Франции. Париж, сохранивший после деколонизации сильные военно-политические позиции в регионе, претендовал на роль гаранта стабильности. Франция имеет право военного вмешательства в целях сохранения или восстановления внутривосточной стабильности и обеспечения безопасности европейского населения, а также располагает воинскими контингентами на территории ряда стран: Джибути, Сенегала, Центрально-Африканской Республики, Чада, Кот-д'Ивуара, Камеруна.

После окончания биполярного противостояния в мире, когда Африка потеряла прежнее значение как объект соперничества в соревновании двух систем, стратегия Франции направлена на активное подключение разного рода международных организаций и объединений (ВТО, ООН, ЕС) к оказанию помощи ее бывшим колониям. Одно из важнейших направлений — преодоление отсталости бывших африканских колоний в рамках франко-африканского сообщества. В 1989 году глава государства Франсуа Миттеран выступил с инициативой списания долгов с наиболее слаборазвитых

На взгляд националистов (Туниса и Алжира) события, развернувшиеся на Ближнем и Дальнем Востоке после поражения в войне Германии и Японии, не могут остаться без последствий для африканского мира. Это, однако, главным образом результат внешнего заговора против нашей Северной Африки, преследующего цель ни больше ни меньше как предать Францию судилищу ООН, после которого будет вынесен соответствующий вердикт.

Среди участников этого заговора можно видеть арабские страны, объединенные исламской солидарностью, и блок, сформированный СССР и его сателлитами. <...> Россия — величайшая по размерам империя белых людей — вмешивается в чужие дела под флагом антиколониализма.

*Альфонс Жюн
маршал Франции, командующий войсками «Свободной Франции»
в Италии, силами НАТО в Европе 1952–1956,
Воспоминания, т. 2. Париж, 1960*

стран. В следующем году их займы были преобразованы в безвозмездные субсидии. С начала 1990-х руководители Франции выступают с инициативой превращения долгов в инвестиции, что пока не вызвало большого энтузиазма ни у развитых стран, ни у французской экономической элиты.

Несмотря на великодушные призывы к расширению экономического содействия слаборазвитым странам, в последние годы французская помощь на нужды развития сократилась с 0,5 % до 0,32 % ВВП, хотя социалисты еще в 1980-х годах намеревались довести ее вес в бюджете до 1 % ВВП. Тем не менее по объему помощи бедным странам по отношению к ВВП Франция продолжает занимать первое место в «большой семерке».

В конце 1990-х французская дипломатия была вынуждена принципиально изменить концепцию франко-африканских отношений. Как и в других сферах, главным фактором приумножения ее влияния является Европейский союз. Изменилась и риторика, сопровождающая политику Парижа. Этой риторике все еще присущ ностальгический тон, но она наполнилась актуальным содержанием. Обсуждаются главным образом две ключевые идеи — борьба с бедностью и гуманная глобализация. Официально декларируемая политика сотрудничества «призвана играть ведущую

роль, подчеркивающую решимость Франции бороться за более управляемую и гармоничную глобализацию». Девизом страны стала «солидарная глобализация».

МОГУЩЕСТВО С ОПОРОЙ НА СОЮЗЫ

В XX век французы вступили под знаком молниеносного и сокрушительного поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 годов. Катастрофические потери в Первой мировой войне породили стремление любой ценой избежать в будущем столкновения с Германией и определили внешнюю политику межвоенного периода, в которой поиски союзов и системы безопасности сочетались с политикой ослабления германской мощи. Поэтому не менее важной составляющей стратегии французского могущества стало строительство военно-политических союзов.

С момента крушения империи Наполеона военно-политические союзы играли во французской внешнеполитической традиции двоякую роль: помимо обеспечения безопасности они содействовали поддержанию международного престижа страны.

Во времена, когда главную угрозу представляла Германия, эта стратегия опиралась на идею взятия ее в кольцо недружественных стран. Такой подход предполагал союз Франции с Россией, а впоследствии с СССР. Идеологически подобный союз не всегда представлялся безусловным, поэтому в 20-е годы прошлого века «русского медведя» пытались неудачно заменить молодыми государствами Восточной Европы. Малая Антанта оказалась одним из наиболее слабых звеньев системы безопасности Франции в преддверии Второй мировой войны, символом провала такой стратегии стал позорный мюнхенский сговор с Гитлером.

Константой и одновременно одним из парадоксов французской внешней политики XX века оставалась неизменность решения строить безопасность на союзах с Соединенными Штатами и Великобританией, несмотря на перманентный конфликт с ними в том, что касалось международного влияния. И в двух мировых войнах, и в годы холодной войны Париж стремился упрочить свою мощь благодаря союзам с Лондоном и Вашингтоном, будь то система коллективной безопасности типа Версальско-Вашингтонской, антигитлеровская коалиция или Североатлантический пакт. В то же время согласие с англосаксами, обеспечивавшее Франции международный престиж, оказалось далеко не безупречным в сфере колониального

соперничества, экономического влияния и претензий на политическую гегемонию в Европе.

Последним англо-французским столкновением из-за колоний стал фашодский инцидент 1898-го (французы попытались закрепиться на территории Судана, на который претендовали англичане. Английский отряд окружил захваченное французами селение Фашода, и его командир потребовал покинуть долину Нила под угрозой открытия огня. Только неготовность к войне заставила Париж отдать приказ уйти из Фашоды и отказаться от претензий на Верхний Судан. — Ред.). Договор об Антанте 1904 года, направленный против Германии, одновременно явился франко-британским соглашением о закреплении сфер влияния. После Первой мировой войны Великобритания и Франция разделили между собой германские колонии и турецкие владения. Будучи колониальными империями, обе державы достигли к началу XX века апогея мирового влияния. Если союзы придавали им мощь, то статус империи — планетарное величие. Однако к середине века франко-британская солидарность в колониальном вопросе была подорвана: Великобритания сблизилась с Соединенными Штатами, признав принцип суверенитета, провозглашенный Атлантической хартией 1941 года.

Для США рост национализма в колониях был главным противовесом распространению там коммунистических идей. Поощрение англичанами арабских националистов и прямой нажим Великобритании заставили Францию покинуть свои ближневосточные мандатные территории Сирию и Ливан. С другой стороны, Вашингтон не оставлял попыток экономически и политически проникнуть во французские владения. Парижу было очевидно, что он не может рассчитывать на англосаксонских союзников в своем стремлении сделать колониальную империю главной ставкой в борьбе за возвращение статуса великой державы. Получить американскую помощь для войны в Индокитае и заручиться англо-американской поддержкой в ООН в период колониальных войн Франции удавалось только в тех случаях, когда борьба за сохранение империи могла вписаться в «крестовый поход» против коммунизма.

Если бы после Второй мировой войны судьба Франции (не говоря уже об ее международном престиже) зависела только от США, то американский президент Франклин Делано Рузвельт поставил бы под вопрос само ее суверенное существование. Известно, что при-

знание Временного правительства Шарля де Голля в качестве законного представителя французской нации стало возможным благодаря поддержке Сталина, а присоединение Франции к клубу держав-победительниц — благодаря стремлению Уинстона Черчилля уравновесить тандемом двух западноевропейских держав беспрецедентное влияние СССР в Европе. Несмотря на эти успехи, в послевоенные годы при Четвертой республике (1946—1958) усилия Франции вернуться в круг мировых держав были ограничены и экономической зависимостью от США, и рамками биполярной системы, то есть зависимостью военно-политической.

Прогрессирующая болезнь

Шарль де Голль
с большим апломбом
Славит атомную бомбу.
Говорит он, что Париж
Видит в этом свой престиж.
Ради этого престижа,
Что писаками воспет,
От натуги нажил грыжу
Государственный бюджет.
Каждый год одну примету
Видит Републик Франсэз:
К атомной статье бюджета
Прибавляют новый вес.
Вес огромен! Я предвижу,
Что в бюджете этот факт
Вскоре сможет, кроме грыжи,
Вызвать подлинный инфаркт!

А. Безыменский

«Крокодил». № 18. июнь 1964 г.

С одной стороны, такая ситуация наилучшим образом ограждала Францию от опасностей со стороны и Германии, и «советской угрозы». С другой — постоянно напоминала об унижительном положении. Так было, например, во время уже упоминавшегося Суэцкого кризиса, когда США продемонстрировали участникам англо-французской коалиции, насколько условно их право на суверенное решение в мировых делах.

Франция не хотела мириться с ролью «средней державы». Успешное развитие экономики, укрепление франко-германского тандема, лидирующего в западноевропейской интеграции, и опора на Общий рынок стали главными достижениями Четвертой республики в плане возрождения могущества страны. К этому следует добавить также развитие французской ядерной

программы, хотя это преимущество сыграет свою роль только во времена Пятой республики (с 1958-го).

Ее основатель Шарль де Голль провозгласил своей задачей возрождение величия Франции. Благодаря его независимой политике Париж с 1958 по 1969 год стал играть роль, непропорциональную его реальному могуществу. Величие понималось президентом де Голлем не как данность (Франция не могла тогда сравниться с двумя сверхдержавами), а как философия действия и как исторический долг. По его словам, величие — «это путь, который избирают, чтобы превзойти себя, подняться над собой, чтобы избежать посредст-

венности и вновь сделать Францию такой, какой она бывала в свои лучшие времена». Он подчинил внешнюю политику двум главным целям, соразмерным двум ее основным ориентирам. Для самой Франции это национальная независимость, основанная на сильном государстве и соответствующем военном потенциале. Для мира в целом — борьба за изменение международного порядка.

В мире блокового противостояния Париж не должен был оставаться в одиночестве. Формула «координация взамен субординации», характеризовавшая в годы Пятой республики отношения с США в рамках НАТО, означала отказ от подчинения диктату сверхдержав. Де Голль всегда выступал против самовластия предписывающих условий, которые неизбежно вытекали из участия в международных организациях, будь то Европейское экономическое сообщество или НАТО. Он неизменно отдавал предпочтение национальным интересам перед принципом наднациональности. Пресловутый антиамериканизм де Голля на деле являлся антигегемонизмом.

В годы, когда процветал силовой реализм, оставлявший величие на долю только двух сверхдержав, президент Франции сделал главную ставку на особое видение перспектив развития мировой системы. По его мнению, многополюсный мир более устойчив, чем биполярный. В основе международных отношений должен лежать принцип равновесия, которое определяется отнюдь не соотношением военных потенциалов. Оно понималось де Голлем как отказ от гегемонии сверхдержав, от диктата блоков, от необходимости присоединения к блоковой политике и предполагало наличие общей системы ценностей.

Самостоятельные ядерные силы, дополнившие французский военный арсенал в 1960-м, стали инструментом политики независимости, политическим орудием на службе новой стратегии — «оборонены по всем азимутам». Отказавшись от участия своей страны в военной организации НАТО, де Голль продолжал поддерживать саму идею союза и самого тесного сотрудничества с альянсом: стандартизацию вооружений, общую организацию снабжения и перевозок, координацию стратегических планов и возможность установления единого командования в случае войны. Но вооруженные силы должны были сохранять автономию и не полагаться на решения внешних сил: «Если Франции случится вести войну, надо, чтобы это была *ее* война», — считал Шарль де Голль.

Крушение биполярного мира только усугубило неравновесие сил: на смену гегемонии двух сверхдержав пришло глобальное по-

литическое лидерство Соединенных Штатов. В этих условиях борьба за установление сбалансированного диалога с США, против однополярности и тактики силового давления стала одним из главных направлений дипломатической стратегии Парижа. В рамках союзнических отношений внутри НАТО это означает стремление к реформе евроатлантической системы. Франция добивается формирования единой европейской позиции в сфере внешней политики, обороны и безопасности, превращения Европейского союза в самостоятельный полюс силы. Растущий вес ЕС на мировой арене должен, по замыслу Франции, компенсировать ослабление международного влияния страны.

АЛЬЯНС С «НАСЛЕДСТВЕННЫМ ВРАГОМ»

Опыт союзов с Англией и США в двух мировых войнах показал: французы не могут противостоять мощи германского соседа в одиночку, но и альянсы с англосаксами, во-первых, не являются сдерживающим фактором для немецкой агрессии, а во-вторых, не дают гарантии, что в случае победы Франции удастся воспользоваться преимуществами державы-победительницы.

В 1948–1949 годах Париж присоединился к планам Вашингтона и Лондона по созданию западногерманского государства. Не имея сил противостоять возрождению Германии, Франция предпочла сделать бывшего противника своим партнером и союзником. В 1950-м Париж становится инициатором создания Европейского объединения угля и стали и тем самым гарантирует себе, пусть и на основе принципа наднациональности, сохранение контроля над этими стратегическими товарами. Антигерманские страхи были еще очень сильны и в середине 50-х годов прошлого века – в ходе борьбы вокруг ратификации Парижского договора (1952) о создании Европейского оборонительного сообщества, который предусматривал перевооружение ФРГ. В конце августа 1954 года Национальное собрание Франции отказалось ратифицировать этот договор. Перевооружение же Западной Германии произошло не внутри исключительно западноевропейской структуры, а под эгидой США в связи с вступлением ФРГ в НАТО.

Испытание французского могущества на прочность германским фактором не утратило актуальность и по окончании холодной войны. Процесс объединения Германии был болезненно воспринят французским политическим классом, опасавшимся возро-

сшего веса ФРГ в Европе. Президентом Франции в то время был Франсуа Миттеран — человек, прошедший войну, немецкий плен и борьбу в Сопротивлении. Миттерану не удалось затормозить германское объединение, но он сумел добиться сочетания этого процесса с линией на форсированное европейское строительство. «Визитной карточкой» его дипломатии стала «политика сопровождения».

В ее рамках Миттеран получил согласие федерального канцлера ФРГ Гельмута Коля совместно инициировать новый качественный прорыв в деле европейской интеграции — введение единой валюты и переход от экономического объединения к политическому союзу. Можно утверждать, что для французской дипломатии Маастрихтский договор (1992) явился конструктивной реакцией на объединение Германии. Обозначенный в договоре курс на выработку европейской общей внешней политики и политики безопасности компенсировал растущий политический вес Бонна/Берлина, а учреждение евро помогло сковать потенциал немецкой марки.

ОТ СИЛОВОГО РЕАЛИЗМА К «МЯГКОМУ МОГУЩЕСТВУ»

Понятие могущества во французской теории международных отношений никогда не сводилось к простому соотношению сил. Основатели французской политологии Раймон Арон и Жан-Батист Дюрозель считали, что международный статус определяется не только и не столько материальными предпосылками, сколько целенаправленной деятельностью государства и общества, проникнутой чувством исполнения определенной миссии. Ее успех зависит от способности страны сделать свои внешнеполитические задачи притягательными для ее международного окружения.

Соперничают между собой не только государства, но и общества, коллективные представления, идеи. Филипп Моро-Дефарж считает, что «могущество не является ни данностью, ни постоянным качеством, — это созидательный процесс, своего рода продукт взаимодействия явлений и расчетов, которые в определенный момент ставят одну или несколько наций, одно или несколько обществ в центр международной игры».

Данное утверждение отражает одну из характерных особенностей французской внешнеполитической культуры. Оправданием амбициозного курса служит не только и не столько превосходство в

материальных средствах, военных или экономических, сколько морализм, своего рода «республиканское мессианство». В его основе — восприятие собственной роли как светоча западной культуры и цивилизации, родины свободы, равенства и братства. Эта идея восходит к 1792 году, когда революционная Франция посылала свои войска нести идеалы свободы европейским народам, «стонущим под игом тиранов». Имперская, а позже колониальная политика тоже строилась на ощущении цивилизаторской миссии по отношению к зависимым народам Азии и Африки.

Точно так же сознание величия взятой на себя глобальной задачи определяло независимый курс де Голля. Лозунгом его дипломатии стало «преодоление Ялты».

Шарль де Голль, глава Временного правительства Французской Республики, не был приглашен на Ялтинскую конференцию глав правительств союзных держав (1945). По его мнению, невзирая на блоковую солидарность его стране следовало отказаться признать свершившийся факт — раздел Европы на сферы влияния между СССР и англо-американскими союзниками. Франция должна была стать мостом, пробивающим «железный занавес». В этом состояло, как считал де Голль, ее историческое призвание в мире, которому были навязаны законы холодной войны. Непререкаемость силового превосходства СССР и США он желал компенсировать моральным авторитетом Франции.

Француз: — Дядя Сам, на помощь!
Дядя Сам: — Я как раз и собираюсь тебе помочь!

«Крокодил». № 4. Февраль 1954 г.

Окончание холодной войны не умерило мессианские устремления. Вышеупомянутый Ален Жюппе подтвердил верность этому курсу: «На нас возложена особая задача — сохранять бдительность, ибо наша роль всегда состояла в том, чтобы наводить мосты, утверждать идеалы свободы, терпимости, демократии».

Хотя экономический и промышленный потенциал страны, ее внешнеторговые позиции и высокий технологический уровень по-прежнему обеспечивают Франции прочное место в «большой семерке», формальные и материальные факторы, которыми Париж

обосновывал свою мировую ответственность, начали терять былое значение. Вес Франции в качестве постоянного члена Совета Безопасности ООН был поставлен под вопрос в условиях, когда кризисное урегулирование начало осуществляться в рамках односторонних действий Соединенных Штатов. Обладание собственным ядерным оружием стало не столь бесспорным аргументом перед лицом новых угроз безопасности (международный терроризм, этнические конфликты, непредсказуемость государств-изгоев). Усиление гегемонистских тенденций во внешнеполитическом курсе США и их экономическое превосходство серьезно угрожают позициям Франции в Средиземноморье и Африке. В Европе позиции англо-американского тандема усилились в связи с принятием в Евросоюз стран Центральной и Восточной Европы, для которых интересы атлантической солидарности пока важнее, чем единоклассники внутри ЕС.

В условиях американского военно-политического превосходства Франция стремится обосновать свою глобальную роль моральными факторами, сделавшись глашатаем прав человека. В этом направлении ее дипломатия обрела за последние годы достаточную связность. Данный курс наглядно проявился с весны 1999-го, когда сомнительное с точки зрения международного права вмешательство в дела Югославии получило убедительное оправдание вследствие нарушения прав человека правительством Слободана Милошевича. После косовского конфликта ближайшим поводом для демонстрации моральной позиции Франции стала возобновившаяся в августе 1999 года военная операция Российской армии в Чечне. Президент Франции Жак Ширак, поддержанный общественным мнением страны, не преминул стать наиболее жестким критиком политики России.

Однако такая позиция на время изолировала его в многостороннем диалоге Запада с Россией, значение которого возросло после событий 11 сентября 2001-го. Для Парижа улучшение отношений с Москвой было тем более важным, что одновременно усилились расхождения между Францией и США. Разногласия, скрытые в пору югославского кризиса, наиболее явно обозначились в период иракского конфликта 2003 года. Обстоятельства благоприятствовали этому: Германия разделила французские подходы, укрепился международный авторитет Китая и России, которые, как и Франция, выступают против односторонних силовых действий

США. С реализацией одного из важных слагаемых французского проекта многополярности — выработки европейской общей внешней политики — возникли затруднения, которые только подчеркивают необходимость и взаимную привлекательность тесного сотрудничества Франции и России.

Следуя своей главной стратегической задаче — сохранить глобальную роль страны, современная французская дипломатия сделала ставку на многополярность международной системы и разработала двойную стратегию реализации этого замысла. Ее первым направлением является прогресс в деле европейской интеграции, превращение Европейского союза в фактор приумножения международного влияния Франции, в самостоятельный полюс силы, чему соответствует понятие «державная Европа».

Второе стратегическое направление — усиление роли международных (межгосударственных) организаций в урегулировании кризисов и в обсуждении глобальных вопросов — тесно связано с европейским, и они взаимно дополняют друг друга. Когда международные инициативы Франции буксуют из-за отсутствия согласия внутри ЕС, ее дипломатия обращается к стратегическому диалогу с Россией и Китаем, в рамках избранного клуба постоянных членов Совета Безопасности ООН, как это случилось в период иракского кризиса 2002–2003 годов.

В постбиполярном мире Франция утвердилась в качестве средней державы с глобальными притязаниями, позиция которой в международных делах отличается самостоятельностью. При этом внешнеполитическая стратегия страны исходит не только из факторов силового могущества, но и из идеи многополярности, то есть из конструктивистской («праксеологической») предпосылки. Факторами, компенсирующими недостаток военно-политического потенциала, являются, помимо принадлежности к Евросоюзу и Североатлантическому альянсу, слагаемые «мягкого могущества». Внутреннее благополучие страны, универсальный характер ее ценностей, притягательность ее культуры и образа жизни — все это, по мнению французской политической и интеллектуальной элиты, способствует сближению интересов Франции с интересами других государств. Тем в большей степени успех глобального проекта Парижа и, следовательно, его роль в нарождающейся международной системе зависят, с одной стороны, от сохранения идентичности самого французского общества, а с другой стороны, от широкой международной поддержки как внутри Европейского союза и Большой Европы, так и за их пределами.

Португалия: за «каравеллами прошлого»

Рамалью Эанеш

На протяжении пяти с половиной веков империя была коллективным образом жизни и способом мышления португальцев. С захвата мусульманской Сеуты (город на средиземноморском побережье Марокко. — Ред.) в 1415 году до освобождения африканских колоний после «революции гвоздик» в 1974-м Португалия, эта окаймленная морем полоска земли на западной оконечности Европы, ощущала себя государством мирового масштаба. Империя оставила глубокий отпечаток в сознании нации, во многом сформировав ее современный облик.

Судьба каждой державы неповторима. И все же португальские уроки могут быть полезны для тех народов, которым тоже выпала доля следовать путем постимперской трансформации.

ИМПЕРИЯ КАК СЛЕДСТВИЕ СЛАБОСТИ

Мотивы, толкнувшие Лиссабон на имперский путь, заметно отличаются от тех, которыми руководствовались, например, идеологи колониальной политики в Лондоне или Париже.

В битве при Алжубарроте в 1385 году Португалия показала, что она отвергает идею интеграции в состав Кастилии и выбирает независимость. Такое решение повлекло за собой необходимость срочно найти убедительные ответы на два сложнейших вопроса. Во-первых, как преодолеть экономическую слабость. Во-вторых, как про-

Рамалью Эанеш — президент Португалии в 1976–1986 годах, генерал. Служил в колониальных войсках в Анголе, после «революции гвоздик» (апрель 1974-го) примкнул к Движению вооруженных сил (ДВС), которое свергло диктаторский режим, управлявший страной почти полвека. Отстранив от лидерства в ДВС леворадикальное крыло, выиграл первые демократические выборы главы государства в июле 1976 года.

Живописное путешествие в Южную и Северную Америку.
Санкт-Петербург. 1839

тивостоять агрессивным объединительным амбициям Кастилии на Пиренейском полуострове.

Попытка решить первую проблему как раз и обусловила стремление к созданию империи. На завоевание Сеуты Португалия бросила 19 тысяч солдат, 1 700 моряков и 200 судов, что, учитывая ограниченные демографические и финансовые возможности страны, свидетельствовало о серьезности замысла. Крестовый поход и призывание нести учение Христово служили лишь упаковкой для тех реальных целей, которых Лиссабон намеревался достичь путем завоевания. Поэтому не только рыцарство и священнослужители, но и торговцы и даже простой люд охотно поддержали это первое имперское предприятие.

Забегая вперед, можно отметить, что на протяжении 500 лет в португальском обществе присутствовал консенсус в отношении колониальных владений. Практически никогда не возникало трудностей в привлечении человеческих ресурсов — как рядовых переселенцев, так и аристократов-управленцев — для заморских территорий.

Исход кампании 1415-го не оправдал ожидания экономического процветания, зато проторил путь для решения второй проблемы. Ответом на амбициозные замыслы Кастилии стали экспансия в Ми-

« Grande passeio com Nogueira »

Живописное путешествие в Южную и Северную Америку.
Санкт-Петербург. 1839

ровом океане и морские открытия. Ответ, впечатляющий своей геополитической интуицией. Ведь Португалия, значительно уступавшая другим европейским державам по объективным показателям, тем самым смогла не только выравнять баланс, но и предвосхитить основное направление, по которому в последующие века развивалась мировая гонка за сферы влияния. Мы первыми отправились за великими географическими открытиями — к западному и восточному побережьям Африки, затем к Индии, Малакке, Тимору, Японии и Бразилии.

С тех пор португальский империализм был в основном продуктом растущей морской торговли и средством трансокеанской эксплуатации. Общение с «вновь открытыми» народами шло посредством рынка и на условиях относительного равенства. Оружие применяли в случаях стычек с конкурентами (как, например, на востоке) или же если возникали трудности с высадкой на сушу и созданием торговых факторий.

Конечно, Великобритания и Франция также прибегали к имперским средствам в целях торговой экспансии. Но само возникновение их империй было продиктовано не экономической необходимостью

стью. Для Лондона и Парижа расширение колониальных владений было, наряду с прочим, стратегическим компонентом в борьбе за господство в Европе.

«ПОХОРОННЫЙ ЗВОН» ПО ПОРТУГАЛИИ?

Демонтаж империи тяжело давался нации. После провозглашения независимости Бразилии в 1822 году метрополию постиг глубокий кризис. «Это похоронный звон по Португалии», — восклицал писатель и экономист Оливейра Мартинш. Он резюмировал: «Мыслящие люди делают вывод, что скоро наступит конец». Крупнейший португальский поэт XX века Мигел Торга, оглядываясь на путь, пройденный страной, отмечал: «С экономической точки зрения Бразилия составляла основу жизни португальцев... В общественном сознании она была проявлением величия, которым мы оправдывали свою бедность и незначительность».

Правда, в прошлом столетии, особенно после Второй мировой войны, желание любой ценой удерживать заморские территории постепенно начало вытесняться тягой к богатой Европе, пришло понимание того, что колонии превращаются в тяжкое бремя. Авторитарный режим Антониу Салазара мог относительно безболезненно осуществить деколонизацию, сохранив гармонию интересов Португалии и новых африканских стран. Но делать это он не захотел.

Нация же не сумела потребовать от властей решения колониальных проблем. Страна пребывала в состоянии автаркии, и большинство населения попросту не замечало происходивших в мире перемен. Империя по-прежнему оставалась в коллективном сознании «последним предметом гордости», связывалась в народном сознании с морями — «ареной наших героических деяний».

Тем не менее идеи деколонизации постепенно вызревали. Этому способствовали попытки модернизации Португалии и ее поворот к окружающему миру в 1960-е, набиравший темпы туризм, массовая эмиграция португальцев в европейские страны. Рост антиколониальных настроений стимулировала деятельность компартии и других оппозиционных политических сил. Бунтарские настроения нарастали среди университетской молодежи и христианских ассоциаций, проникшихся духом обновления, связанного с процессами, начало которым положил новый курс Ватикана. Да и молодое поколение салазаровской бюрократии испытывало все большее недовольство своим положением. От режима отвернулся даже такой старый союз-

Правительство Салазара пребывало в абсолютной уверенности в том, что европейские колонии будут существовать вечно. Поэтому мы совсем не представляли себе, в чем же, собственно, суть деколонизации. Мы просто ушли, бросив все. <...> Мы все виноваты. Мы оставили эти страны на произвол судьбы.

*Адриано Морейра,
бывший министр по делам колоний Португалии*

ник, как Великобритания. Политическая элита и крупные экономические группы, страдавшие от замкнутости Португалии, видели для себя новые возможности в богатой Европе. Примечательно, что в «движение капитанов», ставшее основой демократического переворота 1974 года, входили преимущественно офицеры колониальной армии.

Затянувшаяся и все более бесперспективная война на три фронта (Ангола, Мозамбик, Гвинея-Бисау) отнимала силы и средства, столь необходимые для модернизации. Запоздалая реакция на события в колониях привела к возникновению там вооруженных освободительных движений, ставших пешками в геополитических играх сверхдержав. В таких условиях уже трудно было рассчитывать на нормальное развитие процесса деколонизации и налаживание взаимовыгодных отношений с бывшими владениями. В результате обвал империи приобрел драматический характер. На историческую родину хлынуло полмиллиона беженцев из колоний, которые, правда, довольно быстро влились в общество.

В ЛОВУШКЕ НОСТАЛЬГИИ

Возникнув как средство национального самоутверждения, Португальская империя заняла очень важное место в сознании народа. Об идеализации колониальной политики, своего рода феномене самооправдания, писал португальский писатель Мигел Торга: «Какое-то время мы по праву считали себя гражданами мира, приверженцами некоего особенного гуманизма, и во всех своих недостатках мы видели добродетели. Даже в духовных скитаниях, к которым мы вовсе не были подготовлены, мы добивались чудес... Каждый находил в себе все лучшее, что у него было заложено в интеллекте, инстинкте и сердце, и поднимал это на поверхность сознания — в мудрости, красоте и святости».

Возможно, именно благодаря подобной мистификации, свя-

занной с восприятием империи, португальцы уверовали, что поиск, вызов и успех находятся где-то «там», вне страны. И доказательством тому — героические морские открытия и последующая эпопея массовой эмиграции. А тем временем «здесь», в Португалии, царили пассивность и пагубная отрешенность, не хватало смелости превратить настоящее в будущее. Не жалея усилий и проявляя незаурядное трудолюбие, португальцы стремились совершить чудо «там», но пассивно ждали, что в собственной стране оно произойдет само собой.

Тоска по мифическим садам имперского Эдема лишила португальцев способности смело и творчески решать проблемы современности и использовать новые возможности, обрекла их на «ностальгическую пассивность». Мигел Торга образно сравнивает португальцев с людьми, которые сидят «на вершине скалы, рассматривая маячащие вдали чужие корабли и воспевая фатальность под аккомпанемент гитары». При этом они забывают, что «от скалы могли бы отчаливать не воображаемые каравеллы прошлого, а реальные парусники наших дней».

Многие полагают, что именно в имперское прошлое уходят корнями беды сегодняшней Португалии. На колониальные владения мы, мол, растранили все лучшее, что имели: вывезли из страны наиболее предприимчивых людей, растратили средства на обустройство заморских земель. А доходы колониальных времен, приучили мыслить за пределами реальных возможностей, которые дает труд на родине.

После утраты империи нации следовало заглянуть в собственное прошлое, чтобы осознать, кем мы были, чего достигли и к чему мы все вместе можем и должны стремиться. Но на это времени уже не было: Португалия погрузилась в политические и социальные баталии. А когда период потрясений закончился, мы быстро нашли новую цель, не столько осмыслив прошлое, сколько ухватившись за предлагаемый нам извне европейский проект.

Характерно отношение португальцев к возвращению под контроль Китая в 1999 году Макао — заморской территории, принадлежавшей Португалии с XVI века. Сам этот факт был воспринят одновременно и с ностальгией, и с облегчением.

С одной стороны, анклав Макао являлся последней нитью, связывавшей нас с пятью веками имперской истории, на протяжении которых страна пережила эпоху наивысшего триумфа. С другой — проведенная в нормальных условиях деколонизация

Рамалью Эанеш (справа) на заключительных переговорах о судьбе Макао с председателем КНР Дэн Сяопином (слева) . Пекин, 1985 год

Макао помогла освободиться от чувства горечи, переполнявшего португальцев после обвального освобождения Африки. Нам удалось гарантировать сохранение как специфики Макао, так и культурного присутствия Португалии на этой территории да и во всем огромном и бурно развивающемся Азиатском регионе.

НАСЛЕДИЕ, КОТОРОГО НЕ НАДО СТЫДИТЬСЯ
Одномерный подход никогда не отражает всей картины. Несмотря на перечисленные проблемы, благодаря империи удалось добиться национального единства с крепкими традициями, не пасть ниц перед сильной Испанией и показать, что мы способны превзойти самих себя, если нас объединяет и ведет вперед общая цель. Да и «сухой остаток» португальского владычества для бывших колоний был в целом все-таки позитивным. Португалия оставила миру единую Бразилию, достаточно развитую Анголу и красочный Гоа с его уникальным переплетением европейской и восточной культур.

В отличие от латиноамериканских владений испанской короны Бразилия избежала фрагментации. В колониальную эпоху была заложена не только хозяйственная инфраструктура, но и основы бразильской национальной идентичности, в рамках которой мирно

уживается множество рас и культур. Территориальную целостность, несмотря на этническое разнообразие, сохранили Гвинея-Бисау, Ангола и Мозамбик. Вооруженная борьба, вспыхнувшая после обретения независимости, например, в Анголе, была больше связана с соперничеством сверхдержав – СССР и США, чем с межэтническими усобицами или же искусственно начертанными границами.

Сегодня часто спорят о том, должна ли бывшая метрополия нести ответственность за свои прежние колонии. На мой взгляд, признание независимости означает окончательное и бесповоротное признание того факта, что ответственность за судьбу освободившихся народов ложится на них самих. Конечно, за 500 лет контактов с бывшими колониями Португалия накопила бесценный багаж взаимоотношений с разными народами и огромный запас знаний, необходимых для эффективного функционирования и развития новых государств. И всем этим необходимо делиться. Уникальный опыт должен найти применение и в рамках Европейского союза, которому следует полностью использовать особые исторические преимущества отдельных стран-членов.

Вторгаться во внутренние дела бывших колоний без соответствующей просьбы с их стороны или международного мандата прежние метрополии не должны. Это не отвечает интересам и проживающих на тех территориях соотечественников, если, конечно, им не угрожает прямая опасность. Так, единственное вмешательство в Гвинею-Бисау в период политической нестабильности имело целью эвакуировать находившихся там португальцев и других иностранцев.

Примером корректных действий бывшей метрополии может служить последовательная поддержка Лиссабоном борьбы народа Восточного Тимора против индонезийской оккупации, которая последовала после ухода португальцев. Тиморцы продемонстрировали твердую решимость сохранить свою национальную «душу» и не поддаться «индонезизации», используя как средство вооруженной борьбы, так и методы гражданского сопротивления, поддержанного католической церковью. Португалия сделала все, чтобы создать условия для свободного волеизъявления жителей Восточного Тимора. Лиссабон добивался, чтобы международные институты, в частности ООН, выполнили свои обязательства, чтобы мировое общественное мнение, гражданские общества демократических стран были информированы о ситуации и заставили свои правительства действовать. Кампания увенчалась успехом.

БАГАЖ ДЛЯ ЕВРОПЫ

Углубляя интеграцию, народы Старого Света творят свою новую историю, одновременно пытаясь преодолеть негативные последствия прошлого. Конечной целью должно стать построение европейского гражданского общества, по-настоящему многонационального и многорасового, которое сможет перешагнуть через уже изжившее себя государство-нацию. Процесс этот, как наглядно свидетельствуют события последних месяцев, идет далеко не столь успешно, как хотелось бы.

Европа сегодня – это не более чем огромный рынок с единой валютой, она не в состоянии налаживать отношения социальной солидарности, разрабатывать и проводить в жизнь совместные проекты развития, формулировать и осуществлять согласованную внешнюю политику.

Мир становится все более глобализированным, и если европейцы уже в ближайшее время не создадут полноценный союз, то Старый Свет лишится голоса и веса в международной политике. Уделом Европы станут социально-экономический упадок и роль вечно всем недовольного, но бессильного что-либо изменить протектората США.

Нынешняя политико-экономическая конъюнктура весьма неблагоприятна для прорыва. Европейцев беспокоит замедление экономического роста, их пугает уязвимость социальной системы, а в неотвратимой глобализации они видят скорее угрозу, чем благоприятную возможность. Система правления, в которой господствует партократия, дискредитировала себя, граждане сторонятся политиков и такой представительной демократии, в которой эта партократия заправляет.

Как отмечал французский писатель и государственный деятель XIX века Алексис де Токвиль, в подобных кризисных ситуациях появляется соблазн повернуться спиной к будущему, обратиться к опробованным старым моделям, при которых жизнь, несмотря ни на что, была стабильной и относительно безопасной. Именно на этом зиждется возрождение национализма. Психологически это объяснимо, но очень опасно в современном быстро меняющемся мире, когда упущенные возможности уже не вернешь. Будущее принадлежит только тем народам, которые осознали вызов времени и способны смело на него ответить. Так, как в прежние эпохи отвечали на вызовы наши предки, открытые миру и созидавшие величие собственных народов, не боясь переступать через национальные границы и стереотипы.

Турция: привычка управлять

Сергей Дружиловский

Нынешней осенью Европейский союз приступил к официальным переговорам с Турецкой Республикой о ее вступлении в это объединение. Решение далось руководителям стран – членов ЕС с большим трудом: большинство жителей единой Европы не хотят видеть Турцию в составе главного клуба Старого Света. Брюссель уже пообещал жестко добиваться неукоснительного соблюдения всех многочисленных условий членства. По сути, от страны требуется прорыв, который по своему историческому масштабу был бы сопоставим с тем, что совершил в свое время Мустафа Кемаль Ататюрк – создатель новой турецкой государственности на обломках Османской империи. На пути в Европу XXI века Турции придется окончательно преодолеть имперское наследие, до сих пор накладывающее отпечаток на политическое сознание. Не случайно одной из самых болезненных проблем, которые придется решить туркам, станет переосмысление событий 1915 года. Европейский союз требует четко и недвусмысленно признать их геноцидом армянского народа, Анкара же от этого категорически отказывается.

Нежелание пересмотреть собственное прошлое – не единственное напоминание о былом великодержавном статусе. Идеи пантюркизма, которые до сих пор разделяет часть турецкого политического класса, и проявления крайнего национализма уходят корнями именно в эпоху Османской империи. Стремление к созданию единого тюркоязычного пространства под патронатом Анкары, с одной стороны, и исламский мессианизм – с другой, формируют специфическую идеологическую атмосферу.

С.Б. Дружиловский – к. и. н., профессор кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ.

Нашу национальную культуру мы должны возвысить над ее современным состоянием. Поэтому наша мысль работает и будет работать не в духе левтаргической ментальности прошлых веков, а в соответствии с представлениями о скорости и действии нашего века.

Мустафа Кемаль Ататюрк

ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР

Распад Османской империи после Первой мировой войны явился тяжелым испытанием для турок, привыкших рассматривать себя ядром и титульной нацией огромного государства, перед мощью которого некогда склонялись крупнейшие европейские державы. Однако в отличие, например, от коллапса СССР, это событие не стало неожиданностью. Об Османской империи как о «больном человеке» заговорили в Европе еще в начале XIX века, а к середине этого столетия появились первые планы ее раздела.

Все это время турецкие правящие круги предпринимали многочисленные попытки спасти агонизирующее государство. Им даже удалось осуществить ряд радикальных реформ — от ликвидации янычарского корпуса в 1826-м до принятия первой на Востоке Конституции в 1876 году.

Свои рецепты сохранения империи предлагали и турецкие интеллектуалы. Так, в середине XIX века возникло несколько тайных обществ, которые после своего объединения стали называться «Новые Османы». Они предлагали упразднить деление населения на различные этнические и конфессиональные группы и объединить народы империи в единую «османскую» нацию. В 1908 году к власти пришли младотурки (европейское название членов организации «Единение и прогресс», основанной в 1889-м. — **Ред.**). Осознавая неизбежность распада империи, они призвали объединить все тюркоязычные народы в единое государственное образование с центром в Анатолии. Именно эта идея во многом толкнула Турцию к вступлению в Первую мировую войну на стороне германского блока. Надежда воспользоваться ослаблением России и прибрать к рукам принадлежавшие ей территории с тюр-

коязычным населением рухнула с поражением в войне. Оно не только положило конец правлению младотурок, но и девальвировало саму идеологию пантюркизма.

Основатель Турецкой Республики (провозглашена в 1923 году) Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк) отказался от имперской политики. Он выдвинул лозунг турецкого национализма — концепцию создания государства на территориях, исторически принадлежавших туркам. Политика Кемаль-паши способствовала сохранению государственности, а положение национальных меньшинств, оказавшихся включенными в состав Турецкой Республики, или было слишком ослабленным, или не входило в противоречие с выдвинутой Ататюрком концепцией. Даже курды, восставшие в 1925-м под предводительством шейха Саида, действовали скорее по указке Англии, чем руководствуясь собственным стремлением к независимости.

Руководство страны не поддерживало имперскую ностальгию. Выработке экспансионистских планов во внешней политике препятствовал провозглашенный Ататюрком принцип «Мир в Турции, мир во всем мире». Так, урегулирование кемалистами территориальных споров с Советской Россией позволило приступить к нормализации отношений и заключить Договор о дружбе и братстве (1921), заложивший основы добрососедства между давними непримиримыми противниками.

Тем не менее деятельности пантюркистов не был положен конец. Известный теоретик Зия Гек-Альп опубликовал в 1923 году свою работу «Основные принципы тюркизма», которая на долгие годы стала манифестом его сторонников и последователей. После смерти Ататюрка (1938) в условиях фашистской экспансии правительство страны стало отходить от внешнеполитических принципов, провозглашенных основателем Турецкой Республики. Нападение гитлеровской Германии на СССР всколыхнуло пантюркистские настроения. Анкара стояла на грани вступления в войну на стороне Германии, и только победы советских войск в сражениях под Москвой, а затем под Сталинградом удержали ее от этого шага. Лишь в 1944-м деятельность пантюркистской организации была запрещена, а ее руководители отданы под суд. Впрочем, все они в конечном итоге были оправданы и вскоре вышли на свободу.

Взросшая военно-политическая мощь СССР даже теоретически не оставляла туркам шансов на ревизию послевоенного мирового устройства. Вступление в 1952 году в НАТО, а также присоединение

спустя 11 с половиной лет к Европейскому экономическому сообществу в качестве ассоциированного члена превратило Турцию в младшего партнера европейских держав без права решающего голоса.

Почти с полным подчинением западному влиянию Анкару в какой-то степени должна была примирить ее лидирующая роль в СЕНТО (Организация центрального договора, до 1959-го известна под названием «Багдадский пакт») — антисоветской мусульманской военно-политической группировке из арабских стран, входивших ранее в состав Османской империи.

Полностью эту идею реализовать не удалось, поскольку в Багдадский пакт (учрежден в 1955 году) кроме Ирака и Турции, а также Великобритании, принимавшей в нем формальное участие, вошли только два, причем не арабских, государства, никогда не имевших ничего общего с Османской империей, — Иран и Пакистан. Антимонархическая революция в Ираке способствовала его выходу из блока (1958), и штаб-квартира СЕНТО с 1959-го до распада этой организации в 1979 году находилась в Анкаре.

Активное участие в военном блоке вряд ли можно напрямую соотнести с проявлениями имперских амбиций Турции, но оно подчеркивает сложившуюся за века привычку турок управлять, а не быть управляемыми. Несомненно, стремление к господству и почитание «старых добрых времен» стало чертой национального характера, которая культивируется в послевоенной Турецкой Республике. Так, манифестации по случаю государственных праздников непременно возглавляет колонна солдат, одетых в янычарскую униформу, а ежегодно отмечаемая годовщина взятия Константинополя оформляется как костюмированное шествие.

Передача власти в Турции.
Художник Мим Уйкусуз. 1966 г.

Выйти из-под контроля своих западных союзников Анкара попыталась в период кипрского кризиса 1974 года. Несмотря на протесты Запада, Турция оккупировала северные области Кипра под предлогом оказания помощи тюркскому меньшинству, якобы притесняемому греческим большинством. Несколько десятков тысяч турецких добровольцев были перемещены на Кипр для «выравнивания» пропорции в этническом составе населения острова. Анкара единственная признала самопровозглашенную Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК) и оказала ей всю возможную, в том числе военную, помощь и поддержку в последующие годы. Сегодня судьба ТРСК является еще одним камнем преткновения на пути Анкары в Евросоюз.

НОВЫЙ «СТАРШИЙ БРАТ» ВМЕСТО СТАРОГО

С исчезновением СССР роль Турции в качестве южного фланга НАТО существенно снизилась. Это сопровождалось как сокращением экономической и военной помощи, так и болезненным для Анкары отказом ЕС ускорить принятие Турецкой Республики в свои ряды. Зато впервые с момента крушения Османской империи туркам представилась возможность распространить свое влияние за пределы собственных границ. С возникновением новых независимых тюркоязычных государств Центральной Азии и Закавказья перед Анкарой замаячил новый шанс на возрождение былого величия и повышение своей значимости в мировых делах. В начале 1990-х вновь возрождаются традиционные пантюркистские идеи о создании Великого Турана.

Турецкие руководители всерьез заговорили о новой тюркоязычной общности от Адриатического моря до Великой Китайской стены. При этом Анкара не сомневалась в своей способности не только заменить Москву в роли «старшего брата» тюркских народов, но и исключить возможность прямого влияния Запада в регионе. На страницах турецких СМИ стала настойчиво проводиться мысль об историческом шансе «восстановить тюркское единство». Вместо слов «узбек», «киргиз», «татарин» и прочих для обозначения этнической принадлежности стали употребляться такие словосочетания, как «узбекский турак», «киргизский турак», «крымский турак». В обращение вошел термин «внешние турки», под которыми стали подразумеваться тюркские народы, проживающие за пределами Турции.

В декабре 1991 года Анкара первой поспешила признать новые тюркоязычные государства Центральной Азии вскоре после про-

Прогресс по-турецки:
допотопные орудия уступают место современной американской технике
Журнал «Стрышел» (Болгария). 1954 г.

возглашения ими независимости. А уже в январе 1992-го премьер-министр Турции Сулейман Демирель на встрече с президентом США Джорджем Бушем-старшим заявил об изменении регионального статуса своей страны ввиду открывающихся перед ней возможностей определять политическое будущее мусульманских республик Содружества Независимых Государств (СНГ). В этой связи Турции, по мнению Демиреля, предстояло взять на себя решение двуединой задачи: обеспечить необходимый уровень контактов Запада с этими республиками и убедить их руководителей в том, что Анкара способна служить проводником интересов мусульманских стран СНГ на Западе.

В результате переговоров была достигнута очень важная для Турции договоренность: на нее возлагалось оказание материальной и финансовой помощи тюркоязычным республикам бывшего СССР, при этом понесенные затраты компенсировались Соединенными Штатами и другими западными странами, в том числе через предоставление торговых льгот. При турецком МИДе было создано Агентство тюркского сотрудничества и развития (*ТИКА*) с целью координации на государственном уровне всех видов деятельности, направленных на единение тюрков, а в правительстве появилась должность министра по связям с тюркоязычными республиками СНГ.

Свобода слова или «свобода предательства»?

Часто государства – наследники могущественных империй оказываются неспособны объективно проанализировать собственное прошлое, сознаться, если не покаяться в совершенных грехах. Тот же, кто отваживается на такой поступок, рискует прослыть клеветником, превратиться в изгоя и даже потерять свободу.

Подобная история произошла с известным турецким писателем **Орханом Памуком**. В недавнем интервью швейцарской газете *Tages-Anzeiger* он признал факт геноцида армян в Турции в 1915–1917 годах. «Тридцать тысяч курдов и около миллиона армян были убиты на этих землях, и никто, кроме меня, не смеет об этом говорить», – заявил Памук. Это утверждение стало поводом для возбуждения в отношении романиста уголовного дела по статье, предусматривающей наказание за «унижение турецкого народа, турецкой государственности, государственных структур и организаций». Автору всемирно известных книг («Снег», «Белая крепость», «Мое имя Красный» и др.), обладателю Международной дублинской премии *IMPAC*, лауреату престижнейшей Премии мира Ассоциации германских издателей и книготорговцев, кандидату на получение Нобелевской премии по литературе за 2005 год грозит от шести месяцев до трех лет тюремного заключения.

Признание Памука вызвало волну недовольства в турецких политических кругах, особенно в националистических средствах массовой информации и научном сообществе. Появилось распоряжение конфисковать и уничтожить тиражи изданных работ писателя. Организация «Улькю Оджагы» потребовала от него извиниться перед турецким народом. Руководитель отдела армянских исследований Турецкого исторического общества Хикмет Оздемир с негодованием назвал утверждения романиста о миллионе убитых армян «большой ложью».

Фарих Алтай из газеты *Hürriyet* заклеил Памука как «очернителя», заклятого врага и клеветника со взглядами, недостойными подлинного представителя интеллигенции. «Неужели свобода слова равнозначна свободе предательства?» – вопрошает газета *Vatan*, комментируя заявление Памука.

В защиту Памука выступил только Халил Берктай, профессор Университета Сабанджи. По его мнению, Памук проявил мужество, сказав правду. «В 1915–1916 годах, – отметил Берктай, – было убито, возможно, 800 тысяч, не исключено, что и миллион армян. Не знаю точного числа курдов, уничтоженных на юго-востоке страны, однако 30 тысяч кажется мне вполне вероятным».

Турецкая республика, сменившая Османскую империю, традиционно отвергает обвинения в геноциде. Армяне утверждают, что в ходе массовых убийств было уничтожено полтора миллиона их соплеменников. По свидетельствам выживших (немногим более ста тысяч), имела место массовая резня в Восточной Анатолии, сотни армянских семей были выселены в пустыни Ирака, тысячи людей погибли от голода. Официальная Анкара считает эти данные преувеличенными и приводит свою цифру – 300 тыс. убитых. Как пишет преподаватель одного из турецких университетов Мармар Мехмет Агач, «армянская те-

Армянские беженцы. 1915 г.

ма – одна из самых сложных в Турции. Мы считаем, что геноцида армян на территории Османской империи не было. Турецкие ученые располагают архивными данными, согласно которым речь идет о военных действиях, итогом которых было множество жертв и со стороны турок, и со стороны армян».

По словам Гранта Динка, главного редактора единственной в Турции двуязычной (на турецком и армянском языках) газеты *Agos*, «любое упоминание о геноциде, который мы называем армянской трагедией, наказуемо. Газету неоднократно закрывали. В последний раз – на год».

Анкара так же остро реагирует на обвинения со стороны Запада в том, что в результате многолетних столкновений с турецкими правительственными войсками погибли тысячи курдов. Похоже, большинству политиков и историков Турции совсем не хочется перечитывать черные страницы турецкой истории и, как писал Орхан Памук, «иметь дело с этой колоссальной болью».

«Османский период истории в Новое время был под негласным запретом, – говорил писатель в одном из интервью. – Турки хотели видеть себя турками, а не наследниками империи, которая, как и всякая империя, была многонациональной: в Стамбуле жили и греки, и турки, и евреи, и армяне. Республика же претендовала на национальную самобытность, так что имперская пестрота тут сильно мешала. Идеология республики была простой – тотальный «тюркизм», который делал вид, что никакой империи не было».

Однако замолчать события прошлого не удастся. Признание геноцида армян станет одним из условий вступления Турции в Европейский союз, переговоры о котором начались осенью текущего года. Об этом уже заявила Франция, к которой, наверняка, присоединятся и другие европейские страны. Тем более что оптимистичный срок окончания переговорного процесса (2015 год) совпадает со столетием резни в Османской империи.

В октябре 1992 года по инициативе президента Турции Тургута Озала в Анкаре состоялась встреча на высшем уровне, в которой участвовали тогдашний президент Азербайджана Абульфаз Эльчибей, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, президент Киргизии Аскар Акаев, президент Туркменистана Сапармурат Ниязов и президент Узбекистана Ислам Каримов. Уже в самом начале переговоров обнаружились серьезные разногласия. Анкара ставила во главу угла вопрос о наднациональном тюркском экономическом пространстве, включая формирование общего рынка, единой региональной энергосистемы и системы транспортировки энергоресурсов, учреждение регионального банка развития, создание условий для безвизового передвижения граждан и капиталов, а также определение общего языка для тюркских государств. Лидеры же центральноазиатских республик видели главную задачу лишь в координации совместной деятельности с упором на развитие двусторонних отношений. Так, Назарбаев недвусмысленно заявил, что «создание обособленного национального сообщества по этническому и языковому принципу не сближает, а лишь разъединяет народы».

Анкара, тем не менее, не отказалась от политики, нацеленной на объединение тюркоязычных народов под своим патронатом. Особая роль возлагалась на так называемые курултаи братства и сотрудничества, которые с 1993-го постоянно проводились как в самой Турции, так и за ее пределами, включая субъекты Российской Федерации. Уже на первом таком форуме в Анталье, на котором кроме президента Озала и премьер-министра Демиреля присутствовали руководители других тюркоязычных государств и представители многочисленных общественных организаций, Турция добилась принятия решения о создании наднациональной общественной организации — Высшего совета тюркских республик. На шестом курултае в Бурсе в 1998 году, на котором Сулейман Демирель был провозглашен «отцом тюркского мира», присутствовало 550 делегатов; на восьмом, состоявшемся в марте 2000-го в Самсуне, зарегистрировалось уже 900 делегатов.

ЭКСПОРТ ТУРЕЦКОЙ МОДЕЛИ

С 1992 года на все тюркоязычные республики бывшего СССР транслируются передачи турецкого спутникового телевидения. Кроме уже упомянутого *ТИКА* свою деятельность в тюркских регионах активизировали Турецкий директорат по религиозным вопросам (*TDRA*), Образовательный центр религиозной общины Фетхуллага

Гюлена, Турецкий международный исследовательский центр Турана Язгана, фонд «Аврасия Бир» и др.

В активе этих организаций – пропаганда турецкой модели развития, противостояние арабским и иранским исламистам и, пожалуй, самое главное – подготовка кадров различного профиля для центральноазиатских и закавказских республик. Например, Турецкий директорат по религиозным вопросам ставит своей целью укрепление позиций Анкары в тюркоязычных республиках, а также противодействие экспансии здесь шиитского и ваххабитского толков ислама. В противоположность им тип ислама, пропагандируемый *TDRA*, включает аполитичность, секуляризм, ограничение религии рамками частной жизни граждан. Эта организация занимается также распространением исламских знаний, подготовкой священнослужителей, ремонтом и строительством культовых сооружений.

Из всех неправительственных организаций с наибольшим размахом действовал религиозный центр Фетхуллага Гюлена. (В конце 1990-х годов Гюлен был вынужден покинуть родину, вскоре против него возбудили уголовное дело за пропаганду исламских взглядов, выходящую за рамки закона.) В Турции общине Гюлена принадлежат 88 фондов, 20 обществ, 128 частных школ, 218 фирм, а также 17 печатных органов, телестанция, две радиостанции, беспроцентный исламский банк и страховое общество. «Асия Финанс банк» с капиталом в 125 млн дол., которым Гюлен владеет с начала 1990-х, инвестировал в различные проекты в республиках Центральной Азии и в Азербайджане: было построено более 80 школ и 4 университета, где преподавание ведется по программам турецких учебных заведений. Турецкий аналитик Шахин Алпай указывает, что в последующем их выпускники, как правило, занимали видное положение в общественной и политической жизни своих республик. Вообще же Анкара ежегодно выделяет несколько тысяч стипендий для обучения студентов и преподавателей из тюркоязычных республик в высших учебных заведениях и научно-исследовательских центрах Турции.

Большую активность по консолидации тюркоязычных народов проявлял турецкий министр по связям с тюркоязычными республиками СНГ Абдульхалук Чай. Российский МИД, а также руководство отдельных республик неоднократно критиковали его высказывания как вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Однако какая-либо реакция со стороны турецкого правительства долгое время практически отсутствовала.

И все же политика Турции по созданию единого тюркского политического и культурно-идеологического пространства постепенно стала заходить в тупик. Руководители тюркоязычных республик открыто заговорили о нежелании менять русского «старшего брата» на турецкого и стали дистанцироваться от попыток Турции сблизиться на этой основе. Нурсултан Назарбаев в своей книге «На пороге XXI века», изданной в 1996 году, писал: «Многим казалось, что Турция сможет решить все наши проблемы... Но что это означало на деле? Это значило отказаться от только что обретенной независимости, разорвать традиционные отношения с соседями, вместо одного “старшего брата” посадить себе на шею другого». Приблизительно тогда же президент Азербайджана Гейдар Алиев заявил, что определенные круги в Турции поддерживают некоторых лидеров и их вооруженные группы, пытающихся дестабилизировать обстановку в Азербайджане. Как бы в подтверждение предъявленного обвинения турецкая пресса вслед за провалом попытки государственного переворота в Баку, предпринятого 17 марта 1995-го, сообщила, что отдельные министры и сотрудники Службы национальной безопасности Турции были осведомлены о готовившихся событиях.

Признаки охлаждения отношений между Ташкентом и Анкарой появились позже, но зато в более радикальной форме. В 2000 году правительство Узбекистана закрыло все школы, открытые религиозными организациями Турции, и прежде всего учебные заведения, опекаемые Фетхуллахом Гюленом. Из страны власти выслали турецкого атташе по образованию, а все узбекские студенты, обучавшиеся в Турции, были отозваны на родину.

Анкара осознала, что политическая и культурная близость, приверженность новых независимых тюркоязычных республик исламу и тюркизму были преувеличены, а реальностью является государственный национализм, глубоко укоренившийся в самосознании узбеков, туркмен, киргизов и казахов. Ни правящая элита, ни простые граждане не захотят жертвовать своей идентичностью во имя сверхнациональной общности, тюркской или исламской.

В конце 2000 года новый президент Турции Ахмет Неджет Сезер совершил поездку по тюркоязычным республикам и, как свидетельствовала пресса, с пониманием отнесся к предложению развивать дальнейшие отношения на принципах «равноправного партнерства». Конкретным проявлением готовности Анкары скорректировать политическую линию стала отставка в начале 2002-го Абдульхалюка

Чая. Несмотря на возражения многих влиятельных членов правительства, он организовал в конце 2001 года очередной курултай тюркских народов, на котором фигурировали лозунги, не созвучные новой политической линии Анкары.

С начала 1990-х Турция пыталась проводить пантюркистскую политику не только в отдельных республиках, но и в других регионах на постсоветском пространстве с компактным проживанием тюркоязычного населения. Ярким примером тому явилось ее отношение к развитию ситуации на Крымском полуострове, куда к концу 1993 года вернулись около 250 тысяч крымских татар, депортированных во время Второй мировой войны. Созданный ими неправительственный орган крымско-татарского народа Меджлис потребовал провозглашения Крымско-татарской республики в составе Украины.

В 1995-м председатель этого Меджлиса Мустафа Кырымоглу опубликовал в Турции статью, в которой обвинил Россию в шовинистической, империалистической политике и попытках добиться контроля над полуостровом методом «демократического фашизма», призывами к русскоговорящему большинству населения провести референдум о дальнейшей судьбе Крыма.

Крымские татары с самого начала стали получать политическую и материальную поддержку. Анкара с пониманием относилась к их призывам возвратить на историческую родину 5 миллионов проживающих в Турции беженцев с целью изменить демографическую ситуацию на полуострове.

В 1994 году тогдашний президент Турции Сулейман Демирель побывал в Киеве, где впервые официально заговорил о российской угрозе на Черном море и предложил в целях «сдерживания» России предоставить всем, имеющим татарские корни, возможность возвратиться в Крым. По мнению Демиреля, число желающих могло достигнуть порядка 600 тысяч. При благоприятном решении данного вопроса Украине была обещана экономическая помощь и политическое содействие для ее утверждения на международной арене.

Как бы то ни было, пантюркистский натиск на Восток забуксовал, и наиболее оголтелые сторонники создания Великого Турана как в самой Турции, так и за ее пределами ушли в тень. Но от своих целей они отказываться не собираются. Об этом красноречиво свидетельствует статья в выходящем в Лондоне журнале «Тюркоман» за декабрь 1998-го под названием «Пантюркизм: прошлое, настоящее и будущее». «Пантюркизм неизбежно встречает враждебность и злобу в

окружающих тюркский мир странах, — говорится в статье. — В России, Китае, Иране, Болгарии, Греции и Афганистане проживает значительное число тюркских меньшинств, всякое движение которых к единению эти страны склонны рассматривать как угрозу своей территориальной целостности. Над большинством государств Запада тяготеют исторические предрассудки в отношении тюрков. Учитывая данную ситуацию, развитие пантюркизма должно происходить поэтапно и скрытно. Россия и Запад всегда относились с подозрением к турецкому экспансионизму, поэтому было бы уместно ослабить политический аспект лидерства Турции на начальной стадии тюркской интеграции и за счет этого усилить культурный аспект».

ФАКТОР ИСЛАМСКОГО МЕССИАНСТВА

Немаловажным компонентом имперского прошлого, до сих пор оказывающим влияние на самосознание турецкого общества, является исламское мессианство. Авторы фундаментального труда «Турция между Европой и Азией» справедливо считают, что Османское государство, по сути, было теократическим. Критерием самоидентификации для подданных являлась принадлежность к последователям Мухаммеда, во-первых, и к приверженцам дома Османов, во-вторых. На протяжении столетий на территориях, вошедших затем в состав Турции, слово «мусульманин» напрямую ассоциировалось со словом «свой», и антитеза «мы — они» строилась по конфессиональному признаку. При этом прилагательное «турецкий» в европейской литературе того времени зачастую соответствовало понятию «мусульманский».

Проведение кемалистами секуляристской политики в начале XX века способствовало упразднению халифата, отделению мечети от государства и ограничению религии сферой частной жизни. Однако после смерти Ататюрка завещанные им принципы светского государства постепенно подверглись эрозии.

Вскоре после окончания Второй мировой войны создаются первые политические группировки исламистов, которые в 1960-е основывают Партию национального спасения во главе с Неджметтином Эрбаканом. Год от года его сторонники усиливали свое влияние, получая все больше голосов избирателей и неоднократно входя в правительственные коалиции. В 1995-м партия Эрбакана, называвшаяся в то время Партией благоденствия, впервые победила на парламентских выборах. Сам он возглавил правительство и в течение года (1996—1997) руководил государством. Предвыборная програм-

ма Партии благоденствия, привлекая к ней симпатии турецких избирателей, ориентировалась на исламские ценности. На предвыборных митингах лидер партии призывал к объединению исламского мира от Казахстана до Марокко, к созданию исламского общего рынка, исламских НАТО и ООН. Кроме того, он требовал пересмотреть курс Турции на ее присоединение к Евросоюзу.

Впрочем, после прихода к власти Неджметтину Эрбакану пришлось отказаться под давлением военных от многих лозунгов. В результате по-прежнему выдерживался курс на интеграцию с Европой, оставались тесными союзническими отношения с США и НАТО и даже не изменился характер стратегического сотрудничества с Израилем. Вместе с тем Эрбакан добился создания «исламской восьмерки» в составе Турции, Ирана, Пакистана, Бангладеш, Малайзии, Индонезии, Египта и Нигерии, предлагая рассматривать ее в качестве альтернативы «семерке» развитых капиталистических государств. После этого турецкий генералитет объявил деятельность правительства Эрбакана несовместимой со светским характером государства. Кабинет был отправлен в отставку, Партия благоденствия распущена, а сам экс-премьер подвергся судебному преследованию.

Но политический ислам в Турции не утратил свои позиции. Напротив, в 2002 году вновь созданная происламская Партия справедливости и развития во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом победила на очередных парламентских выборах, получив абсолютное большинство в Великом национальном собрании. Это позволило ей сформировать однопартийное правительство и уже без особой оглядки на конкурентов проводить избранную политическую линию.

Нынешние турецкие исламисты извлекли урок из прошлого и отказались от экстремистских подходов. Главной своей задачей правительство Эрдогана видит полноправное членство Турции в Евросоюзе. Успешное решение поставленной задачи позволит Анкаре превратиться в одну из ведущих столиц Старого Света. 70-миллионное мусульманское население Турции одновременно вольется в состав пока еще не до конца интегрированной Европы, где уже проживает 20-миллионное мусульманское меньшинство (насчитывающее порядка 4 млн турок). Преодолев остатки старого имперского мышления, Турция имеет шанс выйти на новый уровень влияния.

Австрия и Венгрия: идентичность на развалинах

Ярослав Шимов

«Я — немецкий писатель, живущий в Австрии», — говорил о себе Роберт Музиль (1880—1942), один из крупнейших представителей австрийской литературы XX века. «Верю в бесконечную милость Божию. Верю в возрождение Венгрии» — этими словами из «Молитвы венгра» начинались занятия в венгерских школах в 20—30-е годы прошлого века.

И молитва, и фраза писателя, родившегося в австрийском Клагенфурте, проведшего большую часть жизни в Вене и воевавшего за австро-венгерскую монархию во время Первой мировой войны, отражают, в каком состоянии находилось национальное самосознание народов Австро-Венгрии вскоре после ее распада. В поисках новой национальной идентичности оба народа прошли с тех пор тяжкий путь — от составной части великой империи до членства в союзе европейских государств. По сути, сформировались две новые нации.

НАВЯЗАННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ

Говорить об австрийцах как о современной нации можно лишь в последние 40—45 лет. С момента распада габсбургской империи к тому времени прошло уже почти полвека.

Австрийцы, точнее, австрийские немцы являлись одной из доминирующих этнических групп в обширном центральноевропей-

Я.В. Шимов — к. и. н., журналист и историк, специалист в области новой и новейшей истории стран Центральной и Восточной Европы. Автор сборника статей и эссе «Перекресток. Центральная Европа на рубеже тысячелетий» (2002), книги «Австро-Венгерская империя» (2003). Член авторского коллектива двухтомника «Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории» (2005).

Тучны были нивы великого центральноевропейского государства Габсбургов.
Крестьянский календарь на 1937 год. Вена

ском государстве Габсбургов (оно фактически возникло в 1526-м с присоединением Чехии и Венгрии, других территорий и просуществовало до 1918 года, причем с 1804-го – как Австрийская империя, а с 1867-го – как Австро-Венгрия). Однако XIX век, отмеченный

подъемом национальных движений других народов страны, принес австрийским немцам ощущение опасности. В итоге — усиление пангерманских настроений и отказ части немцев от австрийской, вернее, «прогабсбургской» идентичности в пользу идентичности великогерманской. В конце концов среди большинства австрийских немцев восторжествовала лоялистская тенденция, заставившая их сплотиться вокруг монархии. Характерно, что за сохранение Австро-Венгрии выступали в тот период и австрийские социал-демократы, поскольку считали свое многонациональное государство отличным «полигоном» для реализации в будущем интернационалистских социалистических идей.

Во время Первой мировой войны Австро-Венгрия — изначально более слабый партнер в связке с Германией — становилась все более зависимой от союзника. Это обстоятельство, равно как и постепенное распространение проантантовских настроений среди некоторых славянских народов империи, привело к новому усилению немцев и венгров, которые попытались окончательно взять на себя роль «столпов монархии». В документе «Пожелания немцев Австрии относительно нового государственного устройства по окончании войны» (так называемая «Пасхальная декларация» 1916 года), представители всех основных немецких политических партий империи, кроме социал-демократов, высказались за создание Западной Австрии — административной единицы в рамках габсбургской державы.

В ее состав предлагалось включить альпийские провинции (т. е. территорию нынешней Австрии), Богемию и Моравию (разделив их на чисто немецкие и смешанные чешско-немецкие округа), а также Крайну и Горицу — провинции, населенные почти исключительно словенцами. Единым государственным языком планировалось сделать немецкий. Возможно, победы Центральные державы в Первой мировой войне — и эти планы осуществились бы. Однако случилось иначе, и распад империи Габсбургов поставил австрийских немцев перед необходимостью решать вопрос о своей идентичности в кардинально изменившихся условиях.

Австрийские немцы не являлись имперской нацией в классическом смысле слова. Идеология габсбургского государства основывалась на династическом и историческом принципах и отрицала национализм, в том числе и немецкий. Поэтому лояльность большинства австрийских немцев Габсбургской династии не позволяла им стать пангерманцами. Военно-политический союз, заключенный

Германией Бисмарка и Австро-Венгрией в 1879 году и продержавшийся вплоть до последнего дня обеих монархий, представлял собой не более чем «брак по расчету». Но осенью 1918-го династические ограничения исчезли, и немудрено, что новое государство, возникшее на населенных немцами землях рухнувшей монархии, изначально получило название республики Немецкая Австрия.

На вопрос, не пора ли наконец являться немцами не только в культурно-языковом, но и в государственном плане, большинство австрийцев отвечали утвердительно. О стремлении Немецкой Австрии присоединиться к Германии было официально заявлено участникам Парижской мирной конференции, вырабатывавшей в 1919–1920 годах условия мира. Кроме того, к самой Немецкой Австрии стремились присоединиться немцы, населявшие приграничные районы Богемии и Моравии. Однако уже в начале 1919-го власти новорожденной Чехословакии силой подавили выступления немецкого населения Судет, посеяв тем самым зерна конфликта, который 20 лет спустя привел к краху самой Чехословацкой республики.

Державы-победительницы рассудили, что слияние Немецкой Австрии с Германией явилось бы нелогичным и неприемлемым «подарком» побежденным немцам. В результате произошло нечто уникальное: Австрии (слово «Немецкая» из официального названия страны пришлось удалить по настоянию той же Антанты) была фактически навязана независимость, а неприсоединение страны к Германии стало одним из условий Сен-Жерменского мирного договора, заключенного Веней с ее бывшими противниками в сентябре 1919-го.

В 1920–1930-е годы австрийцы пережили несколько наложившихся друг на друга глубоких кризисов — политический, экономический и морально-психологический. Выхода из тяжелой ситуации страна искала, опираясь на идею *Ständestaat* — корпоративного государства, вооруженного консервативно-католической коллективистской идеологией. Данный проект попытался реализовать канцлер Энгельберт Дольфус — с 1932-го фактический диктатор Австрии. Как пишет Стэнли Пейн, авторитетный исследователь феномена фашизма и авторитаризма в межвоенной Европе, Дольфус «отказался от стремления к слиянию с Германией — во всяком случае, пока там находится у власти Гитлер, — и попытался найти некую позитивную австрийскую идентичность. Он постоянно подчеркивал приверженность католическим западным ценностям, отличавшим Австрию от “расистской языческой Германии нацистов”». Режим Дольфуса вое-

вал одновременно на двух политических фронтах — против социал-демократов (успешно) и австрийских нацистов (в конечном итоге неудачно). При этом последние, по сути, представляли собой очередную «реинкарнацию» великогерманского пути для Австрии.

Дольфус был убит в 1934 году при попытке нацистского путча, а в марте 1938-го Австрия, приняв ультиматум, предъявленный Берлином, превратилась в *Ostmark* — юго-восточную провинцию Германского рейха. Восторженные толпы, встречавшие нацистского фюрера на улицах Вены, свидетельствовали о том, что попытка Австрии найти собственную идентичность не удалась: большинство жителей потерявшей себя страны предпочли стать «просто» немцами.

Во время Второй мировой войны Австрия оставалась в целом лояльной провинцией Третьего рейха. Ее судьбу решили державы антигитлеровской коалиции, признавшие Австрию «первой свободной страной, ставшей жертвой гитлеровской агрессии» (Московская декларация от 1 ноября 1943 года). Это произошло прежде всего по настоянию США, на чью позицию, в свою очередь, повлияла австрийская эмиграция, в том числе эрцгерцог Отто — сын последнего императора, имевший контакты с высокопоставленными представителями администрации Франклина Делано Рузвельта. Статус «первой страны, пострадавшей от гитлеровской агрессии» стал подарком судьбы для всех сторонников независимости Австрии — от монархистов до социалистов. Зато и денацификация (устранение последствий фашистского режима в государственной, общественно-политической и экономической жизни. — **Ред.**) в Австрии проводилась куда менее жестко и последовательно, чем в Германии.

Правда, в Московской декларации отмечалось, что Австрия «не может избежать ответственности за участие в войне на стороне гитлеровской Германии». Практическим воплощением этого похода стала 10-летняя (1945–1955) оккупация страны войсками четырех союзных держав. Тем не менее сам факт того, что оккупация Австрии рассматривалась отдельно от оккупации Германии, а также функционирование австрийского правительства и местных органов власти способствовали формированию новой национальной идентичности, уже не связанной непосредственно ни с имперской традицией, ни с неудачной межвоенной «Первой республикой». Мощный импульс этому процессу придал принятый парламентом Австрии Закон о постоянном нейтралитете (1955). По данным опросов общественного мнения, в 1956 году лишь 49 % австрийских граждан

Вена, 1 мая 1933 года. Подготовка к демонстрации трудящихся

идентифицировали себя именно как австрийцев, а не немцев или австрийских немцев. А уже к началу 1980-х этот показатель превысил 80 %. Сформировалась современная австрийская нация.

Какие черты характерны для ее самосознания?

Во-первых, это подчеркнутая «европейскость» австрийцев, чувство принадлежности к Западу, еще более укрепившееся после вступления страны в 1995 году в Европейский союз. В то же время многолетний нейтральный статус Австрии вызвал в ее гражданах ощущение «самости» и определенной дистанцированности от наднациональных институтов, как европейских, так и евроатлантических.

Во-вторых, опыт утраты и восстановления независимости породил у австрийцев некоторое недоверие и отчужденность по отношению к Германии. Сегодня эти чувства переносятся на многое из того, что исходит из Берлина как политического центра.

В-третьих, в политическом плане современная австрийская идентичность, несомненно, республиканская. Австрия рассталась с имперско-монархической традицией, не исключив ее из общественного сознания или загнав «в подполье» национальной души, а осознав как неотъемлемую, но невозвратимую часть истории страны. Этот процесс был нелегким и болезненным. Сразу после Второй

мировой войны австрийское правительство восстановило действие закона № 209 от 1919 года, который запрещал пребывание в стране членов династии Габсбургов, не принесших присягу на верность республике. Бывший наследник престола (Отто отказался от прав на трон и с 1961-го именуется просто доктор Отто фон Габсбург) только в 1966 году получил разрешение посетить Австрию. В 1982-м закон № 209 был отменен. В 1970–1980-е годы австрийское общество постепенно закрыло для себя габсбургский вопрос, приняв республику как единственно приемлемую в нынешних исторических условиях форму своего национально-государственного бытия.

В-четвертых, вместе с отказом от имперско-монархической традиции произошла и определенная *провинциализация* австрийского самосознания. Перестав быть одним из ведущих народов великой державы с многовековой традицией, австрийцы стали не более чем одной из небольших наций Центральной Европы. Социально-психологический облик Австрии, лишенный космополитичности, которую придавала ему многонациональная империя, теперь определялся главным образом альпийскими крестьянами и жителями городов, ставших после 1918-го куда более однородными в этнокультурном отношении. Националистические и ксенофобские настроения, во многом характерные для этой среды, дали о себе знать не только в межвоенный период и после аншлюса, вслед за которым многие австрийцы запятнали себя участием в преследовании евреев, но и позднее — в 1990-е, когда на австрийском политическом небосклоне возшла звезда правого популиста Йорга Хайдера.

Наиболее характерное проявление такой провинциальности — это весьма сдержанное отношение австрийского общества к расширению Евросоюза за счет стран Центральной и Восточной Европы, многие из которых (Венгрия, Чехия, Словакия) некогда входили в состав государства Габсбургов. Популярными среди венской политической элиты в начале 1990-х годов разговоры о возможности стать центром интеграции стран Придунайского региона (для чего предлагалось восстановить в какой-то мере габсбургскую традицию) не нашли практического воплощения. Более того, в 1999-м Австрия на несколько месяцев и вовсе очутилась в положении европейского изгоя: ЕС ввел против нее политические санкции в ответ на включение при формировании правительства страны в состав правящей коалиции праворадикальной Австрийской партии свободы Хайдера. (Впрочем, особого успеха эта мера не имела и вскоре была отринута.)

Однако в австрийской душе все еще жива ностальгия по более широкой центральноевропейской габсбургской традиции. Например, у большинства жителей Австрии чехи не пользуются особой симпатией, а вот по отношению к венграм ничего подобного не наблюдается. В данном случае мы, похоже, имеем дело с эхом эпохи Габсбургов: в то время как чехи и другие славянские народы находились по другую сторону баррикад, венгры доминировали в восточной части дуалистической монархии так же, как австрийские немцы пытались доминировать на западе. Еще один, совсем недавний пример «габсбургской ностальгии» в политике Австрии — требование Вены начать переговоры с Турцией о вступлении последней в Европейский союз одновременно с переговорами о вступлении Хорватии. Ведь именно хорваты некогда являлись надежной опорой монархии и династии Габсбургов на Балканах...

Итак, австрийская нация обрела самоё себя уже на руинах двух империй — Австро-Венгрии и впоследствии нацистского рейха. Так что, несмотря на определенные внутренние противоречия, современная австрийская идентичность имеет явный постимперский характер.

ТРАВМА В ТРИАНОНЕ

Исторический путь венгров как нации, претендовавшей на доминирование в Карпато-Дунайском регионе, тернист и извилист. Территория современной Венгрии является лишь сердцевинной Венгрии исторической — обширного королевства, которое во времена своего расцвета простиралось от Адриатики до Буковины и от Трансильвании до предместий Вены. (Рассказывая о событиях, происходивших до подписания Трианонского мирного договора в июне 1920 года, автор этих строк имеет в виду именно то большое королевство. В упоминаниях о событиях, произошедших после 1920-го, речь идет о Венгрии малой, границы которой, не считая периода 1938–1945 годов, остаются почти неизменными по сей день. Слово «мадьяры» используется далее вместо понятия «венгры» в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что говорится именно об этнических венграх, а не просто о населении страны.)

В состав габсбургского государства Венгрия фактически вошла в конце XVII века, когда армии Габсбургов освободили центр, юг и восток королевства от турецкого ига. Важной особенностью формирования венгерской нации стал тот факт, что этот процесс воз-

главило дворянское сословие, намного более многочисленное, чем в остальных странах Европы (за исключением Польши). В результате мировоззрение венгерского *gentry* (мелкопоместное дворянство. — Ред.), его мифы, предрассудки, национальный радикализм, сочетавшийся с социальным консерватизмом, — все это стало фундаментом идентичности новой нации, включавшей в себя уже не только дворянство. Венгерская шляхта была предана исторической Венгрии, «землям короны святого Иштвана», и этот территориальный патриотизм перерос в XIX веке в патриотизм национальный. Магьярская элита принимала лишь один принцип бытия народов Венгрии («подданный венгерской короны — это магьяр языком, сердцем и разумом») и была враждебно настроена по отношению к национальным движениям трансильванских румын, хорватов, словаков, воеводинских сербов и других меньшинств.

Соглашение 1867 года, превратившее централизованную Австрийскую империю в двуединую Австро-Венгрию, явилось уступкой Габсбургов самому сильному в политическом плане (несмотря на разгром венгерской революции в 1849-м) народу дунайской империи. Из компромисса с Габсбургами Венгрия извлекла максимум выгод. Политический класс оставался почти исключительно дворянским, а это означало, что Вена, заключая соглашение с Будапештом, легитимизировала политическое господство в восточной части империи именно этого социального слоя. В результате специфическая позиция магьярской шляхты — радикальный национализм в сочетании с социальным консерватизмом — наложила отпечаток на весь облик Венгрии в период дуализма и во многом предопределила крах «большого» Венгерского королевства.

Отношения между магьярами и остальными народами королевства регулировались «законом о национальностях» 1868 года. Его 54-я статья недвусмысленно заявляла о наличии в Венгрии «единственной политической нации — единой и неделимой венгерской нации, членами которой являются все граждане страны, к какой бы национальности они ни принадлежали». Таким образом, речь шла не об этнонационалистическом принципе «Венгрия для магьяр», а о *гражданском* национализме, рассматривавшем нацию как совокупность граждан данной страны вне зависимости от их этнического происхождения. Однако, как отмечает венгерский историк Ласло Контлер, королевские правительства эпохи дуализма «рассматривали равенство всех венгерских граждан в том смысле, что, помимо собственно магьяр,

Буда-Пешт — голова и сердце Венгрии; но он не то, что Париж для Франции. Прежде всего это — главный центр мадьяризации. Столица постоянно направляет лучших, более способных и деятельных чиновников в провинции, где они двигают вперед мадьяризацию словацких, кроатских и сербских окраин королевства. Даже швейцар в пештской палате депутатов, обводя посетителей и показывая в парламентской зале три скамьи, на которых ютится кучка беспомощно протестующих славянских депутатов, с пренебрежительной улыбкой поясняет: «*Da sitzen die Slaven!*» («Там сидят славяне!» — **Ред.**) В Буда-Пеште же совершается и довершена полная мадьяризация венгерской армии. Гонведы (пехота и гусары) — вся венгерская кавалерия состоит только из гусар — вполне обособлены от австрийской армии. Венгерские войска в общем лучше австрийских; в них есть внутренняя слитность и довольно суровая дисциплина; над их выправкой и патриотическим закалом весьма ревностно работают в Пеште.

Для непривычного уха венгерская речь жестка и оригинальна, в ней примирены резкие шипящие звуки с мягкими, ударение всегда на первом слоге. Построение слов сложно и громоздко. При чтении по-венгерски язык у иностранца непременно заплетается. В Венгрии, впрочем, все умеют говорить по-немецки, хотя только из милости или по необходимости отвечают по-немецки. Мучительное и невозможное ломание иноземцем по словарю венгерской речи встречает больше внимания и сочувствия, чем самый краткий вопрос по-немецки. В этом отношении мадьяры капризны и неприветливы.

Мадьярская аристократия — единственная обособленная и замкнутая каста в стране. Магнат в его пышном и ярком костюме и теперь служит для венгерцев олицетворением высших государственных и личных заслуг, дарований и качеств, любви к отечеству, отваги, настойчивости, благородства, богатства и блеска. Мадьярская аристократия крепко держится землевладения. Венгерские магнаты руководят венгерскою политикою, занимают в королевстве все высшие должности, выделяют из своей среды даже кардиналов и епископов. Венгерский магнат постоянно участвует своими капиталами в разных больших и выгодных промышленных предприятиях, покровительствует «наукам и искусствам», но когда подвинется старость, магнат непременно возвращается в родовое благоустроенное и цветущее имение, а сидит там сиднем, холит рослых жеребят, стреляет лисиц, любительски приготовляет для внуков фамильный ассортимент токайских вин, играет по вечерам в шахматы с седым как лушь сельским священником и надевает малиновую мантию с золотою цепью только затем, чтобы открыть любезным словом земскую сессию выборных делегатов в ближайшем губернском городе.

И. Василевский. Буда-Пешт: Европа. Иллюстрированный географический сборник. Издание Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко. Москва, 1904

равными правами пользуются также (и только) все ассимилированные мадьяры. Начиная с 80-х гг. [XIX в.] мадьяризация не только поддерживалась всеми законными средствами, но и зачастую проводилась... в обход или с прямым нарушением закона 1868 года».

Действие рождает противодействие, и многонациональное вариво под крышкой венгерского котла начало постепенно закипать. Первую мировую войну можно сравнить с огромной охапкой хвороста, которую бросили в огонь под этим котлом. Поражение Центральных держав стало приговором исторической Венгрии, но мадьярская элита поняла это далеко не сразу. Пришедшее к власти в октябре 1918-го правительство «красного графа» Михая Карои разорвало связь с Габсбургами и провозгласило независимость, рассчитывая на сохранение «большой» Венгрии. Однако, хотя Карои был демократом и предложил национальным меньшинствам равные с мадьярами права и свободы, тех это уже не устраивало. В лице вступивших на территорию Венгрии французских, сербских и румынских войск этническое население страны получило наконец реальную опору для своих требований, которые в мгновение ока стали максимально жесткими по отношению к Будапешту.

Словацкие земли («Верхняя Венгрия», как привыкли называть их мадьяры) отошли к вновь созданной Чехословакии, Хорватия и Воеводина — к другому новообразованному государству — Югославии, Трансильвания — к Румынии... Договор, подписанный 4 июня 1920 года во дворце Большой Трианон в Версале под Парижем, закрепил изменения границ. Это соглашение обернулось крупнейшей политической катастрофой в венгерской истории. По условиям Трианонского мирного договора территория Венгрии сокращалась почти с 283 тыс. кв. км до 93 тыс., население (даже без учета Хорватии и Славонии как автономных территорий) — с 18 млн человек до чуть более чем 7,5 млн. Венгрия становилась почти мононациональным государством: отныне мадьяры составляли свыше 6,7 млн жителей страны, но при этом более 3 млн мадьяр осталось за пределами венгерского государства — в Румынии, Югославии и Чехословакии. Права мадьярского меньшинства в этих странах в период между двумя мировыми войнами систематически нарушались, что служило дополнительным фактором в пользу ревизионизма, ставшего основным содержанием политики межвоенной Венгрии.

Эта политика получила идеологическое обрамление в виде «христианско-национальной» доктрины Оскара Прохаски и ряда других

деятелей, популярных в эпоху правления регента Миклоша Хорти (1920–1944). Доктрина сочетала в себе национальные лозунги, приверженность христианству, прежде всего католицизму, как символу национального единства венгров, и определенные социал-популистские положения в духе идей христианского социализма. Как отмечает российский историк Александр Стыкалин, «апелляция к фактору Трианона и связанного с ним национального унижения способствовала расширению социальной базы этой идеологии в силу того отклика, который находили в самых широких массах не только сам факт национальной дискриминации, но и социальные последствия Трианона». Под последними имеются в виду отрезанность экономических центров новой Венгрии от прежних внутренних рынков сбыта, разом оказавшихся за границей, и наплыв мадьяр, не захотевших оставаться за пределами трианонских границ.

Несправедливая Версальская система, сформированная западными державами-победительницами после Первой мировой войны, и Трианонский мирный договор как наиболее вопиющее проявление этого несовершенства обусловили превращение Венгрии в одного из изгоев межвоенной Европы. С наступлением Великой депрессии (1929–1933), больно ударившей по венгерской экономике, и изменением европейской политической ситуации возрастало влияние правых радикалов. Они требовали более решительных действий по восстановлению доминирующих позиций страны в Карпато-Дунайском регионе и вообще на юго-востоке Европы. Во многом идя на поводу у этих сил, консервативный и довольно умеренный по своему характеру режим Хорти, симпатизировавшего Британии, постепенно втянулся в союз с другим европейским изгоем — гитлеровской Германией. На тот момент она являлась единственной силой, способной помочь избавиться от «проклятия Трианона». Таким образом, Венгрия оказалась, по выражению Джона Монтгомери, посла США в Будапеште в конце 1930-х, немецким «сателлитом против своей воли».

В результате по решению 1-го венского арбитража (1938) Венгрия вернула себе большую часть районов Словакии, населенных мадьярами. В 1939 году было присоединено Закарпатье с его значительным мадьярским меньшинством. В 1940-м 2-й венский арбитраж под нажимом Гитлера присудил Венгрии часть Северной Трансильвании. Наконец, в апреле 1941 года Венгрия стала соучастницей германской агрессии против Югославии, получив за это неко-

торые районы Воеводины. В результате возникло государство по площади куда более скромное, чем Венгерское королевство до 1918-го, однако действительно *национальное*, т. е. объединявшее абсолютное большинство мажар. (Впрочем, на венгерской территории вновь оказались и значительные национальные меньшинства.)

После 1945 года Венгрия вернулась к трианонским границам — с очень небольшими изменениями. На сей раз, однако, осуществление какого-либо реваншистского проекта оказалось для нее невозможным, ибо на 40 с лишним лет страна попала в сферу влияния СССР, который к 1948-му помог местным коммунистам сосредоточить в своих руках всю власть.

Сталин относился к своим сателлитам иначе, чем Гитлер. Нацистский фюрер следовал принципу «разделяй и властвуй», который позволял ему выступать в качестве верховного арбитра (например, между Венгрией и Румынией в 1940 году). Советский же вождь выстраивал в отношениях с Восточной Европой четкую иерархию «старшего и младших братьев», причем в целях сохранения единства соцлагеря распри между «младшими» не допускались. Поэтому робкие попытки, предпринятые венгерским коммунистическим диктатором Матьяшем Ракоши в конце 1940-х, уговорить Сталина вернуть Венгрии хотя бы часть Южной Словакии и/или Северной Трансильвании оказались безуспешными. В середине же 1950-х годов страна вступила в полосу острого политического кризиса, отодвинувшего территориальную проблему на задний план. После подавления советскими войсками национального восстания в 1956-м многие венгры начали воспринимать как потерянную уже не только «большую» историческую Венгрию, но и «малую» — более не принадлежавшую себе и вынужденную мириться с правительством Яноша Кадара, которое пришло к власти на броне советских танков и подняло в конце 1950-х годов волну политических репрессий.

Кадар, однако, оказался одним из наиболее нестандартных политиков за всю историю социалистического лагеря. Новый властитель начал проводить политику, которая постепенно превратила Венгрию в «самый веселый барак соцлагеря». Как отмечает австрийский писатель и журналист венгерского происхождения Пауль Лендвай, это была «политика постоянной импровизации, осторожных реформ при сохранении монополии [коммунистов] на власть, удовлетворения требований о повышении материального уровня жизни, политика объединения сил [общества] под лозунгом “Кто не против

нас, тот с нами” — словом, все то, что позднее и получило название кадаризма». Тридцать лет правления Кадара представляли собой период мягкого «амбулаторного лечения» психологических травм, полученных венграми в XX веке. К тому же время от времени режим делал шаги, напоминавшие венграм, что их интересы все же не ограничены пределами их страны и относительными успехами «гуляшного социализма» (так венгры называли модель, при которой социалистическое государство обеспечивает своим гражданам удовлетворительный уровень жизни, а те мирятся с отсутствием свобод. — Ред.). Например, Будапешт неоднократно предпринимал демарши в связи с дискриминацией мадьярского меньшинства в румынской Трансильвании, в результате чего отношения между режимами Яноша Кадара и Николае Чаушеску отличались в 1970–1980-х значительной напряженностью.

«Лечение Кадаром», однако, имело и побочные эффекты. На многие темы, в том числе связанные с перипетиями новейшей венгерской истории, было наложено табу. Национальные комплексы, порожденные минувшими поражениями, не изживались, а загонялись вглубь. Топтание на месте, к чему свелась политика коммунистов в конце 1970-х — начале 1980-х годов, явные признаки экономического кризиса и все большее отставание от Запада вели к росту негативных настроений. Во второй половине 1980-х, когда благодаря перестройке доминирование Москвы в Восточной Европе ослабло, эти настроения вылились в серию политических перемен. В 1988 году ушел в отставку Янош Кадар. Год спустя коммунистам, метавшимся в тисках внутреннего кризиса, пришлось отказаться от монополии на власть, что привело к свободным выборам и установлению стандартной парламентской демократии.

В новых условиях у венгерского национализма, загнанного при коммунистах в подполье, открылось второе дыхание. Венгерский демократический форум (ВДФ), одержавший победу на первых свободных выборах (1990), включал в себя ряд политических сил и лидеров, выступавших с откровенно националистических, а нередко и антисемитских позиций. В 1993 году стараниями националистов и при поддержке правительства в Венгрии состоялось торжественное перезахоронение останков бывшего регента Миклоша Хорти (он умер в 1957-м в Португалии), вызвавшее как критику со стороны левой и либеральной общественности Венгрии, так и беспокойство в соседних странах, где имя Хорти ассоциировалось с пересмотром

трианонских границ в годы Второй мировой войны. Однако гораздо более громким скандалом обернулись слова лидера ВДФ, первого венгерского посткоммунистического премьер-министра Йожефа Анталла, который, вступая в должность, заметил, что «хотел бы быть премьером 15 миллионов венгров», приплюсовав к 10-миллионному населению своей страны 5-миллионную мадыарскую диаспору.

Отношения Венгрии с соседями складывались весьма непросто. В начале 1990-х годов, в период дезинтеграции федеративной Югославии, Будапешт оказался втянут в конфликт между сербским режимом Слободана Милошевича и мадыарским меньшинством в Автономном крае Воеводина. Венгерское правительство то и дело обменивалось взаимными обвинениями с Бухарестом и (после распада Чехословакии в 1993-м) Братиславой. Причиной всякий раз являлись случаи дискриминации (иногда действительно имевшей место, иногда намеренно раздуваемой венгерскими националистами) по отношению к мадыарскому меньшинству. Ситуация изменилась в середине 1990-х годов, когда к власти в Венгрии пришли социалисты, приоритетом которых стало не только сближение страны с Евросоюзом и НАТО, но и нормализация отношений с соседями. В 1997-м венгерский парламент одобрил межгосударственные договоры с Румынией и Словакией, включавшие обязательство последних гарантировать своим гражданам — этническим мадыарам возможность свободного этнокультурного развития.

Решающее влияние на нормализацию отношений с государствами, в которых имеется многочисленная мадыарская диаспора, оказал процесс европейской интеграции. В 1990-е годы, в отличие от межвоенной эпохи, в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе и Венгрии, либерально-демократический дискурс возобладал над этнонационалистическим. Местные националистические силы в большинстве своем эволюционировали в сторону умеренности и приверженности демократии. Наличие общих стратегических целей — вступление в НАТО и ЕС, стремление придерживаться демократических европейских ценностей — подтолкнуло посткоммунистические страны ЦВЕ к сотрудничеству и мирному разрешению возникших между ними проблем. Именно поэтому многочисленное венгерское меньшинство, живущее за пределами Венгрии, но в непосредственной близости от ее границ, так и не стало политической бомбой замедленного действия, а трения вокруг данной проблемы не привели к открытой конфронта-

ции, подобной той, что принесла в Югославии кровавые плоды, пожидаемые до сих пор.

В начале 2005-го в Венгрии состоялся общенациональный референдум, на котором решался вопрос о предоставлении мадьярам, являющимся гражданами других стран, возможности свободного получения венгерского гражданства. Вопреки прогнозам, с небольшим перевесом победили противники такого шага. Этот референдум, вероятно, следует считать символической точкой, закрывающей историю имперского прошлого и постимперского синдрома в Венгрии. Мадьяры не отреклись от соплеменников, оказавшихся в результате трианонского мира за пределами родины. Однако в нынешних условиях, когда европейская интеграция открывает всё более широкие возможности для свободного перемещения людей и капиталов, вопрос о придании связям Венгрии с мадьярской диаспорой более прочного институционального характера теряет актуальность. К тому же за десятилетия, прошедшие после Трианона, между мадьярами, живущими в Венгрии, и их соплеменниками в других странах возникло определенное культурное отчуждение, и наоборот, произошло сближение мадьяр диаспоры с титульными нациями тех стран, в которых они проживают: румынами, сербами, словаками, украинцами...

Такова особенность нынешней Центральной и Восточной Европы, превратившейся из региона великих многонациональных империй в регион небольших национальных государств. Интеграционные процессы, разворачивающиеся здесь, несмотря на всю их сложность, дают надежду на то, что этническая пестрота, взаимопроникновение и взаимообогащение культур, характерные когда-то для Австро-Венгрии, проявятся снова, но уже на качественно ином уровне. Это — уровень Большой Европы, способной наполнить новым содержанием старый габсбургский лозунг «*Viribus unitis*» (объединенными усилиями).

Россия: особый имперский путь?

Алексей Арбатов

Становление, расцвет, упадок и крушение каждой из великих империй уникальны и неповторимы. Однако их объединяет одна общая черта. Начиная с римского историка и философа V–VI веков Аниция Бозэция, каждый очевидец имперского падения считал это явление в принципе закономерным, но неизменно делал исключение для своей державы. Она, мол, в отличие от всех остальных, рухнула не в силу естественного хода истории, а из-за стечения обстоятельств, некомпетентности правителей, злого умысла, созревшего внутри и/или за рубежом. Распад собственной империи воспринимался как величайшая трагедия современности, тогда как конец любой другой — это не более чем звено длинной цепи сходных исторических неурядиц.

Такие взгляды не редкость в сегодняшней России. И это еще одно доказательство того, что при всех своих особенностях советская империя была подвержена действию универсальных законов социально-экономической, военно-политической и морально-психологической цикличности, ничем, по сути, не отличаясь от своих многочисленных предшественниц.

СОВЕТСКАЯ ИМПЕРИЯ: СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Нет сомнений: в некоторых важных отношениях царская Россия и ее продолжатель Советский Союз выделялись на фоне великих империй XIX–XX столетий. Великобритания и Франция, Испания и

А.Г. Арбатов — член-корреспондент РАН, директор Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике». В статье развиты идеи и аргументы автора, изложенные в брошюре «Европейская Россия: ересь, утопия, проект». Она опубликована комитетом «Россия в объединенной Европе» в 2004 году.

Португалия, Голландия, Бельгия и Германия строили свое процветание на эксплуатации колоний и проводили жесткую разделительную черту между европейцами и коренными народами. Россия всегда была империей не экономической, а военно-политической, приобретавшей колонии для расширения периметра своей безопасности, а также для приумножения своей мощи и роли в мире.

Российская (советская) правящая элита была открыта для знати из колониальных провинций, и эта поистине интернациональная номенклатура сообща и жестоко эксплуатировала, обирала и подавляла всех подданных. С имперской нацией — этническими русскими — нередко обходились даже более сурово, чем с другими народами. Тем не менее Россия, а после нее Советский Союз были полноценными империями, имевшими большое сходство с Византийской, Османской или Австро-Венгерской.

Коммунистическая идеология советского типа имела в своей основе не столько марксизм-ленинизм, как таковой, сколько антидемократическую, авторитарную и мессианскую доктрину государственного устройства. Сходная идейная база составляла и основу российского самодержавия. Только подобная идеология была способна цементировать в единый монолит множество народов, разбросанных по огромному пространству и находившихся на разных ступенях социального развития — от индустриального хозяйства до кочевого скотоводства. В этом состоит еще одно отличие от главных европейских империй, в которых (кроме авторитарной Португалии) демократия в метрополиях существовала параллельно с авторитарным колониальным подавлением на зависимых территориях, что обеспечило устойчивость их политического строя после отделения колоний.

Существование Российской, а еще в большей степени советской империи зиждилось на четырех системообразующих столпах.

Первый — авторитарный или тоталитарный, пронизанный железной дисциплиной корпоративный политический режим, основанный на подавлении.

Второй — колоссальная военная мощь, значительно превышающая экономические ресурсы страны и усиливающаяся в ущерб остальным функциям государства и благосостоянию народа.

Третий — централизованная и управляемая государством экономика, работающая прежде всего на укрепление власти бюрократического истеблишмента и наращивание военной мощи.

И четвертый — мессианская идеология, призванная узаконивать и оправдывать все три вышеозначенные основы имперского могущества.

Неотъемлемым элементом этой идеологии была одержимость вопросами безопасности, секретности, идеей непрекращающейся борьбы против внешних и внутренних угроз и заговоров. Частично она основывалась на суровом историческом опыте, но со временем стала самодовлеющим условием существования режима. Необходимость поддержания и легитимации статус-кво в сочетании с мессианством требовала постоянного расширения периметра границ. Это истощало экономические и людские ресурсы, порождало недовольство внутри страны, вызывало страх и враждебность окружающих стран.

В результате навязчивая идея о внешних и внутренних угрозах превращалась в самореализующееся пророчество. Воинственная внешняя и внутренняя политика, исходившая из уверенности в наличии враждебного заговора внутри и вовне, и в самом деле порождала противодействие внутри империи и конфронтацию за ее рубежами.

Как точно подметил бывший госсекретарь США Генри Киссинджер, «империи не заинтересованы в том, чтобы подлаживаться к международной системе, они претендуют на то, чтобы самим быть такой системой». Советская внешняя политика весьма своеобразно относилась к верховенству права или к необходимости соблюдать какие-то моральные нормы на мировой арене. Этим правилам отдавалось должное лишь постольку, поскольку они соответствовали геополитическим, военным либо идеологическим целям СССР или же использовались для оправдания его акций. Пренебрежение правом и опора на силу, практиковавшиеся внутри страны, определяли и ее поведение во внешнем мире.

Конечно, западные руководители также отнюдь не являлись образцами идеализма, как склонны теперь утверждать многие зарубежные идеологи и их мало информированные либеральные единомышленники в России. Жесткое применение военной силы, тайные подрывные операции, нарушение норм международного права и морали стали нередким явлением в западной политике эпохи холодной войны. И все же для нее это были скорее издержки глобального соперничества, чем естественная экстраполяция внутренней ситуации вовне.

Западные демократии относительно безболезненно переварили прекращение глобальной конфронтации, зато изменения на международной арене вступили в кричащее противоречие с жизнью совет-

ской империи. И это главная причина, по которой военно-политические институты на Западе сумели пережить окончание противостояния, а на Востоке — нет. По иронии судьбы, лишившись сильного и коварного противника, Запад, прежде всего его лидер — Соединенные Штаты, стал в своей внешней политике эволюционировать в направлении заимствования многих неприглядных принципов и методов Советского Союза. «История ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков», — писал Василий Ключевский.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ВЕЛИКОЙ МИССИИ

Мессианство является важной особенностью всех империй. Британская, Французская и другие империи страдали манией величия и оправдывали цивилизационной миссией свои экспансионистские притязания. Гитлеровская Германия провозглашала «тысячелетний рейх» высшей нордической расы. Италия во главе с Бенито Муссолини намеревалась возродить великую Римскую империю, а Япония силой оружия распространяла на всю Азию зону «сопроцветания» под благодворящей властью микадо. Советский Союз поддерживал «триумфальное шествие» социализма и национально-освободительных движений по планете.

Российскому имперскому проекту с давних времен присуще понятие особой «русской миссии». В ней присутствуют элементы, свойственные в той или иной степени любой колониальной идеологии, и прежде всего убежденность в том, что метрополия распространяет цивилизацию на народы, менее развитые в социально-экономическом и техническом отношении. Но исторические корни «русской идеи/миссии» уходят во внутрироссийские проблемы: она была во многом необходимой психологической защитой и опорой нации на протяжении столетий тяжелейшей борьбы за выживание.

В известном смысле подобная идеология служила утешением, своего рода компенсацией за относительно низкий уровень существования и отсутствие многих элементарных практических удобств, характерных для Запада в целом. Требовалось психологическое оправдание трудностей, порожденных централизованной военизированной экономикой и неэффективной бюрократией. И более всего для того, чтобы примирить в сознании русских людей противоречивое сочетание исполненной лишений жизни и огромных пространств, колоссальных природных ресурсов страны, талантов ее великого народа. Наконец, духовные искания и метафизические ценности были выходом для ин-

теллектуального потенциала нации в условиях, когда реакционный правящий режим жестко ограничивал свободу политической деятельности или экономического предпринимательства.

Как бы то ни было, авторитарные традиции, милитаризм, централизованная командная экономика, мессианская идеология, экспансионизм и постоянная конфронтация с Западом не являются неотъемлемой частью русской ментальности или национального характера. Все это — результат особенностей развития и потому может и должно меняться по мере изменения внутренних условий жизни и внешнего окружения России.

В то же время эти традиции способны оживать и получать общественную поддержку на фоне провалов курса преобразований, упущенных возможностей развития по магистральному пути европейской цивилизации, по мере обострения тягот адаптации к переменам в национальном бытии России. Всплеск таких настроений может быть реакцией на несправедливое и неуважительное отношение к стране со стороны других держав, на попытки эксплуатировать ее бессилие и заставить примириться с зависимым и униженным положением. Но подобные настроения не должны превратиться в самодовлеющую силу, которая вновь надолго уведет в тупиковые пути самоизоляции, мессианского фетишизма и военизированного авторитаризма, внутренней стагнации и внешней вражды.

КТО ПОБЕДИЛ СССР?

Как и у остальных империй, у СССР хватало преимуществ, он переживал свои моменты великой славы. Исключая период разгула сталинской опричнины, советская держава, как и другие империи периода расцвета, обеспечивала своим подданным высокую степень стабильности, безопасности и предсказуемости в рамках жестких правил правления. Помимо колоссальной военно-промышленной мощи был достигнут скромный, но весьма удовлетворительный уровень всеобщего и равного здравоохранения, образования, социальной защиты и обеспечения жильем всего многонационального населения. Невозможно отрицать огромные — по самым высоким мировым стандартам — достижения в культуре, науке и технике.

В отличие от большинства других империй, включая царскую Россию, СССР не был побежден или смертельно подорван в большой войне, не распался в результате изнурительных малых колониальных конфликтов, несмотря на трясину войны в Афганистане

(1979–1989) и волнения в советских национальных республиках (1989–1991). Исключительное значение имеет то обстоятельство, что, вопреки расхожему мнению, Советский Союз не потерпел поражение в холодной войне. Многих вводит в заблуждение тот факт, что распад империи совпал по времени с завершением глобального военного и идеологического противостояния, но в истории далеко не всегда «после того» равнозначно «по причине того».

Советская империя создавалась и строилась для гонки вооружений, конфронтации и – при необходимости – для войны с остальным миром. Гонка вооружений сама по себе не была ни фактором, прямо подрывавшим экономику, ни причиной распада империи. Она являлась двигателем всего планового хозяйства, ядром общей экономической и техногенной системы, полностью утратившей свою эффективность и привлекательность для массового потребителя к концу 1980-х годов вместе со всем нагромождением политических и идеологических догм, мифов и претензий, подпиравших государственный строй и монопольную власть номенклатуры.

Как показал дальнейший опыт, десятикратное сокращение расходов на гонку вооружений в 1990-е не привело к экономическому росту, а скорее усугубило проблемы, разрушив все отрасли экономики, непосредственно связанные с военным производством. Свободного перемещения капитала, труда и товаров в гражданские отрасли не произошло ввиду системного характера в высшей степени милитаризованной советской экономики, а эта система деградировала, но не подверглась глубокому реформированию после 1992 года.

Рейгановское ускорение гонки вооружений, включая программу Стратегической оборонной инициативы, не нанесло окончательного удара по советской экономике. Советский «адекватный и асимметричный ответ» на военно-технический вызов президента США Рональда Рейгана в начале 1980-х с точки зрения обычного цикла крупных военных программ – исследования, разработка, производство и развертывание – набрал бы полные обороты (и потребовал бы наибольших расходов) не раньше, чем в конце 1990-х годов. Горбачёвская разрядка началась на полтора десятилетия раньше, а оборонные программы, осуществлявшиеся на излете советской эры, были реализацией решений, принятых еще в 1970-е.

Чисто технически СССР мог бы и дальше нести нараставшее бремя военных расходов, но государство до основания разъедала внутренняя эрозия. Несоответствие между всеми без исключения

официальными идеологическими догматами и реальной жизнью стало вопиющим. Это порождало у подавляющей части населения апатию и вызывало неверие в режим, лишая его социальной опоры и поддержки. Сам господствующий класс номенклатуры при сложившейся системе «естественного» отбора за редкими исключениями пополнялся кадрами, которые были поражены духом цинизма, карьеризма и стяжательства.

Крах был ускорен научной, технологической и информационной революцией, повлекшей за собой экспоненциальное расширение контактов СССР с внешним миром в 60–80-е годы прошлого века. К концу 1980-х СССР имел 40 тыс. ядерных боеголовок, 5 тыс. баллистических ракет, 60 тыс. танков и 300 подводных лодок, но не смог выпустить ни одного собственного портативного компьютера. Именно это, образно говоря, решило исход исторического спора между «реальным социализмом» и капитализмом. Советская империя была построена как крепость для вечной осады, она не обладала иммунитетом против широких контактов с внешней средой, и эта крепость рухнула, как только осада (или ее восприятие) была снята.

Не Соединенные Штаты, не НАТО и не Рейган развалили двуединый феномен Советского Союза — как государственно-политический строй и как империю. Его низвергло не внешнее давление, а разрядка и попытки внутренних реформ. Михаил Горбачёв освободил Восточную Европу, чтобы поддержать политическое сотрудничество с Западом, а российские демократы освободили другие советские республики, чтобы покончить с правлением Горбачёва. Россия и есть главная держава-победительница в холодной войне, а не США и их союзники, которые лишь оказывали ей вялую и неуверенную поддержку в достижении этой победы.

Именно распад советской экономической и политической системы, а также связанной с ней идеологии предшествовал краху империи, а не наоборот. В этом заключается отличие СССР от Османской, Австро-Венгерской, Португальской и кайзеровской Германской империй. Нельзя провести параллель и с дезинтеграцией Британской, Французской, Голландской и Бельгийской империй, которая не привела к серьезным изменениям в экономической или политической системе метрополий.

Коммунистическая система во всех ее ипостасях — экономической, политической, идеологической — была цементирующим фактором сохранения империи. Вот почему все нынешние призывы

российских коммунистов к восстановлению Советского Союза и националистов всех мастей к возрождению царской империи предполагают неизбежный возврат к авторитарному либо тоталитарному режиму и несовместимы с демократией или рыночной экономикой.

ЦЕНА РАСПАДА

Каковы бы ни были причины краха советской империи, для миллионов людей это стало катастрофой: развал государства, утрата национальной идентичности, разлука с родственниками и друзьями, оказавшимися в ближнем зарубежье. В некоторых из бывших республик миллионы жителей внезапно оказались бесправными и беззащитными людьми второго сорта. Вызвал шок воинствующий, порой оголтелый национализм, пришедший на смену интернационализму, который, как правило, был естественной основой повседневных взаимоотношений между простыми людьми всех национальностей в СССР.

Это усугублялось тем, что при советской власти многие границы между республиками кроились и перекраивались совершенно произвольно, без учета исторических моментов, этнических либо экономических связей. Став вдруг государственными, эти границы превратились в силовые линии напряженности, территориальных претензий, националистических спекуляций и трансграничной преступности.

Негативное отношение к этому перевороту усиливалось вследствие того, что у многих отсутствовало ясное представление о причинах ликвидации Советского Союза, проходившей в непохожих для других империй обстоятельствах. Да и республики СССР по-разному отнеслись к прекращению его существования.

Разочарование и смятение населения усиливали последующие события: экономический упадок (в России прежде всего в результате провальной экономической реформы), социальные противоречия, разрушение традиционных связей и коммуникаций, нестабильность и кровавые конфликты в бывших советских республиках и в самой России, потеря скромных, но предсказуемых жизненных благ, не слишком достойное поведение лидеров, в одночасье дорвавшихся до власти, чувство национального унижения из-за потери влияния в мире, нескончаемых внешнеполитических отступлений и поражений.

Все это создало благоприятную почву для оживления русского национализма, поисков национальной идентичности или объединения

ющей идеи, попыток возродить традиционные концепции и ценности в новых условиях.

Нации еще предстоит по-настоящему осознать, что Россия — это страна, кардинально отличающаяся от Советского Союза, что ее возникновение было вызвано не исторической случайностью, не заговором и не просчетом руководства, — оно было обусловлено объективным ходом событий. А приход к власти Михаила Горбачёва, выдвижение Бориса Ельцина и провал августовского путча 1991 года были лишь субъективными катализаторами глубинных и давно назревших перемен.

Происходящее в последнее время в России свертывание многих демократических норм и институтов вполне созвучно формированию государственно-монополистической, экспортно-сырьевой модели ее экономического развития. Соответственно в настроениях политической элиты, если не в практической политике все более явно звучат неоимперские мотивы.

Вопрос огромной исторической и современной политической важности состоит в том, является ли милитаризированная империя естественной формой существования России, как утверждают сегодня многие сторонники консервативной и националистической идеологии, или же, наоборот, эта модель окончательно изжила себя и, дважды приведя огромную державу к краху, должна быть заменена другой парадигмой. История, как всегда, не дает однозначного ответа. Она изобилует фактами и событиями, которые могут служить доказательствами и того и другого.

Представляется, однако, что военно-имперский путь — это тупиковый маршрут, чреватый угрозой еще одного, третьего (после 1917 и 1991 годов) краха. После него Россия может не подняться уже никогда. Тем более что она стоит перед экономико-политическим вызовом с запада (расширение НАТО и Евросоюза), исламским идеологически-террористическим вызовом с юга, а в перспективе, вероятно, столкнется с военно-экономическим вызовом с востока. Возникнет угроза распада самой России, как и дальнейшего насильственного дробления постсоветского пространства. В этом случае Россию ждет судьба прошлых континентальных империй Европы, но еще с более тяжкими последствиями в нынешний техногенный век, в условиях нарастающих трансграничных угроз нового типа.

Избежать этого можно лишь на пути перехода к инновационной экономической модели, неразрывно связанной с расширением демократических институтов и норм, строительством граждан-

ского общества. Огромная территория и сырьевые запасы России за Уралом — это не вечное системообразующее ядро ее хозяйства, а бесценный ресурс для экономической диверсификации, которая одна только и способна привлечь долгосрочные отечественные и зарубежные инвестиции в промышленность высоких технологий.

Переориентация внешнеэкономических (а значит, и внешнеполитических) связей с Европы на Азию, о которой стало модно говорить в последнее время, — это путь к консервации экспортно-сырьевой модели российской экономики вместе с ее авторитарно-олигархической политической надстройкой, пусть и с демократическими декорациями. Азии не нужна Россия высоких технологий, ей нужна Россия — сырьевое приложение (а также поставщик вооружений и ядерных реакторов — до поры). Авторитарная политическая система тут не только не помеха, но даже своего рода «преимущество».

Среди западных политиков есть различные мнения относительно того, какая Россия им более выгодна. Но совершенно очевидно, что об интеграции с сырьевым придатком не может быть речи. У придатка берут нефть и газ, избегая при этом монопольной зависимости и отгораживаясь военно-политическим брандмауэром от непредсказуемости и неустойчивости авторитарного режима.

Выбор за Россией. Ее переход на инновационную экономику и необходимая для этого продуманная демократизация политической системы неизбежно и естественно поставят вопрос о последовательном сближении, а в более отдаленной перспективе и об интеграции России с Большой Европой. Конкретные формы, сроки и условия этого процесса определит время.

В этом состоит магистральный путь постиндустриального развития России, который только и способен увести ее от незавидной роли отсталого и зависимого поставщика сырья для экономических гигантов XXI века. Лишь на этом пути страна обретет социально-политическую устойчивость, надежную современную оборону и систему безопасности, совместимую с самыми передовыми державами мира. Со своей стороны только вместе с Россией Большая Европа может претендовать в новом столетии на место глобального центра силы, имеющего экономическое, политическое и военно-стратегическое влияние за пределами континента — в Африке, Азии и Латинской Америке.

Не авторитарная военная империя, а великая демократическая европейская держава — таков единственный оптимистический вариант будущего России.

Из России... к миру

В октябре поступили первые объемы нефти и природного газа по проекту "Сахалин-1", реализуемому компанией ЭксонМобил на острове у дальневосточных берегов России.

Начало добычи — это победа технологий и слаженной работы в труднейших природных условиях. Американская, российская, японская и индийская компании совместными усилиями преодолевали трудности реализации проекта, работая в условиях низких температур, во льдах и снегах для того, чтобы дать растущей мировой экономике свет, тепло и топливо.

Это непростая задача. Ожидается, что всего за 25 ближайших лет мировая потребность в энергоносителях вырастет на 50%. Россия, как крупнейший мировой производитель природного газа и самый крупный производитель нефти, не входящий в ОПЕК, будет играть ключевую роль в удовлетворении этого мирового спроса.

Однако значительная часть российских нефтегазовых ресурсов находится в районах экстремальных климатических и погодных условий. Остров Сахалин окружен арктическим лаковым льдом максимальной толщины в течение семи месяцев в году, каждый год в этом районе отмечается свыше тридцати метелей, а средняя температура января примерно минус 20⁰ С.

В этих суровых условиях обитает свыше 90 видов редких животных, рыб и птиц, в том числе охото-корейская популяция озрых китов и орланы — белоплечие морские орлы. Одна из главных задач — сохранение ценной дикой природы и природного наследия. Поэтому соответствующие природоохранные меры были предусмотрены на каждой стадии реализации проекта.

Технология — решающий фактор. Метод трехмерной сейсморазведки, изобретенный компанией ЭксонМобил, позволит точно определять местонахождение продуктивных пластов при ограниченном объеме разведочного бурения. Специализированные танкеры и ледоколы обеспечивают безопасность подхода к району работ и транспортных операций. Новая технология позволяет нам вскрыть продуктивные пласты на шельфе путем бурения горизонтальных скважин с берега на расстояние свыше десяти километров, что является рекордным показателем в мировой практике.

Не менее важна слаженность работ. Квалифицированные российские исследователи, инженеры и рабочие составили значительную часть рабочего коллектива. С российскими компаниями заключены контракты на сумму свыше 3 млрд. долларов, что составляет примерно две трети от общей

стоимости подрядных работ; на стадии строительства прямо или косвенно было создано 13000 рабочих мест. Консорциум "Сахалин-1" планирует инвестировать в проект свыше 12 млрд. долларов, что делает проект "Сахалин-1" крупнейшим проектом в России по размеру прямых иностранных инвестиций.

Мы дали нашей буровой платформе имя "Орлан" — это подходящий образ. Для россиян орел — символ мужества. Действительно, сейчас реализация энергетического проекта на Сахалине сопряжена с огромными трудностями, но современные технологии и слаженная работа позволят увеличить значительный вклад России в пополнение объемов энергоресурсов, поставляемых на мировой рынок.

**Удовлетворяем
растущий мировой
спрос на
энергоносители,
сохраняя при этом
окружающую
природную среду**

ExxonMobil

Решаем сложнейшие задачи мировой энергетики™

Посетите вебсайт компании: exxonmobil.com

Отверженные?

“ Нет ничего более изумительного, чем первые часы закипающего мятежа. Все вспыхивает всюду и сразу. Было ли это предвидено? Да. Было ли подготовлено? Нет. Откуда это исходит? От уличных мостовых. Откуда это падает? С облаков. Здесь восстание имеет характер заговора, там — внезапного порыва гнева. Первый прохожий завладевает потоком толпы и направляет его куда хочет. Начало, исполненное ужаса, к которому примешивается какая-то зловещая веселость ”

Виктор Гюго. «Отверженные»

Разгневанные мусульмане Европы *Роберт Лейкен*

90

«Иммигрант, но... добившийся успеха» *Матьё Ригуст*

108

Меняться и менять *Евгений Ворожцов*

118

Разгневанные мусульмане Европы

Роберт Лейкен

ПРОБЛЕМА У ДВЕРЕЙ АМЕРИКИ

Возможность проникновения на территорию США через мексиканскую границу террористов, умело затерявшихся среди нелегальных иммигрантов, вызывает беспокойство у телекомпании *Fox News* и Лу Доббса из *CNN*. Чтобы предотвратить теракты в США, Пентагон ведет войну на Ближнем Востоке. Однако главный кошмар для чиновников из Министерства внутренней безопасности — это моджахеды, имеющие паспорта и прибывающие в безвизовом режиме из западноевропейских государств — союзников США.

Сети джихадистов раскинулись по всей Европе — от Польши до Португалии — благодаря распространению радикального ислама среди потомков гастарбайтеров, которых вербовали когда-то для поддержания экономического чуда в послевоенной Европе. В дымных кофейнях Роттердама и Копенгагена, в импровизированных молельнях Гамбурга и Брюсселя, в лавках исламистской литературы в Бирмингеме и «Лондонистане», в тюрьмах Мадрида, Милана и Марселя иммигранты или их потомки записываются добровольцами на священную войну против Запада — джихад. Именно голландский мусульманин марокканского происхождения, рожденный и воспитанный в Европе, убил в ноябре прошлого года в Амстердаме кинорежиссера Тео ван Гога. Проведенное Центром имени

Роберт Лейкен — директор Программы по иммиграции и национальной безопасности Центра имени Никсона и внештатный научный сотрудник Института Брукингса. Он является автором книги «Разносчики джихада? Иммиграция и национальная безопасность после 11 сентября». Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs*, № 4 (июль — август) за 2005 год. © *Council on Foreign Relations Inc.*

Пригород Парижа. 4 ноября 2005 г.

Никсона исследование группы из 373 моджахедов, проживавших в Западной Европе и Северной Америке с 1993 по 2004 год, показало, что французских граждан среди них оказалось вдвое больше, чем саудовских арабов, а британцы численно преобладали над гражданами Судана, Йемена, ОАЭ, Ливана и Ливии. По крайней мере четверть из участвовавших в исследовании джихадистов являлись гражданами западноевропейских стран, имеющими право безвизового въезда в Соединенные Штаты.

Появление в Европе моджахедов, возвращенных на отеческой почве, угрожает не только самой Европе, но и Соединенным Штатам. Однако прошлой зимой на встрече по вопросам европейско-американского сближения эта проблема вообще не поднималась. Ни президент Джордж Буш-младший, ни госсекретарь Кондолиза Райс не привлекли внимания присутствующих к этой общей угрозе, хотя на ней следовало бы сосредоточиться и она могла бы помочь укрепить солидарность Запада.

ТВОЯ СТРАНА – ЭТО МОЯ СТРАНА

Массовая иммиграция мусульман в Европу – это незапланированное следствие реализации программ по привлечению гастарбайтеров после окончания Второй мировой войны. При поддержке дружелюбно настроенных политиков и сочувствующих судей иностранные рабочие, чье пребывание предполагалось как временное, воспользовались программами воссоединения семей и превратились в постоянных ре-

зидентов. Последующие волны иммигрантов слились в океан потомков. Сегодня мусульмане составляют большинство иммигрантов в целом ряде западноевропейских стран, в том числе в Бельгии, Франции, Германии и Нидерландах, и самую многочисленную группу среди иммигрантского населения в Великобритании. Точные цифры определить трудно, поскольку при проведении переписи населения на Западе респондентам редко задают вопрос об их вероисповедании. Но по приблизительным оценкам, от 15 до 20 миллионов мусульман сегодня называют Европу своей родиной и составляют от четырех до пяти процентов ее общего населения. (Количество мусульман в Соединенных Штатах, вероятно, не превышает 3 миллионов — менее двух процентов населения страны.) Относительное преобладание проживающих за границей мусульман наблюдается во Франции (от семи до десяти процентов общего населения); следом идут Нидерланды, Дания, Швеция, Великобритания и Италия. Учитывая продолжающуюся иммиграцию и высокий коэффициент рождаемости у мусульман, Национальный совет по разведке прогнозирует, что к 2025-му мусульманское население Европы вырастет вдвое.

Если, иммигрируя в США, мусульмане въезжали в огромную страну, созданную переселенцами, то в Европе, куда большинство мусульман начали прибывать только после окончания Второй мировой войны, им приходилось «втискиваться» в компактные и культурно однородные нации. Их приток оказался для многих принимающих стран новым и зачастую нежелательным феноменом. Между тем иммигранты из Северной Африки сохраняли прочную приверженность к своим родным культурам. Значительно отличаясь от американских мусульман, рассеянных географически, раздробленных этнически и в целом финансово благополучных, европейские мусульмане собирались вместе со своими соотечественниками в анклавов, подобные гетто: алжирцы во Франции, марокканцы в Испании, турки в Германии и пакистанцы в Великобритании.

Присутствие мусульманских иммигрантов в Европе уже заметнее, чем присутствие выходцев из Латинской Америки в Соединенных Штатах. В то время как испаноязычная община Америки представляет собой смесь самых разных национальностей, различные мусульманские народы Западной Европы, напротив, скорее несхожи между собой, образуют сплоченные группы и ожесточены. В Европе принимающие страны, так и не научившиеся интегрировать

приезжих, входят в столкновение с иммигрантами, которые исключительно цепко держатся за свой уклад. Они вызывают к жизни одну из разновидностей того, что французский исследователь Оливье Руа называет «глобализованным исламом»: воинствующий исламистский протест против господства Запада, антиимпериализм, усиленный стремлением к религиозному возрождению.

Как признаёт французский ученый Жиль Кепель, «ни кровь, пролитая мусульманами Северной Африки, сражавшимися во французских мундирах во время обеих мировых войн, ни пот рабочих-мигрантов, живших в плачевных условиях и за жалкие гроши восстанавливавших Францию (и Европу) после 1945 года, не превратили их детей... в полноценных сограждан». Так что неудивительно, что радикальный лидер Союза исламских организаций Франции, связанного с «Братьями мусульманами», проклинает свою родину: «О, милая Франция! Неужели тебя удивляет, что столько твоих детей объединяются вокруг обжигающего *“нааль бу ля Франс”* [пропади пропадом, Франция] и проклинают твоих Отцов?»

Демография, история, идеология и политика Европы привели к тому, что сегодня она чаще всего служит домом для недовольных жизнью потомков мусульман, которые номинально являются ее гражданами, но не вписались ни в ее культуру, ни в социальную среду. Пока ее профессора рассуждали об устаревшей концепции национального государства, Западная Европа, сама не осознавая, что происходит, обзавелась не колониальной империей, а чем-то вроде внутренней колонии, примерно равной по численности населения Сирии. Многие из этой колонии хотели бы интегрироваться, и они пытаются взбираться по крутым ступеням европейской общественной лестницы. Но значительная часть мусульманской молодежи отвергает свой статус второстепенных граждан, с которым мирились родители молодых людей. Взрывоопасная смесь европейского нативизма и иммигрантского диссидентства угрожает тому, что датский социолог Оле Вэвер называет «социетальной безопасностью», или национальной сплоченностью. В довершение всех неприятностей происходящее в этих диаспорах в силу их изолированности скрыто от посторонних глаз, что позволяет моджахедам собирать там средства, обучать и вербовать участников джихада, пользуясь при этом даже большей свободой, чем во многих мусульманских странах.

По мере формирования в конце 1990-х такой ситуации даже либеральные круги Европы начали пересматривать свое отношение к

иммиграции. Многие возмущались неспособностью их правительств снизить уровень или даже выявить источники *insécurité* (французский эвфемизм, применяющийся для обозначения сочетания таких явлений, как вандализм, уголовная преступность и преступления на почве ненависти, исходящей из мусульманских иммигрантских анклавов). Государство обнаруживало неспособность регулировать въезд иммигрантов, а общество проявляло нежелание их интегрировать. В некоторых случаях негативная реакция была связана с ксенофобией и расизмом, в других она возникала в ответ на действия политиков, увлеченных мечтой о мультикультурном гармоничном сосуществовании различных общин и выступавших за подчеркнуто сочувственное отношение к угнетенным нациям и предоставление им особых льгот. К 2002 году электоральный бунт, вызванный проблемой иммиграции, поставил под угрозу партийные системы Австрии, Бельгии, Дании, Франции и Нидерландов. Голландцев настолько возмутило убийство в 2002-м политика-гомосексуалиста Пима Фортейна, выступавшего против иммиграции, что ведущие партии страны позаимствовали существенную часть политической программы убитого. Нынешней весной британские тори не просто присоединились к правящей Лейбористской партии в вопросе о введении широкомасштабных ограничений на иммиграцию. Среди мер — ужесточение процедур получения политического убежища и воссоединения семей (и тем, и другим по всей Европе регулярно злоупотребляют) и применение компьютеризованной системы проверки при пересечении границы наподобие новой «Программы электронного учета приезжих и иммигрантов в США». Консерваторы также выступили за введение максимально допустимых иммиграционных квот. Яростная полемика во Франции о мусульманских головных платках-хиджабах, разговоры о связи между терроризмом и злоупотреблениями правом на политическое убежище, начавшиеся в Великобритании, дискуссии об иммиграции, угрожающие расколоть Бельгию, и возмущение голландцев в связи с убийством ван Гога, возможно, подвели Западную Европу к поворотной точке.

УГОЩЕНИЕ ПО-ГОЛЛАНДСКИ

Неприятная истина заключается в том, что денатурализация и радикализация происходят даже в таких странах, как Нидерланды, где очень многое было сделано для обустройства мусульманских иммигрантов. Гордясь своей легендарной терпимостью по отношению к

национальным меньшинствам, Нидерланды гостеприимно предоставили политическое убежище десяткам тысяч мусульман, утверждавшим, что они спасаются от преследования. К услугам иммигрантов были щедрые пособия и льготное жилье, привилегии при приеме на работу и бесплатные языковые курсы. Голландские налогоплательщики финансировали мусульманские религиозные школы и мечети, а общественное телевидение передавало программы на марокканском арабском языке. Мохаммед Буйери, убийца ван Гога, жил на пособие по безработице.

Кровавое убийство ван Гога всколыхнуло Нидерланды и соседние страны не только потому, что жертвой стал вызывающий споры кинорежиссер – потомок художника Винсента ван Гога, главного кумира голландцев, но и потому, что Буйери, по словам Стефа Блока, председателя парламентской комиссии по проверке иммиграционного досье Буйери, оказался «типичным иммигрантом во втором поколении». Европейские органы по борьбе с терроризмом увидели в этом убийстве знак вступления террористической угрозы в новую фазу. Оно воскресило призрак ближневосточных политических убийств, ставших частью арсенала джихадистов в Европе, и выявило новый источник опасности – неизвестных лиц из среды собственных европейских мусульман. Ячейка в Гамбурге, связанная с терактами 11 сентября 2001 года, состояла из иностранных студентов, а взрывы поездов в Мадриде в марте 2004-го совершили иммигранты из Марокко. Однако и убийца ван Гога, и его сообщники родились и воспитывались в Европе.

Буйери был сыном марокканских рабочих-иммигрантов. Он вырос в пролетарском районе Амстердама, который прозвали «городом спутников» из-за множества спутниковых тарелок на балконах, настроенных на прием канала «Аль-Джазира» и марокканского телевидения. Родители Буйери прибыли на волне иммиграции 1970-х годов, но так и не выучились говорить по-голландски. Буйери же окончил лучшую среднюю школу района. Его трансформация из подающего надежды студента в джихадиста повторяет типичную схему, в рамках которой группы преуспевающих молодых европейских мусульман вступают в ряды воинов джихада для совершения расправ над жителями Запада.

Окончив местный колледж, а затем прослушав продвинутые курсы по бухучету и информационным технологиям, Буйери, отличавшийся буйным нравом, попал на семь месяцев в тюрьму за преступление, связанное с применением насилия. Из тюрьмы он вышел

исламистом, переполненным гневом в связи с участью Палестины и не скрывая своего сочувствия по отношению к движению ХАМАС. Он освоил профессию социального работника и стал организатором в своей общине. В бюллетене общины он написал, что «теперь Нидерланды — наш враг, поскольку принимают участие в оккупации Ирака». Не найдя финансирования для молодежного центра в «городе спутников» и не добившись запрета на продажу пива или присутствие женщин на организуемых им мероприятиях, он переехал в центр Амстердама. Там его завербовали в группу «Хофштад» — ячейку исламистских боевиков второго поколения.

Ячейка начала собираться раз в две недели в квартире Буйери и слушать проповеди сирийского проповедника, известного под именем Абу-Хатиб. «Хофштад» была связана с сетями в Испании, Марокко, Италии и Бельгии и планировала серию убийств голландских политиков, нападение на единственный ядерный реактор в Нидерландах, а также другие теракты на территории Европы. Европейские разведслужбы установили связь ячейки с Вооруженной исламской группой Марокко, причастной к взрывам в Мадриде и серии терактов в Касабланке в 2003 году. Ее сирийский имам взаимодействовал с моджахедами из Ирака и с одним из боевых командиров «Аль-Каиды». «Судя по международным контактам Буйери и сети “Хофштад”, — утверждает один аналитик — консультант правительства Норвегии, — можно с уверенностью сделать вывод, что они являлись участниками многочисленных террористических заговоров, раскрытых в Западной Европе за последние годы».

Группу «Хофштад» нельзя сравнивать с маргинальными европейскими террористическими группами прошлых десятилетий, такими, как группировка Баадера — Майнхоф в Германии, «Аксьон директ» (*Action Directe*) во Франции или «Красные бригады» в Италии. Как и другие современные джихадистские группы, она обладает преимуществом, которого долго добивались и никогда не имели террористы-марксисты, — социальной базой. И эта база, отчасти благодаря войне в Ираке, стремительно растет.

Голландская Всеобщая служба разведки и безопасности (*AIVD*) утверждает, что радикальный ислам в стране включает «множество движений, организаций и групп». Некоторые из них не применяют насилия и разделяют только религиозные догмы и презрение к Западу. Однако *AIVD* подчеркивает, что другие, включая «Аль-Каиду», тоже «тайно укореняются в голландском обществе», вербуя отчуж-

денную от общества мусульманскую молодежь, родившуюся в Голландии. В докладе *AIVD* описывается, как такие рекруты смотрят видеофильмы на тему джихада, обсуждают в интернет-чатах идею мученичества и посещают исламистские чтения, съезды и летние лагеря. Радикальный ислам превратился в «автономное явление», утверждает *AIVD*, так что теперь голландская молодежь вступает на путь фундаментализма даже без прямого влияния из-за границы. В основном то же самое можно сказать и о разгневанной мусульманской молодежи в Брюсселе, Лондоне, Париже, Мадриде и Милане.

РЯДОВОЙ СОСТАВ

В общем и целом джихадистов Западной Европы можно разделить на два типа: назовем их «аутсайдеры» и «инсайдеры». Аутсайдеры — это иностранцы, как правило, беженцы или студенты, нашедшие в либеральной Европе убежище от сурового преследования, которому исламисты подвергаются на Ближнем Востоке. Среди них находятся радикальные имамы, часто получающие пособия из Саудовской Аравии; они предоставляют свои мечети вербовщикам террористов и служат связующими звеньями или духовными отцами джихадистских сетей. После того как таких иностранцев впускают в одну из стран ЕС, все остальные европейские государства тоже оказываются доступными для них. Им могут помогать как легальные, так и нелегальные жители этих стран, такие, как лавочники, торговцы и мелкие уголовники, которые осуществили взрывы в Мадриде.

Многие из этих аутсайдеров первого поколения мигрируют в Европу специально для осуществления джихада. В исламистской мифологии миграция архетипически связана с завоеванием. Пророк Мухаммед, которому угрожало преследование в идолопоклоннической Мекке, проклял в 622 году н. э. правителей города и увел своих приверженцев в Медину. Там он собрал армию, которая завоевала Мекку в 630-м и установила мусульманское правление. Сегодня именно Ближний Восток в целом воспринимается моджахедами Европы как идолопоклонническая Мекка, потому что в нескольких странах этого региона власти подавили в 1990-х годах попытки исламистского переворота. Европу же можно рассматривать даже как своего рода Медину, где вербуются войска с целью отвоевать Святую землю, начиная с Ирака.

Инсайдеры, с другой стороны, — это группа отчужденных граждан, второе или третье поколение детей иммигрантов, те, кто, подоб-

но Буйери, были рождены и вскормлены в условиях европейского либерализма. Часть из них — безработная молодежь из беднейших пригородов Марселя, Лиона и Парижа или бывших фабричных городков типа Бредфорда и Лестера. Они представляют собой новейшее и наиболее опасное воплощение излюбленной темы литературы об иммигрантах — бунта второго поколения. Они также являются драматическим примером того, что можно было бы назвать «враждебной ассимиляцией-интеграцией во враждебную культуру принимающей страны». Но более типичной иллюстрацией такой антизападной вестернизации является другой образчик рекрута второго поколения. Это движущийся по восходящей молодой человек, такой, как выпускник университета Закария Муссауи, так называемый 20-й угонщик, или же как Омар Хийам, студент-компьютерщик и капитан футбольной команды из английского графства Суссекс, который мечтал о том, чтобы играть за сборную страны, однако в апреле 2004-го был арестован вместе с восемью сообщниками за хранение полутонны взрывчатки, предназначенной для терактов в Лондоне.

Спускающиеся по нисходящей обитатели трущоб и успешные, продвигающиеся по восходящей молодые люди воспроизводят в Западной Европе два социальных типа, которые когда-то сформировали базу исламистских движений в развивающихся странах, таких, как Алжир, Египет и Малайзия, — это беднота и набожные буржуа. Как и в случае терактов 11 сентября, образованные обычно становятся лидерами, а плебеи — боевиками. Аутсайдеры первого поколения и инсайдеры второго поколения не разделены Великой Китайской стеной; наоборот, первые, как правило, вербуют рекрутов среди последних. Сирийский имам группы «Хофштад» был наставником Буйери; пресловутый одноглазый имам Абу Хамза аль-Масри инструктировал Муссауи в Лондоне. Десять лет назад во Франции алжирская Вооруженная исламская группа уже обращала в свою веру бёров (рожденные во Франции дети североафриканских иммигрантов) и превращала их в джихадистов, которые терроризировали пассажиров поездов в 1990-е годы. Однако после 11 сентября вербовка приобрела более систематический и стратегический характер. Агитация «Аль-Каиды» нацелена именно на второе поколение. И если вербовщики джихада раньше находили сочувствующих слушателей в криминальном мире, среди преступных группировок или в тюрьмах, то сегодня они, похоже, чаще набирают очки в университетских городках, среди учащихся подготовительных курсов и даже школьников средних классов.

ИРАКСКИЙ ЭФФЕКТ

Судя по заявлениям руководителей контрразведки, секретным разведывательным донесениям и перехватам телефонных разговоров, после облав, вызванных событиями 11 сентября, джихадисты расширили свои операции в Европе и возобновили их с новой силой после вторжения коалиции в Ирак. Усама бен Ладен теперь воодушевляет и стратегически направляет множество относительно автономных европейских джихадистских ячеек, которые формируются для выполнения конкретных миссий, привлекают исполнителей из резерва профессионалов и подручных, наносят удар, а затем распускаются, чтобы позднее снова сгруппироваться.

Такие группировки, как правило, выбирают своей мишенью европейские страны, выступающие в качестве союзников США в Ираке, что доказали взрывы в Мадриде, теракты против британских целей в Стамбуле в ноябре 2003-го, а также львиная доля впечатляющих террористических заговоров (их насчиталось около тридцати), провалившихся после 11 сентября. В марте 2004 года, всего через несколько дней после того как шеф лондонской полиции заявил о «неизбежности» местных терактов, его сотрудники раскрыли заговор с участием британских подданных пакистанского происхождения и конфисковали самый крупный со времен расцвета Ирландской республиканской армии тайный склад материалов, практически пригодных для изготовления взрывных устройств. Несколько месяцев спустя Скотленд-Ярд обвинил в попытке собрать «грязную» бомбу восьмерых иммигрантов во втором поколении из Южной Азии, которые, как сообщалось, прошли подготовку в лагерях «Аль-Каиды». У троих из них найдены разведпланы с чертежами зданий финансовых ведомств в трех городах США.

Несколько сотен европейских боевиков (включая, согласно данным голландской разведки, десятки «бьющихся над своей идентичностью» голландских иммигрантов во втором поколении) ринулись также в «суннитский треугольник» в Ираке. Западная Европа, в свою очередь, служит перевалочным пунктом для раненных в Ираке моджахедов. Иракская сеть входит в разветвленную структуру, которую создал Абу Мусаб аз-Заркауи — ныне официальный сподвижник бен Ладена и «эмир» «Аль-Каиды» в Ираке. Недавно рассекреченные испанские судебные материалы указывают на то, что на встрече в Стамбуле в феврале 2002-го Заркауи, предвидя затяжную войну в Ираке, начал строить планы

создания подпольного двустороннего канала для переправки европейских рекрутов в Ирак, а ближневосточных вербовщиков и нелегальных иммигрантов — в Европу. Заркауи привел также в действие «спящие» ячейки, созданные в европейских городах в период конфликта в Боснии.

Один из главных следователей по делам террористов в Милане Армандо Спатаро говорит, что «почти все европейские страны были затронуты [иракской] вербовкой», включая, как это ни невероятно, Норвегию, Швейцарию, Польшу, Болгарию и Чешскую Республику. Методы вербовки, применяемые иракской сетью, закупаящей дешевое оружие в Германии у балканских группировок, аналогичны методам, используемым в конфликтах в Чечне и Кашмире. Благодаря своей первоклассной индустрии подделки документов Италия превратилась в базу отправки добровольцев. Испания же служит каналом связи с Северной Африкой, а также военной базой для терактов в «аль-Андалус» — бывшем мусульманском халифате на территории Испании.

ВСЕОБЩАЯ БЕЗМЯТЕЖНОСТЬ

Хотя для некоторых жителей Европы взрывы в Мадриде оказались таким же переломным моментом, как теракты 11 сентября для США, эти европейцы пока находятся в меньшинстве, особенно среди политиков. Однако то, что американцы считают европейской самоуспокоенностью, нетрудно понять. Теракты 11 сентября произошли не в Европе, и в течение долгого времени этот континент сталкивался с терроризмом только в виде заминированных автомобилей или взрывных устройств в уличных урнах. Терроризм здесь до сих пор рассматривается как уголовная проблема, а не как повод для войны. Более того, некоторые европейские чиновники верят, что политика уступок по отношению к Ближнему Востоку способна их защитить. И действительно, атакуя союзников США в иракской войне, бен Ладен предложил перемирие тем европейским государствам, которые не вступали в этот конфликт.

За небольшим исключением европейские власти уклоняются от введения относительно суровых законодательных мер и мер безопасности, принятых в США. Они предпочитают осуществлять наблюдение за преступным миром и традиционное судебное преследование, а не начинать «войну с терроризмом» в американском стиле и мобилизовывать вооруженные силы, создавать центры содер-

жания под стражей, усиливать пограничный контроль, требовать наличия машиносчитываемых паспортов, высылать из страны проповедников ненависти и удлинять осужденным террористам сроки приговоров, которые сейчас славятся своей мягкостью. Тот факт, что Германии не удалось осудить заговорщиков, связанных с терактами 11 сентября, свидетельствует: европейская общественность за пределами Франции, а теперь еще, возможно, и Нидерландов, не готова воевать с терроризмом.

Вопреки выводам, сделанным многими американцами во время спора между Вашингтоном и Парижем накануне вторжения в Ирак, Франция выделяется на общем фоне европейской самоуспокоенности. Еще задолго до 11 сентября Франция установила у себя наиболее жесткий по сравнению со всеми западными странами антитеррористический режим. Ирландский терроризм в Великобритании мог отвлекать от джихада внимание граждан так же, как в Испании баскские террористы оставались более приоритетной проблемой, однако во Франции алжирский террор возымел противоположное действие.

Чтобы предотвратить религиозную агитацию в своей мусульманской, преимущественно североафриканской, общине, энергичное французское государство отказывалось в 1990-е годы предоставлять убежище радикальным исламистам даже тогда, когда тех гостеприимно принимали соседние страны. Опасаясь, как выразился Кепель, что заразительное влияние превратит «социальную неудовлетворенность, которую испытывают мусульмане в пригородах крупных городов», в экстремизм и терроризм, правительство Франции обрушилось на джихадистов, задерживая подозреваемых на срок вплоть до четырех дней без предъявления обвинения или предоставления доступа к адвокату. Сегодня в светской Франции нет ни одного религиозно-культового объекта, на территорию которого полиция был бы воспрещен вход. Разжигание ненависти влечет за собой прибытие жандармов, включение в черный список и в перспективе депортацию. Такая тактика соответствует принятой во Франции строгой модели ассимиляции, которая не допускает религию в государственную сферу (отсюда и споры о хиджабах).

Подход Франции контрастирует с британским сепаратистским мультикультурализмом, обуславливающим практику предоставления радикальным арабским исламистам убежища и возможностей

открыто проповедовать при одновременном усилении наблюдения за ними. Французская молодежь все еще может ознакомиться с речами джихадистов с помощью спутникового телеканала или через Интернет; в Великобритании же открытые радикальные проповеди привели к возникновению террористических ячеек. Большинство других европейских стран переняли снисходительный британский подход, но при этом они ослабили наблюдение.

Сегодня взрывы в Мадриде и убийство ван Гога ужесточили позиции вовлеченных в данную сферу политиков, таких, как министр внутренних дел ФРГ, представитель Социал-демократической партии Германии Отто Шили или бывший министр внутренних дел Франции, глава правящей партии «Союз за народное движение» Николя Саркози. (Шили больше не работает в правительстве Германии; Саркози являлся министром внутренних дел в правительстве Жан-Пьера Раффарена, в настоящее время занимает этот же пост в правительстве Доминика де Вильпена. — **Ред.**) Они также побудили Брюссель, Лондон, Мадрид, Париж и Гаагу увеличить ресурсы и кадры для борьбы с терроризмом.

В целом те европейские политики, которые отвечают за вопросы безопасности, не говоря уже о сотрудниках спецслужб, ежедневно получающих разведдонесения, придерживаются более жесткой, американской, линии. Шили призвал к введению по всей Европе системы «электронной идентификации» для выявления моджахедов. Появление в Европе воинов-мучеников и дробление радикальных групп, ранее связанных с «Аль-Каидой», подтолкнуло несколько европейских столиц к расширению сотрудничества в противостоянии терроризму, равно как и к наращиванию собственных антитеррористических ресурсов и персонала.

И тем не менее джихадист имеет возможность пересечь Европу, почти не подвергаясь проверке. Даже если он будет замечен, он может сменить имя или ускользнуть за границу, улетучиваясь через давно существующие бюрократические и правоохранительные «дымоходы». После взрывов в Мадриде согласование антитеррористических законов и мер безопасности, принимаемых в странах — членах ЕС, поручили европейскому чиновнику среднего уровня. Однако, имея дело с мешаниной из правовых норм двадцати пяти стран-членов, последний зачастую выступает просто в роли посредника.

После терактов в Мадриде Министерство внутренних дел Испании увеличило свой антитеррористический штат втрое, до 450 опе-

ративников, и столько же агентов выделяет национальная полиция Испании для сбора информации о моджахедах. Испанские правоохранительные органы создали специализированное подразделение, включающее сотрудников и полиции, и разведки, для наблюдения за мусульманскими районами и мечетями при тюрьмах. Сходным образом особые полицейские подразделения формируются в каждом из 22 регионов Франции для усиления надзора за мечетями, магазинами исламской литературы, станциями междугородной и международной телефонной связи, а также халяльными (торгующими дозволенной шариатом продукцией. — Ред.) мясными лавками и ресторанами. Двадцать пять стран — членов ЕС также ввели общеевропейский ордер на арест, что избавляет полицию от длительных процедур экстрадиции. Несмотря на широко распространенную озабоченность в связи с возможными нарушениями права на неприкосновенность частной жизни, несколько европейских стран после убийства ван Гога снизили барьеры между органами разведки и полицией. Германия поставила целью собрать под одним «защитным зонтиком» полицейские силы всех своих 16 земель. Во Франции, Германии, Испании, Нидерландах и Великобритании сотрудники полиции и разведки проводят встречи с чиновниками в новейших коммуникационных центрах или в специальных помещениях, снабженных электронным оборудованием, для обмена информацией о результатах допросов, донесениях осведомителей, прослушанных телефонных разговорах, записях перехватов, видеосъемках и съемках со спутников.

И всё же контртеррористические ведомства пока еще неохотно делятся друг с другом секретной информацией или сотрудничают при уголовном преследовании. Меры, предложенные сразу после совершения терактов в Мадриде, такие, как общеевропейская база отпечатков пальцев и ДНК и биометрические паспорта, так и остались в стадии предложений. Раздробленность и соперничество между европейскими структурами безопасности и другими институтами все еще препятствуют усилиям по борьбе с терроризмом. Почти 10 лет Франция пытается добиться выдачи организатора нескольких взрывов в парижском метро в 1990 году, но его дело продолжает томиться в британских судах, терзая и британское Министерство внутренних дел, и Париж.

Новые моджахеда не только испытывают на прочность традиционные антитеррористические меры; их появление бросает вы-

зов и тому мировоззрению, которое доминирует в Западной Европе со времени окончания Второй мировой войны. Отвращение к нацизму и колониализму трансформировалось в сочувствие к религиозным меньшинствам любого толка. Поначалу убежденные европейские либералы гостеприимно отнеслись к мусульманским гастарбайтерам, в которых они видели бесправных жертв. В некоторых странах, в частности в Нидерландах и Великобритании, подобная точка зрения вызвала к жизни всеобъемлющий мультикультурализм. Его лондонская версия граничила с сепаратизмом. Усиливая надзор, британские власти в то же время предоставляли исламистам убежище, возможность открыто проповедовать и вести оголтелую пропаганду. Мультикультурализм обладал двойной привлекательностью: он позволял этим государствам казаться терпимыми за счет обилия прав, предоставляемых меньшинствам, и в то же время скорее изолировал последних от остального общества, чем обеспечивал их интеграцию. Мультикультурализм соответствовал убывающей традиции Запада, что устраивало и либертарианцев, и либералов.

Но теперь многие европейцы приходят к мысли о том, что такая вседозволенность является чрезмерной и даже опасной. Разнообразие религиозной терпимости позволила расцвести гамбургской ячейке и превратила немецкие университеты в гостеприимный приют для приверженцев радикального ислама. Сейчас европейцы просят мусульман, чтобы те сами начали практиковать религиозную терпимость и приспособляться к ценностям принявших их стран. Правительство Тони Блэра требует, чтобы претенденты на получение гражданства научились «британскости». Подобным же образом «голландские ценности» стоят в центре нового подхода Гааги (голландский город, в котором находится резиденция правительства страны. — Ред.). Аналогичные предложения выдвинуты в Берлине, Брюсселе и Копенгагене. Патрик Вейль, гуру в вопросах иммиграции для Французской социалистической партии, видит в поиске баланса иммигрантских «обязанностей» и иммигрантских «прав» континентальную тенденцию.

Отклик голландцев на убийство ван Гога, реакция британцев на злоупотребление джихадистами политическим убежищем и отношение французов к ношению хиджаба заставляют предположить, что европейский мультикультурализм понемногу приходит в столкновение с европейским либерализмом, а право на неприкосновенность

частной жизни — с требованиями национальной безопасности. Мультикультурализм служил когда-то признаком европейского культурного либерализма, который британский колумнист Джон О'Салливан определяет как «свободу от нудных моральных обычаев и культурных тисков». Однако, когда мультикультурализм начинает осознаваться как фактор, пестующий терроризм, пути либерализма с ним расходятся. Этот разрыв начинает возникать во Франции, в Нидерландах, в Великобритании, до некоторой степени даже в Германии, где либерализм до такой степени расширил понятие религиозной терпимости, что это позволило гамбургской ячейке нагло пользуясь недоступностью своих молелен для полиции, превратить их в боевые штабы.

Но далеко не ясно, окажется ли эффективной политика, реализуемая по схеме «сверху вниз», без встречного, а «снизу вверх» без изменения отношения общества. Могут ли мусульмане стать европейцами, если Европа не откроет для них свои общественные и политические круги? Пока что представляется, что абсолютный ассимиляционизм потерпел неудачу во Франции, хотя то же самое можно сказать и о сегрегации в Германии, и о мультикультурализме в Нидерландах и Великобритании. Существуют ли другие пути? Французы запретили носить хиджабы в государственных учебных заведениях; немцы запретили носить их государственным служащим. Британцы их приветствуют. Американцы — терпят. Учитывая сравнительно более благополучную историю интеграции иммигрантов в Соединенных Штатах, можно спросить, не способен ли смешанный подход в США — отделение религии от политики без возведения сплошной стены между ними, и помощь иммигрантам в постепенной адаптации с одновременным предоставлением им относительной культурной независимости — вдохновить европейцев на прокладывание нового курса между все более рискованным мультикультурализмом и голым секуляризмом, который отчуждает мусульман и других верующих. Ясно одно: Европе необходимо разработать эффективную политику интеграции — хотя бы в целях борьбы с терроризмом. Но за один день этого не сделать.

На самом деле трещина между либерализмом и мультикультурализмом возникает как раз в тот момент, когда континент переживает самый важный сдвиг в структуре народонаселения с тех времен, когда азиатские племена двигались на запад в первом тысячелетии нашей эры. Иммиграция очевидным образом задевает

нерв национальной безопасности, однако она поднимает также экономические и демографические вопросы: как справиться с проблемой заметно стареющего населения? как поддерживать спаянность общества в условиях упадка христианства и подъема секуляризма и ислама? должен ли Европейский союз осуществлять суверенитет в отношении границ и гражданства и что будет означать для него членство Турции с ее 70-миллионным мусульманским населением? Более того, европейские моджахеды угрожают не только Старому Свету — они представляют прямую опасность и для Соединенных Штатов.

СИТО ПОМЕЛЬЧЕ

Относительный успех Соединенных Штатов в ассимиляции собственных мусульманских иммигрантов означает, что им необходимо усилить бдительность пограничного контроля. Чтобы нанести удар по Соединенным Штатам, «Аль-Каида» рассчитывает не столько на «спящие» ячейки на американской территории, сколько на просачивание из-за границы. Как сказано в отчете комиссии по расследованию терактов 11 сентября, у «Аль-Каиды» существует «проблема передвижения»: как ей переправить своих моджахедов из инкубаторов к мишеням? Решением могут послужить моджахеды из Европы.

Как сообщала газета *The New York Times*, Усама бен Ладен подрядил для планирования очередного эффективного теракта в Соединенных Штатах «внешний планирующий узел». С большой степенью вероятности, этот последний базируется в Европе и задействует европейских граждан. Европейские страны, как правило, предоставляют гражданство рожденным на их территории иммигрантам, поэтому потенциальные европейские джихадисты имеют право на европейский паспорт, что, в свою очередь, дает им возможность безвизового въезда на территорию США и пересечения границы без собеседования. Члены гамбургской ячейки, которая направляла теракты 11 сентября, прилетели из Европы, и Госдепартамент обошелся с ними, как с приезжими, подпадающими под действие Программы безвизового въезда (*Visa Waiver Program, VWP*), — точно так же, как с Муссауи и с «ботиночным террористом» Ричардом Рейдом.

Означает ли это, что следует вообще отказаться от Программы безвизового въезда, как предлагают некоторые члены Конгресса?

Ни в коем случае. Госдепартаменту уже и так непросто справляться с введенными после 11 сентября ужесточенными процедурами проверки и выдачи виз, которые требуют более продолжительных собеседований, привлечения дополнительного штата сотрудников и приводят к большому числу задержек. Прекращение действия *IVWP* вызовет резкий рост расходов на бюрократические и дипломатические мероприятия и возмутит друзей Америки, еще остающихся у нее в Европе. Вместо этого Соединенным Штатам нужно модернизировать критерии, используемые при периодическом пересмотре списка стран, охваченных Программой безвизового въезда, учитывая фактор вербовки террористов и оценивая процедуры выдачи паспортов. Для такого пересмотра можно использовать специальные группы, созданные в сотрудничестве с европейцами. Власти США и Европы должны вместе настаивать на том, чтобы авиалинии требовали от лиц, собирающихся отправиться в США через Атлантику, информацию об их паспортных данных при покупке билетов. Такая мера позволит новому Национальному американскому центру определения целей выиграть время на проверку потенциальных въезжающих, не прибегая к задержкам вылета. А у стоек регистрации следует поставить сотрудников, которые будут отсеивать подозреваемых.

Всё громче заявляющие о себе моджахеды Европы подвергают опасности весь западный мир. Сотрудничество в укрощении мусульманского негодования или, по крайней мере, в недопущении европейских джихадистов на борт самолетов, направляющихся в США, могло бы помочь примирить отдалившихся друг от друга союзников. Единая угроза и взаимные интересы должны привлечь пристальное внимание СМИ, политиков и общественности по обе стороны Атлантики, что способно принести горько-сладкое облегчение европейцам и американцам после их недавних разногласий.

«Иммигрант, но... добившийся успеха»

Матьё Ригуст

С начала 1990-х годов словечко «но» получило особую смысловую нагрузку в крупнейших французских газетах. В нем, как в зеркале, отразилась история взаимоотношений между «иммигрантами» и навечно приставшей к ним темы социальной интеграции.

В конце января 2004-го в газете *Le Parisien* была опубликована серия из шести статей с фотографиями под общим заголовком «Му-сульмане, интеграция которых была успешной».

«В костюме цвета антрацита, в рубашке в голубую полоску, с желтым галстуком и зачесанными назад волосами 24-летний Карим, уроженец Мант-ля-Жоли (предместье Парижа. — **Ред.**), покинул хорошо оплачиваемую должность товароведа и создал собственное предприятие».

«Хозяйка дома, Нажия эль-Муна Сифи, 46 лет, похожа на живую рекламу продукции *Afflelou* (производитель очков. — **Ред.**). Короткая стрижка, прямоугольные очки в черной оправе, темный свитер и идеальный макияж. Она социальный работник, в ее помощи нуждаются пожилые люди. Ее внешний облик явно выпадает из окружающей обстановки, которая напоминает скорее декорацию к “Тысяче и одной ночи”».

«Ухоженная бородка, пронизательные миндалевидные глаза, стройный силуэт и величавая поступь... Даже в джинсах и простом

Матьё Ригуст — преподаватель Европейского института Магриба, Университет Париж-VIII. Статья основана на социоисторическом исследовании автора, проанализировавшего 1 600 статей из *L'Express*, *Le Parisien*, *Le Monde*, *Minute* за 1995–2002 годы. Опубликовано в газете *Le Monde Diplomatique* (июль 2005). Проект *Le Monde Diplomatique* на страницах издания «Россия в глобальной политике» ведет **Александр Игнатов**.

свитере Аллам Фаруру выглядит, как берберский князь. При его профессии внешний вид имеет немаловажное значение. Этот француз алжирского происхождения преподает электронику в профессиональном лицее имени Марселя Кашена в Сент-Уане (предместье Парижа. – **Ред.**)».

Приведенные цитаты отражают смысл публикаций в крупнейших периодических изданиях, появившихся начиная с 1989 года в связи с обсуждением запрета на ношение чадры. Обычно в них проводится параллель между успешной интеграцией во французское общество и самостоятельно достигнутым экономическим и социальным благополучием. Успешно «интегрировавшийся» иммигрант – тот, кто избрал в свое время путь превращения в «коренного француза», напоминая персонажа рекламы *Afflelou*. На его лице маска респектабельного человека.

Эта дискурсивная техника основана на контрасте с теми, кому не удалось успешно «интегрироваться»: бедолага так и не смог избавиться от своих культурных, религиозных и этнических стереотипов, в итоге он противопоставил себя «французской идентичности», оставшись в образе «иммигранта». В подобных репортажах обязательно присутствует описание главного героя в тот период его жизни, когда он был еще далек от всякой мысли об «интеграции». В первой статье облик руководящего предпринимателя вырисовывается на фоне предместья Мант-ля-Жоли, при этом его успешное вхождение во французское общество ассоциируется с экономическим успехом. Во второй повествование об успешной карьере ведется в обстановке из «Тысячи и одной ночи», что указывает на исходные социокультурные условия жизни героини. В третьей статье довольно приличный статус преподавателя никак не вяжется с упоминанием о том, что лицей расположен в необустроенном Сент-Уане.

Для всех статей характерна не только расплывчатость понятий «ислам», «Магриб» и «иммиграция», но и вводящая читателя в заблуждение неоднозначность представления об «интеграции» «мусульманских» «магрибских» «иммигрантов»: тот, кто действительно стремится к успеху, в конце концов его добивается, и, следовательно, все остальные сами обрекли себя на неудачу.

ЗИДАН, ХАЛЕД, ДЕББУЗ... И КЕЛЬКАЛЬ

Во всем этом новыми являются описание должности, окружения и сама идея о том, что вхождение во французское общество должно

осуществляться путем положительной дискриминации (политика приоритетов в пользу социально более слабого члена общества в целях выравнивания возможностей. — Ред.). Чего стоит, например, повсеместное упоминание в прессе Аиссы Дермуша, которого называли то «мусульманским префектом», то «префектом — выходцем из кругов иммиграции», а то и «образцом интеграции». Его систематически противопоставляли тем «мусульманам, которые выступают против закона о запрете на ношение чадры и, следовательно, являются исламистами». Описание интегрировавшихся иммигрантов тесно смыкается с рассказом об их достижениях.

Например, победа «черно-бело-арабской» команды Франции в мировом чемпионате-1998 по футболу, несомненно, укрепила особый имидж иммигрантов, добившихся успеха. Последние изображались в ореоле спортивных достижений, снискавших славу трехцветному французскому флагу. И, конечно же, журналисты воспользовались этим для того, чтобы противопоставить «победителей» «правонарушителям» или «террористам».

Тема «интеграции» и «интегрируемых» соседствует в крупнейших СМИ с предостережениями против расизма и призывами принять адекватные меры в отношении существующей угрозы. Однако подается она таким образом, что стигматы «несхожести» не только никак не исцеляются, но и передаются чуть ли не по наследству той части французов, которых называют не иначе как «выходцами из иммиграции» и постоянно призывают «интегрироваться».

Образ успешного «интегранта», ставшего «эстрадным исполнителем», «комиком», «звездой» или «спортсменом», активно тиражируется с 1995 года. Он получил постоянную прописку в кругах шоу-бизнеса. Культивируется образ человека обаятельного, преданного, храброго, услужливого и, самое главное, добившегося успеха. Чередование положительного и отрицательного образов иммигранта породило формулу: «Иммигрант, как правило, несет в себе опасность, но в исключительных случаях он может интегрироваться, если того требует шоу». В результате сложилась практика позитивного освещения процесса «интеграции» на фоне уничижительного отношения к иммигрантам в целом.

На что же делается ставка? Что имеется в виду, когда успех и интеграция связываются главным образом с популярными исполнителями, выдающимися спортсменами, симпатичными юмористами, не говоря уже о министре, отвечающем за обеспечение равенства возмож-

ностей, которым 2 июня был назначен Азуз Бегаг? В то же время в массе своей «иммигранты» представляются «неполноценными».

«Иммигрант, но... добившийся успеха». Дело не только в противопоставлении «иммиграции» и «успеха», свойственном идеологизированным и пользующимся дурной славой дебатам. Главное, что даже не обсуждается вопрос: а что следует подразумевать под словом «успех»? Почему при определенных обстоятельствах начинают доминировать определенные взгляды на «успешную иммиграцию»? Почему утверждается именно тот образ успешного иммигранта, который в своих «глубоко лояльных» выступлениях санкционировали «совсем новые левые»? Особенно после того, как левые обратились к теме безопасности, то и дело упоминая в этой связи об «иммиграции», «бедных» и «исламе». (В 1997-м социалистическая партия, а за ней и объединенные левые силы, по сути, решили использовать излюбленный лозунг правых и строить свою президентскую кампанию вокруг темы отсутствия безопасности.)

Такому образу отводится видное место в крупных изданиях, как только начинает маячить угроза идентичности, целостности и безопасности населения, а также суверенности территории Франции. Тогда глубокомысленное «но» становится осью политических размышлений об иммиграции в аспекте безопасности.

Образ «трудящегося иммигранта» постепенно стал размываться после замедления, а затем и запрета трудовой иммиграции в 1973–1974 годах. Прежде же постколониальная трудовая иммиграция поставляла легко управляемую и низкооплачиваемую рабочую силу, необходимую в условиях экономики полной занятости. Тогда в крупных изданиях пользовался спросом стереотип послушного и вызывавшего чувство жалости «трудящегося иммигранта», который при определенных условиях мог скатиться до преступления. В ту пору можно было говорить о возникновении образа «тех других». Они появились как следствие эпохи колониальных войн, когда «типичный иммигрант» ассоциировался либо с «туземцем», либо с «феллахом», то есть их «непохожесть на нас» была результатом военного времени, совсем не так, как сегодня. Экономика, функционирующая в условиях массовой безработицы, и упадок социального государства расшатали существующие символы; видение «тех других» стало связываться с угрозой и вызвало соответствующее отношение, которое следует переосмыслить.

Преобладающий образ «иммигранта, добившегося успеха» (как и иммигранта-врага) — это, с одной стороны, футболист Зидан, поп-звезда Халед или актер Джамель Деббуз, а с другой стороны, Халед Келькаль (предполагаемый виновник терактов 1995-го, застреленный полицией) или Закариас Муссауи (обвиняется в организации терактов 11 сентября 2001 года в США). С помощью этих образов в общественном мнении формируется представление об экономической, социальной, политической, религиозной и культурной угрозе, исходящей от всей массы иммигрантов.

Представление о «тех других» вообще и «иммиграции» в частности выполняет функции антикризисного клапана. Вновь устанавливаются «классические» тождества: иммиграция = безработица, иммиграция = отсутствие безопасности, иммиграция = ислам = разрушение культуры. Эта аргументация, составляющая привычный арсенал крайне правых, теперь в той или иной форме присутствует во всех изданиях — вне зависимости от их политической направленности. Статьи об успехе иммигрантов, похоже, призваны подчеркнуть, что за исключением публичных людей иммиграция в подавляющем большинстве случаев несет в себе опасность для гражданского общества. Она опасна с точки зрения занятости («безработный иммигрант»), политической и социальной стабильности («иммигрант-террорист» или «дикарь»), демографической ситуации («иммигрант-захватчик»), религиозной и культурной идентичности («иммигрант-мусульманин»)..

С тех пор как колониальная культура начала сталкиваться с кризисом своей легитимности, она прибегала к использованию образа «тех других», чтобы сопоставить их с теми, чья судьба доказывала благотворное влияние колонизации на местное население. Например, имели хождение сюжеты об «эмире Абд эль-Кадере — просвещенном пленнике» или о «Жозефине Бейкер — туземной диве», то есть людях, которые приковывали к себе внимание толпы, служили живым воплощением того, что у туземцев есть шансы на успех в имперской республике. В этих сюжетах благодарный читатель получал весьма лестное представление о самом себе как «господине», «просветителе», «завоевателе» или же «учителе», «воспитателе», «отце». Точно также биография Зидана, «звезды мирового футбола», подпитывала мифы сегодняшней Франции о том, что иммигрант вполне может «добиться успеха,... если захочет».

Рассмотрим фигуру, которая ныне вобрала в себя наиболее яркие черты врага Франции. Это Халед Келькаль — молодой выходец из Магриба, житель пригорода, мелкий правонарушитель, ставший террористом, мусульманин, превратившийся в исламиста. Его имя широко использовалось прессой при освещении терактов 1995-го. Большая часть средств массовой информации увидела в нем сигнал опасности, олицетворение внутреннего врага и «предателя». Он воплотил в себе такие угрозы, как «захват страны иммигрантами», бунт иммигрантов, обращение мусульман в фундаментализм, восстание молодежи из малообеспеченных семей... Имя Келькаля фигурирует в статьях, где иммигранты уже не столько неудачники, сколько источник потенциальной опасности.

Судьбы таких, как Келькаль, составляли основу сюжетов военного времени о «тех других». Аналогичные сюжеты входят и в дискурс об «интеграции». Очевидна спекуляция на стремлении людей к безопасности. Статьи об «иммигрантах, добившихся успеха» не свидетельствуют о прогрессе в показе проблемы меньшинств; они фактически лишь призывают к укреплению безопасности. Это не что иное, как одна из попыток придать законный характер войне против «иммиграции», «преступности», против «молодежи, находящейся в неблагоприятных условиях», «ислама».

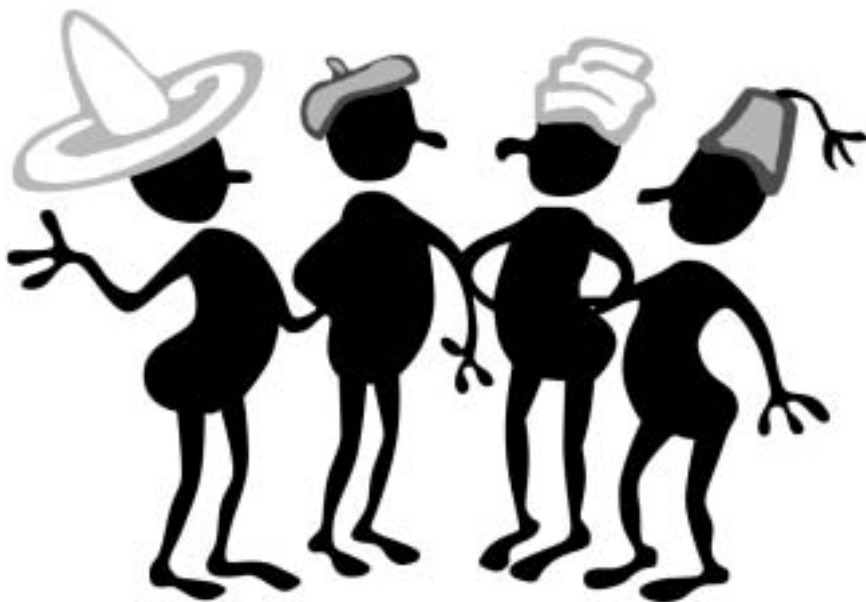
Одна нация – сколько культур?

События октября – ноября 2005 года во Франции вызвали всплеск дискуссии о том, как современное общество может и должно строить отношения с представителями различных культур. В большинстве стран Западной Европы, успешно прошедших в свое время стадию строительства национального государства (*nation-state*), подход к этнически и религиозно «инородным» элементам всегда подразумевал их усиленную интеграцию в местное общество и его культуру.

Монокультурализм остается, по сути, доминирующим принципом в большинстве государств Европы. С определенными оговорками к ним можно отнести Францию, Германию, Италию – «суверенные государства, граждане которых объединены на основе таких факторов, как язык и общее происхождение» (Оксфордский словарь английского языка).

«Франция – это унитарное государство, которое гарантирует принцип равенства и национального единства, что не является синонимом централизации или единообразия, – говорил, выступая в Лилле в октябре 2000-го, премьер-министр **Лионель Жоспен**. – Национальное единство зависит от приверженности граждан единому набору ценностей».

Европейскому государству-нации традиционно противопоставляют «плавильный котел» Соединенных Штатов Америки, где иммигранты со всего мира смешиваются в рамках единого нового социума независимо от национальных различий. Метафора «**плавильный котел**» вошла в оборот после постановки на Бродвее в 1908 году одноименной пьесы американского драматурга и публициста **Израэля Зангвилла** (1864–1926). Вариация на тему «Ромео и Джульетта» Шекспира проповедовала идею объединения

Пьер Эллиот Трюдо провозгласил мультикультурализм государственной политикой Канады

Израэль Зангвилл настаивал на ассимиляции иммигрантов в американском «плавильном котле»

разных групп иммигрантов в рамках единой общности на основе демократии, свободы и гражданской ответственности.

«Америка – это божий тигель, великий плавильный котел, где все расы Европы меняют себя и сплавляются в единое целое... Нет, настоящий американец еще не среди нас. Он все еще в плавильном тигле, говорю я вам, он будет слиянием всех рас и, возможно, будущим сверхчеловеком», – провозглашал драматург устами своих героев.

Мультикультурализм, возникший в противовес концепции «плавильного котла», строится на том, что иммигранты должны сохранять свою культуру наравне с другими культурами, мирно взаимодействующими в рамках одной «нации» в широком смысле этого слова. «Культурная мозаика» сравнивалась с «миской салата», ингредиенты которого хоть и хороши по отдельности, но именно в сочетании создают неповторимый вкус и аромат.

В США идеи мультикультурализма возникли в первой четверти XX века. В 1915-м **Гораций Келлен** (1882–1974), американский философ еврейского происхождения, родившийся в Германии, провозгласил в статье «Демократия против “плавильного котла”» концепцию «культурного плюрализма». Он критиковал ассимиляцию и считал, что Америка должна стать «обществом наций, сохраняющих свои признаки и достоинства».

В Канаде основоположником «мультикультурализма» как научной альтернативы «плавильному котлу» стал социолог **Джон Мюррэй Гиббон** (1875–1952), издавший в 1938 году работу «Канадская мозаика». **Джон Артур Портер** (1921–1979) развил его аргументацию в таких публикациях, как «Вертикальная мозаика», «Измерение канадского общества: образование, равенство и возможности» и др.

Как таковое, понятие мультикультурализма впервые было использовано в 1957-м для характеристики политики Швейцарии. Четыре общины (германоязычная, италияязычная, франкоязычная и ретороманская) сохраняют там полную национальную идентичность в рамках конфедерации. Но в научно-политический обиход данный термин окончательно вошел в 1971 году, когда канадское правительство премьер-министра **Пьера Эллиота Трюдо** приняло Официальный акт о мультикультурализме. В соответствии с этим документом Оттава признает право всех граждан «сохранять, развивать их культурное наследие, делиться им с другими... Мультикультурализм является фундаментальной характеристикой канадского наследия и идентичности и дает неоценимые возможности (ресурсы) для будущего Канады».

Помимо Канады, мультикультурализм является государственной политикой Австралии. В Старом Свете идеи мультикультурализма получили официальное признание после прихода к власти лейбористов в Великобритании в 1997-м. Правда, в последнее время Лондон меняет свое отношение к данной политике. «Мультикультурализм – феномен другой эпохи, и от него пора отказаться. Мы должны укреплять в согражданах иного происхождения общее чувство “британскости”», – заявил в 2004 году **Тревор Филипс**, чернокожий глава британской Комиссии по расовому равноправию. Эти слова вызвали бурный протест со стороны многих соратников Филиппса по Лейбористской партии и практически всех лидеров этнических общин. Он, однако, продолжает стоять на своем: фактическая сегрегация разрушает общество, лишая его традиционных основ.

Как признает один из крупнейших европейских социологов лорд **Ральф Дарендорф**, «внешний лоск интеграции в мультикультурную среду скрывает проблему молодежи, прошедшей через горнило иммиграции и заблудившейся среди окружающих противоречий. Органичного им мира всеобъемлющих традиций больше нет, а уверенными гражданами современного индивидуалистического мира они еще не стали». Проблема не в занятости или даже бедности, полагает Дарендорф, а в отчужденности и отсутствии чувства принадлежности.

«Мультикультурализм в Европе – это не выдумки интеллектуалов, а факт нашей жизни. Мы должны построить общество, в котором разнообразие одобряется, уважается и поощряется». Эти слова генеральный секретарь Совета Европы **Терри Дэвис** произнес в Берлине 22 октября 2005 года. А уже через пять дней в пригороде Парижа начался беспрецедентный бунт выходцев из Африки и арабского мира. Тех самых, на интеграцию которых в постиндустриальную Европу вроде бы и нацелена политика культурного многообразия.

Дилемма, стоящая перед европейскими государствами, состоит в том, что, оставаясь формально монокультурными, в действительности они таковыми давно не являются. Мультикультурализм же на практике означает не продуманную политику в отношении этнических групп, а ее полное отсутствие. «Анклавы, возникающие на обочинах общества, – результат во-

площения в жизнь не какой-то новой теории устройства социума, а старой и уже не отвечающей реальности идеи, – пишет шведский публицист **Йоран Русенберг**. – Некоторые оппоненты мультикультурализма мечтают об обществе без многообразия, но на деле они получают многообразие без общества, приметой которого является ситуация в национальных анклавах».

«Многие европейцы уверяют, что американский плавильный котел не может быть перенесен в Старый Свет. Идентичность там по-прежнему уходит корнями в кровь, почву и общую память о прошлом, – замечает американский социолог **Фрэнсис Фукуяма**. – Возможно, это и правда, но в таком случае демократия в Европе столкнется с огромными трудностями по мере того, как мусульмане будут составлять всё большую часть населения. А поскольку сегодня Европа представляет собой один из главных фронтов войны с терроризмом, ситуация в Старом Свете отразится на всем мире».

Нередко границы между теоретическими моделями на практике оказываются намного менее четкими, чем казалось их идеологам, а результаты политики не всегда соответствуют замыслам. Так, «плавильный котел», который исправно работал в США на протяжении почти всего XX столетия, к концу века начал давать сбои. В книге под выразительным названием «Разъединение Америки» социолог **Артур Шлезингер** замечает, что успехи движения за гражданские права 1960–1970-х годов имели и оборотную сторону – рост национального самосознания в различных этнических группах.

В результате мультикультурная модель формируется сама собой по мере роста испаноязычного населения США. Оно уже превратилось в крупнейшее национальное меньшинство, численность которого во второй половине века может, по некоторым прогнозам, превысить численность англосаксов. Превращение США в страну двух языков (английский и испанский) и двух культур «будет концом Соединенных Штатов, какими мы их знаем», утверждает **Самьюэл Хантингтон**, автор нашумевшей концепции столкновения цивилизаций.

В Австралии в начале 1980-х бурную реакцию вызвало высказывание тогдашнего министра иностранных дел **Билла Хейдена**. «Австралия, – полагал политик, – представляет собой аномалию, являясь европейской страной в этой части света. У нас уже имеется значительное и постоянно растущее азиатское население, и превращение Австралии в евразийскую страну неизбежно». Далее Хейден доказывал, что такая трансформация даже желательна, потому что позволит Австралии влиться в «региональный мейнстрим». Профессор **Камерон Маккензи** утверждает, что концепция мультикультурализма подрывает сами основы общества, отбивая у иммигрантов и их потомков желание стать австралийцами.

Меняться и менять

Беспорядки во Франции: причины и уроки

Евгений Ворожцов

Массовые беспорядки в иммигрантских кварталах и предместьях французских городов вызвали бурные дискуссии во всем мире, включая Россию. Что обусловило «бунт» молодых иммигрантов во Франции — стране, прославившейся либеральным подходом к проблеме иммиграции? И можно ли вообще говорить о бунте? И, наконец, возможно ли предотвратить повторение этого сценария в будущем?

НОВЫЕ СТЕНЫ ДЛЯ СТАРЫХ ПРОБЛЕМ

Когда в 1960-е годы Франция переживала экономический бум, в условиях нехватки рабочей силы правительство столкнулось с необходимостью разрешить массовый въезд иностранцев. Источник иммиграции был очевиден: жители недавно освободившихся африканских колоний знали французский язык, обычаи и т. д. Альтернативой, правда, могла стать Восточная Европа, откуда в то время стремились эмигрировать многие, однако президент Шарль де Голль опасался, что среди приезжих будет слишком много коммунистов.

В результате поток оказался очень однородным. Если бы европейцы и африканцы селились в новых районах в более или менее равной пропорции, то, скорее всего, до нынешних волнений дело бы не дошло. Кстати, именно по этому пути двинулась Германия, и в районах со смешанным населением, где выходцы из Азии и Африки перемежаются с итальянцами, поляками, югославами и российскими немцами, ситуация вполне стабильна.

Е.В. Ворожцов — адвокат Межреспубликанской коллегии адвокатов, в 2002 году окончил Национальную Высшую школу полиции Франции, единственное учебное заведение, которое готовит комиссаров полиции.

Причину «восстания окраин» французские и не только французские комментаторы и политологи чаще всего видят в социальном неравенстве между населяющими данные районы иммигрантами из стран Азии и Африки, с одной стороны, и коренными жителями — с другой. Утверждается, что переселенцы лишены нормальных жилищных условий, не могут устроиться на работу. Так ли это?

Вот уже полвека французское правительство выделяет огромные средства не просто на строительство добротного жилья, а и на постоянное обновление жилого фонда. Так, по официальной статистике, программы «Городское обновление» и «Социальная и территориальная справедливость и поддержка» на 2006 год предусматривают бюджетное финансирование на сумму 1 232 млн евро бюджетных средств, предоставление 1 085 кредитов и 217 налоговых льгот для предприятий, работающих в городских зонах. На период с 2006 по 2011 год запланировано разрушить и заново отстроить 250 тыс. жилых помещений социального найма, отремонтировать 400 тысяч.

Многие районы перестраиваются только для того, чтобы даже внешний вид новых кварталов оказывал позитивное, умиротворяющее воздействие на их жителей. Особо учитывается необходимость организации досуга: обустраиваются культурные и спортивные центры. Такого внимательного подхода к строительству массового жилья нет, наверное, ни в одной стране мира! Более того, коммуны, отказывающиеся принимать иммигрантов, платят особый налог в пользу тех, кто, напротив, готов их принять. Однако, несмотря на все усилия, районы с преобладающим иммигрантским населением становятся всё более опасными.

В одном старинном городке на юге Франции у власти долгое время находились коммунисты. Полагая, что качество жилья влияет на поведение иммигрантов, мэрия целенаправленно селила их в историческом центре. В результате хулиганы испоганили всю округу и начали терроризировать город, устанавливая в нем свои криминальные порядки. Местные жители, не пожелав выносить издевательства и агрессию со стороны новых соседей, постепенно перебрались в новостройки. Теперь на окраинах города — чистота, порядок и низкий уровень преступности, а исторический центр, включая дома XVII века, постепенно разрушается и превращается в клоаку.

Как ни парадоксально, такое положение устраивает все ведущие политические силы. Дело в том, что во Франции, как и в России да и во всем мире, строительство является сферой, в которой проще всего

заработать «черные» деньги. За счет строительства получена и львиная доля теневого финансирования основных политических партий страны. Они не станут бороться за реальное разрешение ситуации, поскольку рискуют подрубить финансовый сук, на котором сидят.

В интересах партий и сохранение очагов напряженности. Левые, пытающиеся взять бедные окраины под свое крыло, фактически покупают на выборах голоса в обмен на обещание увеличить социальные пособия и иную помощь. Правые же позиционируют себя как поборников наведения порядка и повышения уровня безопасности. Именно благодаря грамотному использованию этого лозунга президентом Французской Республики в настоящий момент является Жак Ширак.

НЕИСПРАВИМЫЕ СИБАРИТЫ

В последние годы французское правительство целенаправленно проводит линию на повышение занятости молодежи вообще и иммигрантской в особенности. Широко разрекламированная политика предоставления рабочих мест молодым жителям проблемных районов на поверку означает, что при приеме на работу предпочтение следует отдавать представителям некоренной национальности. Нередки случаи, когда работодатель выберет не француза, а приезжего из стран Магриба, даже если первый будет больше соответствовать требованиям.

По данным правительства Франции, безработица в проблемных кварталах в среднем составляет около 20 %, а среди молодежи доходит до 50 % (общий уровень по стране — 9,7 %). На деле иммигрантская молодежь из предместий не стремится начать работать. Молодые обеспечены жильем, а социальное пособие позволяет им нормально питаться и одеваться. Желаящий разбогатеть или развлечься не станет трудоустраиваться, а займется более простым и популярным в этой среде делом, таким, как торговля наркотиками, кражи, грабежи и разбой.

Конечно, есть и огромное количество тех, кто честно работает. Но оказывается, что среди трудоустроенных жителей городских окраин во Франции очень высокий процент составляют женщины и люди старшего возраста — как раз те категории населения, которые во всем мире сталкиваются с проблемой устройства на работу. Так, не работают 23 % жителей предместий моложе 25 лет, 8,8 % в возрасте от 25 до 49 и только 7 % старше 50. Это лишний раз доказывает, что иммигрант, желающий трудиться, вполне может найти рабочее место.

Некоторые исследователи считают, что волнения во Франции носят религиозный характер. Но далеко не все принимающие участие в

беспорядках — мусульмане. Число нападений на церкви и синагоги не так велико в процентном отношении к общему количеству атак. К тому же сегодняшние молодые иммигранты во Франции не религиозны, и практически никто не выполняет даже минимальных требований шариата. По наблюдениям автора, о религии они вспоминают в основном тогда, когда попадают в руки полиции, прекрасно понимая, что религиозная окраска сразу переводит их действия из разряда банального хулиганства в сферу борьбы за защиту прав человека.

В странах Французской Африки, откуда главным образом поставляются иммигранты, мусульманство всегда носило умеренный характер. Для большей части населения этих стран ислам скорее традиция, чем вера. Кроме того, французские мусульмане не представляют собой единую общину. Марокканцы предпочитают марокканского муфтия, тунисцы — тунисского и так далее. Религиозная общность слабее этнической.

Итак, беспорядки во Франции не обусловлены ни социальными, ни религиозными факторами. Судя по тому, сколько машин сожжено, скорее можно было бы предположить, что хулиганам не нравится французская автомобильная промышленность...

ПРОВЕРКИ НА ДОРОГАХ

Даже основываясь на видеокадрах и сообщениях информагентств, любой специалист сделает вывод о том, что нынешние беспорядки вовсе не похожи на спонтанные народные волнения. Главная ударная сила, мотор потрясшего весь мир «бунта окраин» — мелкие группы с отлаженной внутренней организацией, но слабо связанные между собой. Это преступные шайки, объединенные общим криминальным бизнесом и потому имеющие опыт противостояния полиции. Не случайно волнения были спровоцированы гибелью двух правонарушителей. За последние годы практически все беспорядки подобного рода вспыхивали в результате сходных происшествий. Снижение пособия по безработице или запрет на ношение в школе хиджабов вызвали гораздо более спокойную реакцию.

Молодых иммигрантов раздражает полиция, особенно та ее часть, что охраняет порядок в районах их проживания. (Никакой статистики о количестве преступлений, совершенных иммигрантами во Франции, не ведется, но список задержанных в любом комиссариате содержит порядка 90 % «нефранцузских» фамилий.) Фактически волнения в предместьях направлены на вытеснение отту-

да правоохранительных органов, что может быть выгодно только людям, занимающимся там противозаконной деятельностью. Набравший силу французский криминалитет показывает свои мускулы и предостерегает политическую элиту от вмешательства в свои дела.

Характерно, что агрессия хулиганов направлена именно на то, что ассоциируется с государством и цивилизацией в целом. Атаке подвергались комиссариаты полиции, включая сотрудников, транспорт и здания, государственные и муниципальные органы, детские сады, образовательные и религиозно-культурные учреждения, а также граждане коренной национальности, отважившиеся сделать замечания хулиганам. (Между прочим, изначально машины поджигались вовсе не для того, чтобы выразить протест, а с чисто прагматической целью: установить, как быстро приедет полиция и кто из местных жителей ее вызовет.)

Как же повела себя в этих условиях полиция? Как отреагировали суды? Интенсивность и продолжительность беспорядков во Франции выявили слабость всей правоохранительной системы страны.

Во-первых, численность французской полиции недостаточна, особенно с учетом постоянного роста преступности. Количество полицейских на душу населения в несколько раз уступает соответствующему российскому показателю (по некоторым данным, как минимум в пять раз). Так, во Франции на 60 млн граждан приходится менее 240 тыс. сотрудников полиции и жандармерии, в РФ личный состав только милиции и внутренних войск насчитывает около 1 300 тысяч, и это без учета сотрудников ФСБ, которые отчасти тоже берут на себя полицейские функции.

Во-вторых, французские полицейские не обучены задерживать местных участников и зачинщиков беспорядков. Они привыкли иметь дело с другими акциями. Например, если колонна демонстрантов пытается прорваться к зданию мэрии, чтобы выдвинуть свои требования, то можно вести переговоры с лидерами протестующих или перекрыть улицу. Но нынешние нарушители ничего не требуют и не устраивают массовых шествий — они просто ведут партизанскую войну.

Кроме того, устаревшее законодательство позволяет силам правопорядка применять силу только в том случае, если «они не могут иным способом удержать место, на котором находятся». Но ведь никто и не пытается оттеснить полицейских с их позиций! Бросать в них камни с расстояния 15 метров — гораздо эффективнее, при этом вероятность быть схваченным очень мала.

Даже и в случае ареста французский подросток почти ничем не рискует. Его ждет весьма мягкий приговор, а непродолжительное тюремное заключение не слишком сильно отразится на жизни молодого хулигана. В тюрьме он будет так же, как и на воле, бездельничать и круглые сутки стоять на улице, покуривая в обществе своих товарищей. Более того, пребывание за решеткой прибавит ему уважения со стороны сверстников. «Срок» обеспечивает нужными и полезными связями и знакомствами, например, с наркодилерами. Ведь именно торговля наркотиками дает основной заработок той части французской молодежи, которая сегодня поджигает Францию.

В-третьих, устарели методы работы полиции с гражданами. Если во взаимоотношениях с населением благополучных районов ее опорой в первую очередь являются мелкие лавочники и владельцы кафе, которые всегда в курсе последних событий, то на территориях, заселенных иммигрантами, такой подход неэффективен. Здесь даже простой вызов полиции может стоить очень дорого, не говоря уже о предоставлении ей информации о правонарушителях. Изолированные от населения, не обладающие необходимой информацией правоохранительные органы не в состоянии реально контролировать ситуацию, так сказать, изнутри, и единственное, что им остается, — это простое патрулирование.

Российская милиция построена по другому принципу. Основой охраны порядка является участковый — милиционер, за которым закреплена небольшая территория, где он знает всех жителей, склонных к совершению правонарушений. Профессиональный участковый зачастую может сразу назвать человека, совершившего то или иное преступление, или, как минимум, определить круг подозреваемых. Ключевое значение имеет агентурная работа. Российская милиция в ее борьбе с преступностью опирается не только на патрулирование территории и на сознательных граждан, сообщающих о преступлениях, но и на создание сети агентуры в преступной среде. Значительное количество преступлений удастся предотвратить (или раскрыть) именно благодаря агентам. Особенно важно наличие «своих» людей в этнических группах.

Французская же полиция не только не ведет подобную работу, но зачастую даже и не пытается раскрыть мелкие преступления, совершенные иммигрантской молодежью. Полицейский скорее выполняет роль страхового агента, фиксирующего факт кражи. Поэтому у малолетних преступников, для которых неотвратимость наказания —

пустой звук, появляется ощущение безнаказанности, стимулирующее их к совершению новых нарушений. Только коренное изменение подхода к противодействию преступности, основанное на тщательном раскрытии мелких преступлений, сможет дать реальную отдачу в борьбе против расширения криминалитета во Франции.

В России любая машина может быть остановлена и досмотрена на постах милиции на дорогах, что позволяет круглосуточно контролировать и в любой момент заблокировать трассу. Французам было бы полезно перенять эту практику. Хулиганы из проблемных районов часто используют ворованные машины для того, чтобы, скажем, скрыться с награбленным после нападения на магазин в центре города. Одно из самых популярных «развлечений» — украсть дорожную машину, привлечь к ней внимание полиции, въехать в свой район в окружении полицейского эскорта и, покрасовавшись перед друзьями и соседями, бросить машину и скрыться. Полиция обычно не пытается задерживать движущийся автомобиль, а после событий, послуживших сигналом к началу осенних беспорядков, и вовсе откажется от этого риска.

Многие районы массовой застройки имеют во Франции лишь одну подъездную дорогу. Поставить пост на этой дороге гораздо проще, дешевле и эффективнее, чем регулярно гоняться на машинах за бесчинствующей молодежью.

Наконец, криминологи всего мира знают, что эффективность судебной системы напрямую зависит от скорости рассмотрения дел. Во Франции нередко можно встретить ситуацию, когда преступник, дело которого только начинает рассматриваться судом, успел совершить еще два преступления, материалы по которым ждут своей очереди на рассмотрение, и продолжает заниматься все тем же.

Нельзя сказать, что ничего не делается для снижения уровня преступности. В последние годы существенно увеличена численность полиции, причем прежде всего за счет создания рабочих мест для молодежи. Другой заметной мерой стало введение постов полиции — нечто вроде филиала комиссариата, выдвинутого вглубь территории проблемного района. Однако в отсутствие дополнительных мер и при общей неспособности пресекать противоправные действия молодежных преступных группировок судьба таких постов зачастую печальна. Их регулярно поджигают, а в Лилле, крупнейшем городе на северо-востоке страны, местная шпана закрасила стеклянные стены здания, через которые полицейские, как предполагалось, могли наблюдать за происходящим на улице. Символ вездесу-

шего ока полиции превратился в воплощение ее неспособности защитить даже саму себя.

Единственная предлагаемая сейчас мера, связанная с ужесточением положения типичных французских правонарушителей, — депортация нелегальных иммигрантов, преступивших закон. Это — серьезное изменение в политике государства: до сих пор общество предпочитало, несмотря ни на что, защищать таких людей из соображений гуманности.

Высылка, пожалуй, единственное, чего боятся иммигранты. Однако и эта мера не сможет существенно изменить ситуацию. Во-первых, изгнание из страны будет иметь единичный характер, поскольку с массовой депортацией приезжих французская экономика вряд ли справится. Во-вторых, нелегалы уже сыграли свою роковую роль в становлении современного французского криминала. Будучи вне закона, они просто не имели иного выбора, кроме как заниматься противозаконной деятельностью. Уже выросло новое поколение, состоящее из граждан Франции, и оно переняло эстафету.

Принимаемые меры однобоки, разрозненны, как и прежде, и недостаточно решительны. Без коренной реформы всей системы правоохранительных органов, включая законодательство, полицию, жандармерию, суды и органы исполнения наказаний, кардинально изменить ситуацию не удастся.

КОНФЛИКТ МЕНТАЛИТЕТОВ

За свою историю Франция приняла огромное количество приезжих, однако проблемы возникли только с выходцами из мусульманской Африки. Подавляющее большинство поляков, русских, венгров и представителей других национальностей Восточной Европы, выполнявшей роль поставщика рабочей силы в конце XIX — начале XX века, окончательно ассимилировались уже во втором поколении. Евреи, армяне и ливанцы ассимилируются гораздо медленнее, но зато составляют едва ли не самую добропорядочную часть населения; именно из них во многом состоит экономическая и культурная элита страны. Китайцы и вьетнамцы живут настолько замкнуто, что об их делах никто ничего не знает. Криминалитет там, конечно, существует, но в основном в рамках диаспоры.

Что же касается бунтовщиков с городских окраин, заселенных в основном иммигрантами из мусульманской Африки, то их главным отличием является уважение к силе. Нет, не надо устраивать массо-

вых избиений и арестов — ведь пока хулиганы достаточно редко атакуют полицию с целью убить или причинить увечье. Но нельзя оставлять без внимания ни одно из проявлений агрессии, пусть даже словесной, поскольку в противном случае они множатся и принимают более опасные формы.

Однако современное французское общество в погоне за демократическими ценностями разучилось демонстрировать силу. Между тем для того чтобы дать отпор хулигану, зачастую достаточно просто положить руку ему на плечо или осадить его спокойным и уверенным голосом. Я сам, будучи атакован группой подростков, задиравших пассажиров на автобусной станции, заставил их развернуться и уйти, твердо произнеся одну лишь фразу: «Хочешь поговорить? Ну, подойди!»

В то же время в поведении французов слишком хорошо заметно — скорее всего, даже неосознанное — чувство превосходства, связанное в первую очередь с тем, что жители Франции привыкли ощущать себя центром огромной мировой империи. Иммигранты не могут не видеть это. Уничижительные высказывания министра внутренних дел Николя Саркози в адрес участников беспорядков — это не что иное, как проявление французского менталитета. Любой разумный человек понимает, что такое поведение роняет достоинство чиновника столь высокого ранга, и ему тем более не пристало высказываться подобным образом в подобной ситуации. Однако министр не только не раскаивается, но и считает, что поступил правильно. Точно так же ведут себя и другие французы. Я лично был свидетелем того, как сержант полиции, которого вывели из себя мелкие нарушители — граждане Франции марокканского происхождения, не сдержался и крикнул им: «Выходите из машины, собаки!» Ни к чему хорошему это, естественно, не привело.

В течение десятилетий на темы, связанные с различиями в менталитетах и ассимиляцией иммигрантов из Северной Африки, было наложено табу, поскольку подобные дискуссии считались несовместимыми с принципами демократии и борьбы с ксенофобией. Но замалчивание проблемы уже привело к нарастанию межнациональной неприязни и введению комендантского часа, что никак не согласуется с нормами демократии.

Выход будет найден только тогда, когда страна начнет открыто и свободно обсуждать эти вопросы. И только тогда, когда изменятся и правоохранительная система, и коренные французы, и сами иммигранты.

Заря Востока

Народная артистка Узбекской ССР
Тамара Ханум на узбекском языке ликующе
несет слушателям песню о Сталине
«Огонек». № 52. Декабрь 1948 г.

“ В Белом доме, судя по всему, не всегда отда-
ют себе отчет в том, что некоторые республики
Центральной Азии пока не готовы к тому, что-
бы осуществить эффективные реформы. Главная
причина — отсутствие там элементарной по-
литической культуры и нежизнеспособность
демократических институтов, как таковых ”

Шииты в современном мире *Георгий Мирский*

128

Демократия XIV века *Владимир Сажин*

142

Центральная Азия в эпоху перемен *Станислав Чернявский*

152

ШИИТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Георгий Мирский

Заметная черта нашего времени — беспрецедентный всплеск внимания к исламу как к религии и еще в большей степени как к ядру уникальной мусульманской цивилизации. «Сунниты», «шииты», «ваххабиты», «исламисты», «джихадисты» — этими терминами пестрят мировые средства массовой информации. Интерес к шиитам резко возрос уже более четверти века тому назад на фоне «исламской революции» в Иране. За последнее время их политическая роль существенно возросла в результате известных событий в Ираке. Многие предсказывают, что XXI столетие войдет в историю ислама как век шиитов.

ПРИВЕРЖЕНЦЫ АЛИ

В первой половине VII века нашей эры, при жизни Мухаммеда, ислам представлял собой единую религию. Раскол среди только что возникшего мусульманского сообщества (по-арабски *умма*) произошел лишь после смерти основоположника новой религии.

Дело в том, что Мухаммед, как глава первого мусульманского теократического государства, не успел назвать имя своего преемника (*халиф*). И хотя ближайшим сподвижником «повелителя правоверных» был его двоюродный брат Али бен Аби Талиб, к тому же взявший себе в жены его дочь Фатиму, первым халифом стал в 632 году тесть Мухаммеда, Абу Бакр. Часть бывшего окружения Мухаммеда уже тогда выступила за преемство Али и сохранение верховной власти в буквальном смысле в семье Мухаммеда, сочтя Абу Бакра

Г.И. Мирский — д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, член научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике».

узурпатором. Тестю Мухаммеда наследовали сначала Омар, а затем Осман, и лишь после убийства последнего в 656 году халифом (четвертым) был провозглашен Али, которому впоследствии бросил вызов родственник Османа, Муавия. Тогда-то и возник раскол, принявший форму настоящей войны.

Али был убит, а Муавия стал халифом и основал Омейядский халифат. Однако сторонники Али, называвшие себя *шиит Али* (*шиит* – группа, партия, отсюда и слово «шииты»), продолжали борьбу и провозгласили третьим халифом (после Мухаммеда и Али) сына Али и Фатимы, Хусейна. В 680-м Хусейн пал в бою со сторонниками Омейядов (день его гибели – траурная дата для всех шиитов, а место его гибели, иракский город Кербела, – одна из их главных святынь, точно так же, как и город Наджаф, где покоится прах Али). В глазах шиитов Али и Хусейн являются мучениками.

Казалось бы, какое значение эти древние события имеют сегодня? А насколько актуальна история взаимоотношений между двумя ветвями христианства – православием и католицизмом? Много ли христиан вообще знают, что одной из главных причин раскола между Западной и Восточной церквями явился вопрос о том, от кого

исходит Святой Дух — только ли от Бога Отца или также от Бога Сына? Единожды разойдясь, две церкви стали считать одна другую «неправильной» или даже еретической. Точно так же, не найдя согласия по поводу того, должна ли верховная власть (*имамат*, от слова *имам* — духовный руководитель, глава мусульманской общины) переходить к избранному халифу или передаваться по наследству только прямым потомкам Мухаммеда, сунниты и шииты образовали две непримиримые враждующие группировки.

Ортодоксальные мусульмане, провозгласившие себя «людьми Сунны» (а Сунна — это вторая по значимости после Корана священная книга — Священное Предание — мусульман, представляющая жизнь Мухаммеда как образец для всей общины правоверных), с тех пор именуется сунниты. Шииты тоже почитают Сунну, полагая, однако, что суннитская трактовка ислама искажает истину и принижает роль Али, который в глазах шиитских богословов чуть ли не равен самому Мухаммеду. (Некоторые из них верят, будто Аллах сказал Мухаммеду, что, мол, если бы не было тебя, я не сотворил бы мира, но если бы не было Али, я не создал бы и тебя.) Считая истинными мусульманами только самих себя, шииты ставят суннитов лишь на одну ступеньку выше кафилов, то есть неверных.

Хотя шииты составляют лишь одну десятую часть почти 1,5-миллиардного мусульманского населения планеты, шиизм — не секта, а один из двух основных толков ислама наряду с суннизмом. Но эта конфессия отнюдь не монолитна. Она включает в себя несколько крупных общин, самая многочисленная из которых — община «двунадесятников» (именно она доминирует в Иране и Ираке). Ее члены признают своими духовными руководителями последовательно двенадцать имамов из рода Али, причем, согласно их вере, двенадцатый имам, Мухаммед, исчез в малолетнем возрасте в 873 или 874 году. Это так называемый скрытый имам, возвращения которого в качестве мессии (*махди*) шииты-«двунадесятники» ожидают и поныне.

Другая крупная община — исмаилиты (Исмаил — старший сын шестого имама, Джафара. Он не мог наследовать имамат, так как умер раньше своего отца, но исмаилиты, в отличие от «двунадесятников», не признали седьмого и последующего имамов и считают седьмым, скрытым имамом именно Исмаила. — **Ред.**) В Средние века исмаилиты создали огромный Фатимидский халифат (909–1171), под властью которого оказались Египет, Магриб, Палестина, Сирия и Хиджаз. Однако впоследствии и они не избежали раскола. (После

1078-го фатимидские исмаилиты раскололись на низаритов и мусталитов — по имени Низара и Мустали, сыновей фатимидского халифа Мустансира, правившего в 1036–1094 годах. Мусталиты преобладали в Египте, низариты — в Иране, Сирии, Индии. — **Ред.**) Приверженцы исмаилитской конфессии живут и на Памире.

Среди других шиитских сект следует упомянуть друзов, проживающих сейчас в Ливане, Сирии и Израиле; нусайритов (Турция и Ливан, а также Сирия, где они под именем алавитов образуют, несмотря на свою малочисленность, правящую группировку, в которую входит также президент страны Башар Асад); зайдитов, большинство которых проживают в Йемене и занимают там доминирующие позиции. Однако сегодня под шиитами подразумевают прежде всего «двунадесятников» Ирана, Ирака и Ливана. Немало их и в странах Персидского залива, но там они оттеснены господствующими суннитскими общинами.

Уникальной особенностью шиитского толка ислама является наличие духовной иерархии, полностью отсутствующей у суннитов. Вообще в исламе нет Церкви как института и духовенства как духовной корпорации. Мусульманин не нуждается в посреднике между собой и Богом, он как бы напрямую общается с Аллахом, совершая пять раз в день молитву, соблюдая пост в течение месяца Рамадан, уплачивая регулярный налог (*закят*) в пользу нуждающихся единоверцев, предпринимая, если это возможно, паломничество в Мекку, а главное — строго придерживаясь норм «надлежащего пути» (*шариат*), указанного в Коране. *Мулла* — это всего лишь учитель религиозной школы, знаток мусульманского ритуала, к которому простой человек может обратиться за разъяснениями по поводу тех или иных правил ислама. *Улем* тоже не священник, а знаток богословия и шариатской юриспруденции.

Все это относится и к суннитам, и к шиитам, но у последних возникла особая категория авторитетных богословов — *муджтахиды*, имеющие право выносить самостоятельные решения по вопросам *фикха*, то есть мусульманской юриспруденции и комплекса социальных норм. Муджтахид, будь он иранец или афганец, должен в совершенстве владеть арабским языком, знать наизусть весь Коран и не менее трех тысяч *хадисов* (предания о словах и действиях Мухаммеда, на которых основана Сунна). Самые почитаемые муджтахиды, собирающие вокруг себя учеников и последователей, получают от коллег звание *марджа ат-таклид* (образец для подражания).

Наиболее выдающиеся из них носят титулы *худжат аль-ислам* (доказательство ислама) или даже *аятолла* (знамение Аллаха). Есть и титул *великий аятолла* — им был лидер иранской революции Рухолла Мусави Хомейни. Наиболее известный из современных великих аятолл — Али ас-Систани, духовный вождь шиитов Ирака, играющий важную политическую роль.

Значение богословов в общественной жизни шиитов исключительно велико. Небывалый подъем шиизма в последние десятилетия связан в первую очередь именно с этими людьми, многие из которых, по сути, являются властителями дум верующих.

ШИИЗМ РАСПРАВЛЯЕТ ПЛЕЧИ

На протяжении всей своей истории шииты в арабских странах подвергались гонениям, ощущали себя людьми второго сорта. Нередко им приходилось скрывать свою принадлежность к шиитской конфессии: недаром среди шиитов укоренилось такое понятие, как *такия*, то есть допустимость сокрытия своей веры, главным образом в случае опасности. Но, с другой стороны, такое положение помогло шиитам сплотиться, солидаризироваться, ощутить свою особую общность. Накапливавшиеся столетиями чувство унижения, непреходящая вековая боль — все это рано или поздно должно было прийти до критической точки и вырваться наружу.

Шиитам всегда была присуща традиция мученичества, жертвенности, доходившей до иступления и экстаза. Как писал профессор Калифорнийского университета в Беркли Хамид Альгар, «каждый день в жизни шиита — это борьба, которая должна привести его либо к триумфу, либо к мученичеству».

Для того чтобы «скрытый снаряд» взорвался, требовались только подходящие условия, и они назрели в виде исламской революции 1979 года в Иране. В этой стране, где шииты всегда составляли подавляющее большинство и не подвергались гонениям, предпосылки антишахской революции были связаны с другой особенностью шиитского ислама — идеей о допустимости свержения несправедливого правителя (вообще же в исламе, как и в христианстве, действует принцип «всякая власть — от Бога»). Закономерно, что бунт против шаха, «тирана, угнетателя и отступника от законов ислама», возглавила духовная корпорация под руководством Хомейни. Хотя поначалу массовые демонстрации расстреливались армией, они возобновлялись вновь и вновь, причем в первых — наверняка обреченных —

рядах демонстрантов шли муллы и другие духовные лица. За ними устремлялись толпы людей, каждый раз все более многочисленные, с плакатами «Смерть шаху!». Итог известен: солдаты не устояли.

Иранская революция имела принципиальное значение: она совпала с политическим пробуждением шиитов, в течение столетий веривших, что законная власть установится только после возвращения «скрытого имама», а до тех пор, в сущности, не так уж и важно, кто правит страной. Но скрытым до поры до времени оказался не имам, а бунтарский «шиитский дух».

Победа исламской революции явилась громом среди ясного неба как для Соединенных Штатов, так и для Советского Союза. Американцы и помыслить не могли, что народ, положение которого в целом улучшилось в результате «белой революции» шаха, восстанет против режима. Советские же руководители исходили из того, что революция может быть только классовой, антибуржуазной, а условия в Иране для этого еще не созрели. Но в иранской революции воедино слились религиозный и националистический факторы. Чисто материальные стимулы отошли на второй план, и когда через несколько лет выяснилось, что благосостояние людей ухудшилось, Хомейни сказал: «Мы не для того совершали революцию, чтобы снизить цены на дыни».

Правители арабского мира, равно как и их покровители в Вашингтоне, испытали нечто вроде шокового состояния: казалось, что исламская революция лавиной покатится по Ближнему Востоку. Однако война с Ираком истощила силы Ирана, а смерть Хомейни буквально вышибла дух из революции. К тому времени революционный энтузиазм угас, триумфальное шествие воинствующего ислама по всему региону так и не состоялось. Режим новых духовных правителей показал свою оборотную сторону. Некомпетентность, коррупция, произвол, жестокие преследования инакомыслящих, стремление внедрять в жизнь общества худшие, граничившие с мракобесием элементы шариата — все это вызвало глубокое разочарование, и в первую очередь у молодежи. При этом установленный Хомейни принцип *веляят-е-факих* (власть богословов, то есть теократическое устройство государства) сохранился, и сейчас можно сказать, что Иран уже отнюдь не выглядит как образец для других мусульманских стран.

Иранская революция оказала глубокое воздействие на Ливан — страну, где шиитская община прозябала на самой нижней ступеньке социальной лестницы. Большая часть этой самой нищей из ли-

ванских общин жила на юге страны, на границе с Израилем. Именно в этом районе был образован «Фатхленд» — территория, на которой расположились боевики организации «Фатх» Ясира Арафата, изгнанные королем Хусейном из Иордании в 1970 году и ведшие на границе «малую войну» с израильтянами. Систематический обстрел Южного Ливана израильской артиллерией вынудил значительную часть шиитских крестьян покинуть свои земли и переместиться в Бейрут, вследствие чего численность уже проживавшего в беднейших кварталах столицы шиитского населения резко возросла.

Когда в середине 1970-х в Ливане вспыхнула гражданская война, ее участниками, не считая палестинцев, оказались христиане — приверженцы маронитской церкви, а также друзья и сунниты. Шииты же даже не имели своей вооруженной милиции и вообще не принимались в расчет. Они появились на политической арене Ливана в тот момент, когда в ход гражданской войны вмешались внешние силы — сначала израильтяне, ликвидировавшие «Фатхленд» и изгнавшие из страны отряды палестинского сопротивления, а затем прибывшие для «наведения порядка» американские и французские войска. Вот тут-то и подняли голос забитые и обездоленные шииты. Именно они самым энергичным образом выступили против интервентов, из среды шиитов вышли первые арабские камикадзе. В 1983 году шиитские смертники — шахиды — ворвались на автомашинах в здание посольства США, в казармы американских и французских войск.

Иран сыграл решающую роль в подъеме шиитского движения в Ливане. По некоторым данным, на юг страны по разрешению аятоллы Хомейни прибыли полторы тысячи бойцов из Корпуса стражей исламской революции. При их участии стали формироваться отряды шиитских боевиков, получавших из Ирана деньги и оружие. Вторым партнером (или патроном) ливанских шиитов стала Сирия, возникла ось Тегеран — Дамаск, несколько странная с точки зрения конфессиональных взаимоотношений, поскольку доминирующая в сирийском руководстве секта алавитов считается шиитами не вполне мусульманской. Но политика важнее, и Хомейни издал *фетву* (богословско-правовое заключение), в соответствии с которой алавиты находятся в лоне ислама.

Тем временем изменилась и расстановка сил в шиитском политическом лагере: созданная несколькими годами ранее и не слишком эффективная организация «Амаль» раскололась, из нее вышли

наиболее радикальные — и потому получавшие значительную поддержку со стороны иранцев — элементы, создавшие ливанский филиал иранской организации «Хезболла» (партия Аллаха) во главе с шейхом Аббасом Мусави. Сейчас во главе «Хезболла» стоит харизматический лидер Хасан Насралла, а главным духовным авторитетом ливанских шиитов является шейх Мухаммед Фадлалла. Доходило до того, что между сторонниками относительно умеренной партии «Амаль» и экстремистами «Хезболла» возникали вооруженные столкновения, но все закончилось «разделением ролей»: «Амаль» участвует в официальной политической жизни, а «Хезболла» трансформировалась в вооруженную силу, направившую острие атак на Израиль. Когда гражданская война закончилась (в немалой степени благодаря вмешательству сирийской армии) и Сирия фактически установила контроль над Ливаном, «Хезболла» без колебаний сделала ставку на нового покровителя.

С тех пор Иран и Сирия остаются двумя патронами «Хезболла». Мощная поддержка со стороны таких сильных региональных держав позволила шиитским экстремистам превратить свою организацию фактически в самую влиятельную военно-политическую силу в Ливане. «Хезболла» стала единственной ливанской политической партией, имеющей в своем распоряжении хорошо подготовленные военные формирования в общенациональном масштабе — независимо от доли ее представительства в парламенте. Во время недавней поездки по Ливану автор этих строк видел членов «Хезболла» в их желтом камуфляже гораздо чаще, чем военных и полицейских, и складывалось впечатление, что они чувствуют себя хозяевами. После недавнего вынужденного ухода сирийских войск из Ливана «Хезболла» показала, что без нее стабильность в стране недостижима.

Случилось то, чего никто не мог предвидеть: ливанские шииты стремительно взметнулись с самого дна общества наверх, заставив считаться с собой традиционные привилегированные общины — маронитов, суннитов и друзов. Это могло произойти только благодаря неожиданному проявлению «шиитского духа», долгое время незаметного, загнанного вглубь. К удивлению арабов других конфессий, извечно дискриминируемая и презираемая маргинальная община породила наиболее стойких и самоотверженных бойцов за общее-арабское дело (как его понимают арабские националисты) — дело борьбы против империалистов и сионистов. Деятельность «Хезболла» вышла за рамки отстаивания прав ливанской шиитской общи-

ны и даже интересов Ливана как государства. Религиозные экстремисты сделали заявку на то, чтобы возглавить арабское национальное движение.

ИРАК ПОД ВЛАСТЬЮ ШИИТОВ

Если религиозный фундаментализм зародился в суннитской общине, то фундаментализм политический вызревал среди шиитов. Это проявилось в Иране и Ливане, в настоящее время данный процесс развивается в Ираке.

Ко времени достижения Ираком независимости в 1932 году 21 % населения страны составляли арабы-сунниты, 53 % – арабы-шииты, 14 % – курды-сунниты, остальные – более мелкие этнические и конфессиональные общины. Главным объектом преследований со стороны багдадских суннитских властей являлись, конечно, курды, но при диктатуре Саддама Хусейна под удар попали и арабы-шииты. Во второй половине 1970-х из страны было выслано до 200 тысяч шиитов, обвиненных в иранском происхождении и принадлежности к «пятой колонне». Шиитскую организацию «Дауа», вынужденную действовать в подполье, разгромили, а ее лидера – аятоллу Мухаммеда Бакр ас-Садра, которому прочили славу «иракского Хомейни», казнили в 1980 году. Едва ли не единственный уцелевший член большой семьи аль-Хаким аятолла Мухаммед Бакр аль-Хаким укрылся в Иране, где возглавил организацию под названием «Высший совет исламской революции в Ираке».

Репрессии против шиитов в Ираке напоминали геноцид. После разгрома саддамовских войск американцами в ходе операции «Буря в пустыне» в 1991-м шииты подняли восстание на юге страны, но оно было подавлено с жестокостью, не уступавшей по масштабам действиям властей при подавлении восстания курдов на севере: погибло до 30 тысяч приверженцев Али.

После свержения саддамовского режима весной 2003 года в Ирак триумфально вернулся аятолла Мухаммед Бакр аль-Хаким, а вместе с ним и созданный им в Иране корпус «Бадр» численностью 10 тысяч бойцов. Высший совет исламской революции в Ираке сразу стал влиятельнейшей силой в стране, где после падения суннитской баасистской диктатуры шииты впервые в истории получили возможность выйти на политическую арену. Но уже 29 августа 2003-го аятолла был убит в результате мощнейшего взрыва при выходе из мечети в священном городе Наджаф, погибли еще более ста человек.

Это стало началом продолжающейся до сих пор кампании террора, которую развернули ушедшие в подполье баасисты совместно с нахлынувшими в Ирак иностранными боевиками — исламистами, людьми из «Аль-Каиды». И те и другие — сунниты, и для них аль-Хаким являлся врагом вдвойне: и как духовный вождь шиитов, и как очень авторитетный политик умеренного толка. Учитывая его иранские связи, он, возможно, и был сторонником создания теократического государства в Ираке, но на тот момент выступал посредником между американцами и шиитами, между шиитами и суннитами, Америкой и Ираном, участвовал в политическом процессе, инициированном главой американской оккупационной администрации Полом Бремером. Этому ему не простили. Однако, по существу, тот же курс продолжил и ставший новым духовным лидером иракских шиитов великий аятолла Али ас-Систани, оказывающий по сей день сдерживающее влияние на шиитских экстремистов, в первую очередь на молодого амбициозного клирика Муктаду ас-Садра (сын убитого саддамовскими палачами в 1999 году аятоллы Садыка ас-Садра).

Муктада, создавший Армию Махди — собственные вооруженные силы численностью более 10 тысяч человек, — претендовал на роль вождя иракского антиамериканского сопротивления и весной 2004-го вступил с воинскими частями США в бой в Наджафе. В результате вмешательства ас-Систани, пользующегося у шиитов громадным авторитетом, ему пришлось вывести оттуда своих бойцов. Сейчас Муктада ас-Садр фактически смирился с линией Али ас-Систани, прекратил вооруженную борьбу и даже удостоился теплой встречи со стороны премьер-министра Ирака Ибрахима Джаафари.

Почему шииты пошли за престарелым аятоллой, не побоявшимся в обстановке всеобщей ненависти к «большому сатане» объявить «священным долгом мусульман» участие в выборах, организованных по американскому плану? Шиитские лидеры поняли, что демократический конституционный процесс предоставляет им колоссальные возможности. Ведь поскольку шиитов в Ираке почти вдвое больше, чем суннитов, выборы обеспечивают им доминирующее положение в государстве, а после образования легитимной и эффективной власти можно будет, решив суннитскую проблему, избавиться и от иностранной оккупации. Таким образом, для иракских шиитских лидеров Соединенные Штаты — это всего лишь временный конъюнктурный партнер. Они, видимо, считают, что взаимодействие с Америкой является более коротким и надежным путем к

независимости и выводу американских войск, чем вооруженная борьба, которая может продолжаться долгие годы и довести Ирак до полного разорения, ибо США все равно не покинут страну, пока в ней не установится хотя бы подобие стабильности.

Уже в первом правительстве постсаддамовского Ирака шииты имели 13 из 25 министерских портфелей. В избранном в январе 2005 года парламенте Объединенный иракский альянс («список клириков», как его называли), в котором доминировали две шиитские партии, получил около половины всех голосов. Его представители имеют 140 мест из 275, но депутаты-шииты есть и в насчитывающей 40 депутатских мест фракции «Иракский список», возглавляемой бывшим премьером шиитом Айдом Алауи. В победивший альянс входят старейшая, традиционная шиитская партия «Дауа» и «Высший совет исламской революции в Ираке» — партия, потерявшая своего лидера Бакра аль-Хакима, но зато пользующаяся покровительством ас-Систани. Эта партия получила больше голосов избирателей, чем «Дауа», но все же во главе правительства решили поставить не ее руководителя Аделя Абд аль-Махди, а Ибрахима Джаафари — главу более умеренной «Дауа». Очевидно, это было сделано с целью избежать недовольства в светском крыле шиитского политического спектра, а также в среде суннитов, поскольку «Верховный совет», созданный и долгие годы базировавшийся в Иране, имеет репутацию партии, ориентированной на гипотетическое превращение Ирака в очередную теократическую исламскую республику.

Таким образом, шииты впервые в истории стали доминирующей политической силой в Ираке. Это отнюдь не означает, что Ирак превращается в шиитскую страну. Ни арабы-сунниты, всегда бывшие не просто господствующей, а и наиболее продвинутой общиной, обеспечивавшей квалифицированными кадрами все сферы общественной жизни, ни курды никогда не согласятся на роль отодвинутого на задний план народа. Сейчас именно сунниты ведут вооруженную борьбу против оккупантов, и без удовлетворения их требований (равноправие с шиитами) эта борьба будет только шириться.

Есть тревожные признаки того, что представители радикального крыла шиитов на юге страны используют шиитскую милицию для силового насаждения норм шариата, причем их методы напоминают действия «стражей исламской революции» в Иране. Но в Ираке вряд ли удастся создать нечто подобное Исламской Республике Иран.

Иранское влияние в Ираке имеет свои пределы. Во-первых, исторически отношения между арабами и персами всегда складывались весьма неприязненно. Во-вторых, духовные иерархии обеих стран являются соперниками. Центр богословия перемещается из иранского города Кума в Ирак. И Наджаф, в котором находится самое престижное шиитское учебное заведение, вновь становится «сердцем шиизма», возвращая себе традиционную роль главного священного города.

ВЗОЙДЕТ ЛИ ШИИТСКИЙ ПОЛУМЕСЯЦ?

Нынешний подъем шиитского активизма сам по себе не приведет к принципиальному изменению соотношения сил во всем мусульманском сообществе. Шииты все равно останутся в численном меньшинстве; соотношение сил между шиитами и суннитами коренным образом изменилось пока только в Ираке и Ливане.

Похоже, что судьба политического шиизма зависит от хода событий в Ираке, ставшем ключевой фигурой на ближневосточной шахматной доске. Ведь вся картина в регионе выглядела бы иначе, если бы образовалась ось Тегеран — Багдад. Правда, сегодня антиамериканские настроения Тегерана контрастируют с курсом Багдада на шиитско-американское сотрудничество, но все может измениться.

20–25 лет тому назад правители суннитских стран, которые столкнулись с внезапной угрозой шиитской исламской революции, исходившей из хомейнистского Ирана, оказались в одном лагере с Соединенными Штатами, тоже напуганными экспансией воинствующего антиимпериалистического шиизма. На переднем крае борьбы против Тегерана находился воевавший с Ираном Саддам Хусейн, и фактически сложилась ось Вашингтон — Эр-Рияд — Багдад.

Однако Хомейни умер, так и не победив Саддама (в значительной мере из-за американской помощи последнему), в силу чего опасность широкомасштабной шиитской экспансии миновала. Затем Саддам Хусейн, аннексировав Кувейт, превратился из союзника американцев и саудовцев в их врага, явив собой новую угрозу ближневосточному статус-кво, который издавна основывался на союзе между США, Саудовской Аравией и Египтом. Если бы в результате свержения американцами Саддама доминирование суннитов сохранилось, это устроило бы и американцев, и саудовцев. Но получилось иначе. Подъем иракских шиитов привел к тому, что американцам практически ничего не оставалось, кроме как согласиться с их приоритетной ролью в этой стране.

Нет гарантии, что такое положение не вызовет цепной реакции на Аравийском полуострове, в Ливане и Иордании и не выльется в усиление шиитских движений в регионе (особенно если в Багдаде тон будут задавать местные хомейнисты — сторонники теократии). При жизни Хомейни признаки подъема политического шиизма под эгидой Тегерана были налицо. Например, пакистанские шииты при поощрении со стороны Ирана отвергли введенные диктатором Зия уль-Хаком исламские законы, посчитав их суннитскими, а в странах Персидского залива началось политическое пробуждение шиитов, ранее и не мечтавших о том, чтобы возвысить свой голос.

Из двадцати одной арабской страны сунниты находятся у власти в двадцати странах, и любая попытка изменить этот традиционный баланс сил вызывает беспокойство суннитских элит. Даже такой прогрессивный суннитский правитель, как король Иордании Абдалла, предупредил в 2004 году об опасности образования «шиитского полумесяца». Он имел в виду распространение шиитского политического активизма от Ирана (а теперь уже и со стороны все более «шиитизирующегося» Ирака) на северо-запад — по направлению к Сирии и Ливану и на юго-запад — к Персидскому заливу. Известный американский исследователь ближневосточных проблем Уильям Бимен, профессор Университета Брауна, предвидит создание «шиитского транснационального блока», в который войдут шииты Ирана, Ирака, Ливана, Бахрейна, Кувейта, Саудовской Аравии, Афганистана, Пакистана и Индии.

Действительно, в Ливане шииты, уже являющиеся крупнейшей общиной, имеют шансы (учитывая тот же демографический фактор, что сыграл роль в Ираке) стать ключевой политической силой. В Бахрейне, где правят сунниты, шииты составляют до 75 % населения, и попытка шиитских активистов добиться для своей общины если не господствующего, то во всяком случае гораздо более высокого, чем нынешний, статуса — это лишь вопрос времени. И, наконец, что несравненно важнее, не исключен подъем шиитского движения в Саудовской Аравии, где шииты составляют 10–15 % населения. Их бо́льшая часть живет в Восточной провинции, где расположены главные нефтепромыслы.

Но если власти Саудовской Аравии и захотят удовлетворить какие-либо требования шиитов, то они столкнутся с серьезными проблемами, поскольку ваххабизм — официальная религия этого государства, относящаяся к суннитскому толку ислама, — настроен по отношению к шиитам наиболее враждебно и непримиримо. Вахха-

битские улемы не допустят ни малейших уступок шиитам, которых они проклинают в своих проповедях как «пятую колонну врагов подлинного ислама». Угроза, исходящая от «шиитских *рафиди*» (отвергающих истину ислама), по мнению ваххабитов, «не меньше, чем опасность со стороны евреев и христиан».

Вождь иракских ваххабитских исламистов – приверженцев «Аль-Каиды» Абу Мусаб аз-Заркауи (тот самый, на совести которого отсеченные головы иностранных заложников) в одном из своих обращений к иракским суннитам назвал шиитов «непреодолимым препятствием, затаившейся змеей, хитрым и зловредным скорпионом, шпионящим врагом и глубоко проникающим ядом». Враждебными шиитам всегда были афганские талибы, заявившие, например, что массовое убийство шиитов в Мазари-Шарифе в 1997 году явилось «реваншем истины».

Вырисовывается серьезная угроза позициям правящих династий, которые, как это ни парадоксально, только в Соединенных Штатах могут видеть внешнюю опору, союзника в борьбе против надвигающихся перемен. США оказались в не менее сложной ситуации. Вопреки прогнозам сегодня не шииты, а сунниты представляют для американцев главную опасность. Правда, это другие сунниты – не традиционные союзники Вашингтона, стоящие у власти в арабских королевствах и эмиратах, а воинствующие, в первую очередь ваххабитские, религиозно-политические группировки, сплотившиеся в широкую транснациональную террористическую сеть под идейным главенством «Аль-Каиды».

Наиболее взрывоопасными районами следует считать Саудовскую Аравию и Пакистан. Например, в результате ударов террористов-смертников по нефтяным объектам Саудовской Аравии экспорт нефти из этой страны может уменьшиться на две трети, что вызовет дефицит сырья на мировом рынке. Что же касается обладающего ядерным оружием Пакистана, то свержение президента Мушаррафа и приход к власти людей, близких к «Аль-Каиде», чреват непредсказуемыми последствиями.

Акции такого масштаба могут быть делом рук только суннитских экстремистов. Вряд ли шиитские политики обрадуются унижительному поражению ненавистной им Америки, если оно будет достигнуто ценой мощного усиления их суннитского соперника. К счастью для Запада, да и для всего мира, объединение шиитских и суннитских экстремистов в единый фронт нереально.

Демократия XIV века

Владимир Сажин

Осенью 2005 года проведением парламентских выборов в Афганистане завершился процесс формирования новой государственности. Несмотря на многочисленные проблемы, за четырехлетие, прошедшее после свержения режима «Талибан», создана юридическая основа и институциональная база возможных преобразований. Теперь главная задача всех ответственных сил вне зависимости от их взглядов и мировоззрений – привить афганцам навыки жизни при демократической форме правления, не взрывая при этом привычного уклада жизни.

К сожалению, страной накоплен крайне отрицательный опыт социальных трансформаций (псевдокоммунистический эксперимент и фундаменталистские изменения, осуществленные талибами). Очевидно, что только постепенная эволюция, прежде всего национально-психологическая, может принести успех будущей афганской демократии. Это очень долгий путь, но другого нет.

ВЗРЫВООПАСНАЯ СМЕСЬ

Политические процессы, происходящие в Афганистане, неразрывно связаны со спецификой общества, которое, оставаясь сугубо традиционным, продолжает жить, по сути, не в XXI, а в XIV столетии (по мусульманскому календарю здесь, кстати, завершается 1384-й). Основу этого общества составляют еще дофеодалные отношения, установившиеся сотни лет назад в кланах, племенах и объединениях племен. Суть таких отношений – в жесткой иерархии старейшин, в абсолютном подчинении младших старшим.

В.И. Сажин – профессор, эксперт Института востоковедения РАН, эксперт Института Ближнего Востока, политический обозреватель радио «Голос России».

В Кабуле растут дорогие гостиницы

А на сцене разрушенного талибами театра снова идут репетиции. Фото автора

Ситуация усугубляется наличием десятков этнических групп. По последним данным, наиболее крупные представлены пуштунами — 38 % всего населения страны, таджиками — 25 %, узбеками — 6 %, хазарейцами — 19 %. (*Harenberg*. Aktuell 2005. Meyers Lexikonverlag, 2005. S. 464). Причем каждая имеет сложную родо-племенную структуру. Так, пуштуны делятся на четыре крупнейших союза племен, которые в свою очередь подразделяются на племенные объединения, те — на племена (их число превышает 20), а последние — на многочисленные кланы и роды.

Традиционно родо-племенные образования осуществляли практически полный контроль над территориями обитания, а их вожди — над членами своего иерархически определенного племенного объединения, олицетворяя собой верховную политическую, военную, юридическую и экономическую власть. Поэтому правители в Кабуле никогда не обладали абсолютной властью. Им приходилось или договариваться со своими вассалами — вождями различных племен, или подкупать их, выторговывая верность себе. Зачастую, правда, кабульские правители силой и жестокостью заставляли тех подчи-

няться центральной власти. Но, как правило, ненадолго. На протяжении столетий Афганистан, будучи формально унитарным государством, никогда таким на деле не являлся.

Новейшая история раздробила афганское общество уже по политическим признакам, поделив граждан на монархистов и республиканцев, на сторонников апрельской революции 1978 года и их противников. Каждая из групп распадалась далее на враждующие партии и военные группировки, на приверженцев и противников талибов, на умеренных мусульман и экстремистски настроенных фундаменталистов.

Ныне положение дел понемногу меняется.

Во-первых, военно-политические ураганы, пронесившиеся над Афганистаном в течение более 30 лет, в определенной степени политизировали и/или исламизировали население (что, в сущности, одно и то же) и в не меньшей степени потрясли традиционное общество.

Во-вторых, в крупных (по афганским меркам) городах ощутимо влияние новых идей и установок. Там работают многочисленные иностранцы – носители западных ценностей, достаточно активно протекает политическая жизнь. Постепенно ослабевают родо-племенные отношения, пропуская на первый план этнонациональные, которые, конечно, не способствуют общеафганскому единству, но все же представляют собой более высокую ступень консолидации.

Тем не менее сегодня правомерно говорить о значительных противоречиях между пуштунами и другими этносами, между центром и провинциями, между местными полевыми командирами и вождями, привыкшими жить за счет военной добычи и поборов на караванных путях. Бывший Северный альянс, представляющий прежде всего интересы непуштунского населения, занимает откровенно оппозиционную кабульскому режиму политическую позицию. В результате идеологический облик элиты являет собой взрывоопасную смесь этнонациональных, религиозных и политических пристрастий и амбиций, влияющих на выбор курса развития страны.

ПАРЛАМЕНТ: РАССТАНОВКА СИЛ

История афганского парламентаризма насчитывает всего четыре года. В 1969 году указом короля Мухаммада Захир-шаха были проведены выборы в парламент. Но 17 июля 1973-го в результате государственного переворота монарх был низложен, а пришедший к власти родственник короля генерал Мухаммад Дауд провозгласил страну республикой, установив в ней авторитарное правление. Законода-

тельному органу места в новой республике не нашлось. Затем начался почти тридцатилетний период гражданских войн.

В нынешних выборах не участвовали политические партии, все кандидаты выступали в качестве независимых. Президент страны Хамид Карзай утверждает, что именно партии всегда были виновниками кризисного положения дел в Афганистане, будь то коммунисты или талибы. Так или иначе, избранные в парламент «независимые» депутаты уже в ходе работы законодательного собрания, несомненно, создадут политические фракции или группировки в соответствии со своими идеологическими (национальными или религиозными) пристрастиями. Наличие законодательного органа придаст большую легитимность как самому президенту, так и его правительству.

Судя по оценкам наблюдателей, состав парламента Афганистана можно охарактеризовать словами «оппозиционный и консервативный». Оппозиционные депутаты постараются сдерживать проамериканские устремления Хамида Карзая, желая сохранить культурно-религиозную самобытность страны и «законсервировать» многие аспекты жизни. Возможно, замедлятся социально-экономические реформы, правда и сегодня не слишком быстро протекающие. Однако — и это очень важно — юридическое оформление законопослушной парламентской оппозиции поставит вне закона внепарламентские вооруженные группировки.

По данным афганского Центризбиркома, наибольшее число мест заняли представители моджахедов и религиозных деятелей (около 50 %). Интеллигенция, демократы и прозападные либералы имеют 20 % мест. Столько же и у независимых депутатов. Почти 5 % принадлежит бывшим коммунистам (11 мест), около 3 % приходится на технократов, члены движения «Талибан» получили 4 места (1,6 %).

По всей вероятности, поддержку президенту Карзаю в парламенте окажут демократически настроенные интеллектуалы и либералы, а также технократы. Возможно, какая-то часть независимых. Кроме того, глава государства сможет опираться на пуштунских соплеменников вне зависимости от их политических пристрастий. Они получили в парламенте более 100 мест.

Вообще, афганский парламент будет отражать ситуацию в стране в том смысле, что он окажется местом столкновения интересов основных этносов — таджиков, узбеков и, конечно же, пуштунов. В качестве самостоятельной и достаточно мощной политической силы выступают и афганские шииты: подъем их самосознания происходит на протяжении уже довольно длительного времени.

Степень поддержки президента или противостояния ему во многом будет зависеть от самой представительной группы депутатов-моджахедов. В нее вошли все основные лидеры военно-политических объединений, боровшихся и с «коммунистическим режимом», и с Советской армией, и с талибами, и зачастую друг с другом, а также некоторые полевые командиры. Если они будут проводить консолидированную линию, то с привлечением независимых депутатов смогут заручиться необходимым большинством. Однако, если под влиянием внутренних противоречий фракция моджахедов распадется, преимущество окажется, скорее всего, на стороне демократов. Последним, конечно, придется работать в более сложных условиях, но в ситуации разброда среди депутатов-моджахедов им также удастся проводить необходимые решения.

Люди, стоящие на политико-идеологических позициях талибов, составят костяк исламистской оппозиции Хамиду Карзаю в парламенте и по некоторым вопросам, возможно, добьются большинства, но оказывать реальное влияние на политику парламента не смогут. Положение левых аналогично. Вероятно, они чаще, чем талибы, станут оказывать поддержку президенту.

БЕЗОПАСНОСТЬ ЧУЖИМИ РУКАМИ

Перед афганскими органами власти стоят масштабные задачи по законодательному обеспечению реформирования страны и «перевода» ее в XXI век.

Во внутренней политике это в первую очередь обеспечение территориальной целостности и безопасности в связи с угрозой террористических вылазок талибов, «Аль-Каиды» и отрядов одного из лидеров непримиримых моджахедов — Гульбуддина Хекматъяра. Активность террористического подполья в минувшие месяцы свидетельствует о его способности твердо и неуклонно наращивать усилия для борьбы как с кабульским режимом, так и с международными миротворческими силами. Сейчас в Афганистане действует 20-тысячный американский контингент и 9-тысячный контингент Международных сил содействия безопасности (*ISAF*), так называемый натовский, хотя в нем участвуют военнослужащие не только НАТО (в общей сложности из 36 стран).

В связи с обострением ситуации в Афганистане НАТО недавно объявила об увеличении состава *ISAF* до 15 тысяч. Международный воинский контингент планируется использовать и в боевых операциях против талибов и хекматъяровцев совместно с американцами, но

пока без формирования единого командования. Для этого предполагается расширить зону ответственности подразделений сил *ISAF*. Сегодня она охватывает Кабул, а также северные (на границе с Таджикистаном) и западные (на границе с Ираном) районы страны. Натовское командование намерено взять под контроль южные провинции, расположенные на границе с Пакистаном. Эти территории, примыкающие к так называемой пуштунской зоне племен, являются источниками постоянной нестабильности. Именно на юге активно действуют талибы и боевики «Аль-Каиды». При этом факты свидетельствуют о том, что там скрываются не только афганские боевики, но и экстремисты из Пакистана, Саудовской Аравии и Чечни.

В результате многолетней политики Пакистана в отношении своего соседа на северо-западе вдоль афгано-пакистанской границы («линия Дюранда») в полосе шириной около 150 километров стихийно сложился своеобразный «эмират» Пуштунистан, на который не распространяется влияние ни Исламабада, ни Кабула. Это военно-политическое образование превратилось в центр исламистского терроризма, угрожающий не только двум соседним государствам, но и всему региону.

Решение руководства Североатлантического альянса увеличить здесь численность контингента международных сил свидетельствует о чрезвычайной сложности обстановки в Афганистане, с одной стороны, а с другой — подтверждает курс США на формирование системы «равной ответственности» с международными силами за ситуацию в Афганистане.

Несмотря на недавние заявления президента Карзая о том, что он больше не считает целесообразным продолжение полномасштабной военной операции, глава государства понимает необходимость присутствия международных сил. Скорее всего, высказывание Хамида Карзая предназначено для внутриафганского использования. Оно призвано, с одной стороны, успокоить афганцев перед неминуемым увеличением численности международного воинского контингента. С другой — дать понять новым депутатам, большинство которых выступают против иностранного присутствия в стране, что президент готов к диалогу с парламентариями о судьбе иностранных вооруженных формирований.

На этом фоне многообещающе звучит заявление командующего германским контингентом в составе *ISAF* генерала Ханса-Кристофа Аммона о том, что миротворческая миссия Бундесвера в Афганистане продлится еще 10 лет.

ЭКОНОМИКА С НАРКОТИКАМИ И БЕЗ

В афганской экономике дела обстоят не так плохо, как представляется многим. Рост ВВП в 2003/2004 финансовом году составил 16 %, и такой же рост ожидается в 2004/2005-м. По оценкам Института Азиатского банка развития, средний прирост ВВП Афганистана в 2006–2010 годах составит не менее 10 %. Уже через три года после выхода из почти 30-летней войны Афганистан восстановил некоторые элементы инфраструктуры, наладил постоянную торговлю и тесное экономическое сотрудничество с соседями. Он провел денежную реформу, создал основу банковской системы.

Как считают экономисты, самое главное достижение – формирование в общих чертах системы инвестирования. Скорее всего, в течение ближайших двух-трех лет она покажет свои возможности. Тем более что афганское законодательство предусматривает простую и понятную, разумно централизованную систему управления процессом инвестирования. Во-первых, правительство хорошо понимает, что основными инвесторами будут афганские предприниматели из диаспоры и другие бизнесмены из соседних стран. Во-вторых, каждый доллар инвестиций толкает вперед афганскую экономику, обеспечивает занятость населения и решает социальные проблемы.

В Кабуле наблюдается оживление деловой активности. Непрерывно функционируют банки, выдаются кредиты. Появилось много новых компаний, фирм, предприятий – прежде всего малого бизнеса. Количество магазинов, дуканов (торговая лавка, небольшой частный магазин), ресторанов, кафе увеличивается пропорционально числу восстановленных зданий. Товары идут в Афганистан со всего мира: из Ирана и Турции, Малайзии и Китая, Индии и Пакистана, стран Европы. Из Японии и Кореи прибывают автомашины и бытовая техника, включая сотовые телефоны. Кстати, сейчас мобильная связь в Афганистане – одна из самых современных в мире (цифровая). Ведь здесь начинали чуть больше года назад, практически с нуля, и поэтому внедрялись самые передовые технологии. Сегодня у многих кабульцев на поясе висят два-три аппарата. Лавинообразно развиваются компьютерная связь и Интернет, открываются интернет-кафе. Медленно, но все же растет уровень жизни. Хотя, конечно, проблема бедности и нищеты еще бесконечно далека от решения. Кабул перестает быть городом низких цен. В последнее время цены на продукты питания и бензин выросли почти вдвое.

Главная проблема Афганистана — наркотики. Один из чиновников в правительстве, просивший не называть его имени, сказал автору статьи, что от наркобизнеса зависит 80–85 % афганской экономики, производство наркотиков опийной группы составляет ее основу и является единственной конкурентоспособной статьёй экспорта. По разным оценкам, выращиванием опийного мака, экстрагированием опия, транспортировкой, переработкой и доставкой героина заняты от полумиллиона до двух миллионов афганцев. Годовой оборот героинового рынка в стране составляет астрономическую для отсталой страны цифру в 25 млрд дол. (для сравнения: государственный бюджет Российской Федерации в следующем после дефолта 1999 году составлял чуть более 20 млрд дол.).

После начала «контртеррористической операции» в октябре 2001-го и падения режима талибов Афганистан опять вышел на первое место по производству наркотиков опийной группы, в первую очередь героина. Уже в 2002 году рост производства опия-сырца, а следовательно, и героина составил 1 400 % и был достигнут объем середины 1990-х, когда на территории страны сосредоточивалось около 70 % мировых посевов опийного мака. В 2001 году выпуск составил 185 тонн, а в 2002-м уже 1 900–2 700 тонн, в 2003-м — более 7 000 тонн (87 % мирового потребления и почти 100 % потребления в Европе), в 2004-м — 12 000 тонн, планируемый объем в текущем году — более 15 000 тонн.

Без иностранной помощи поднять экономику Кабул не в состоянии. А объемы этой помощи, в том числе и американской, сокращаются. Главное направление у США — Ирак, поэтому Вашингтон не располагает ни временем, ни средствами, чтобы вплотную заняться Афганистаном. Европейский союз также сокращает объемы помощи Кабулу. Если в 2002 году она составляла 850 млн евро, в 2003-м — 835 млн, то на нынешний год запланировано 700 млн евро.

РОССИЯ УХОДИТ?

Россия не входит в список приоритетных стран для Кабула. В новом парламенте Афганистана не заметно депутатов, готовых лоббировать интересы Москвы. С другой стороны, там нет и ярких антироссийских политиков. Скорее всего, отношения будут поставлены на самотек, при этом многое зависит не в последнюю очередь и от самой Москвы: готова ли она, поняв и оценив сложнейшую ситуацию в Афганистане, взять на себя инициативу углубления и расширения российско-афганских связей.

Россия была первой страной мира, признавшей в марте 1919 года суверенитет афганского государства. С 20-х по 70-е годы XX века отношения развивались чрезвычайно продуктивно. Начиная с 1950-х в Афганистане с помощью России были построены десятки объектов. Это электростанции, в том числе крупнейшая – в Наглу, авторемонтный завод в Джангалаке, хлебопекарный и домостроительный комбинаты в Кабуле, шоссейная дорога Кушка – Герат – Кандагар – Кабул – Саланг – Мазари-Шариф – Кушка, где был пробит уникальный тоннель Саланг, сельскохозяйственные фермы в Джалалабаде. При содействии России созданы целые отрасли экономики, современная многоуровневая система образования и здравоохранения, разветвленная сеть средств массовой информации. Успешно проведены широкомасштабные геологоразведочные работы по всей территории страны, а на севере освоена промышленная добыча газа.

Несомненная эффективность помощи Москвы основывалась, во-первых, на действительном равноправии, на поистине дружеских чувствах россиян и афганцев друг к другу. Во-вторых, на хорошо продуманной и четко спланированной политике сотрудничества. Совместно разрабатывались стратегические планы развития Афганистана, на основе которых строились среднесрочные отраслевые программы. В-третьих, все финансовые и материальные ресурсы, предназначенные Афганистану, были сконцентрированы в одних руках. Это позволяло проводить гибкую политику оказания помощи и своевременно откликаться на изменение ситуации, на вновь возникавшие потребности. Во многом благодаря такому взаимодействию Афганистан превратился из отсталой страны в быстрыми темпами развивавшееся государство с неплохими перспективами.

До тех пор пока Москва не пыталась ускорить политическое развитие, а ограничивалась социально-экономическим содействием, мудро признавая приоритеты традиционных национально-религиозных ценностей, Афганистан двигался вперед, сохраняя свою самобытность. Стоило Советскому Союзу предпринять попытку создать там общество, похожее на советское, отвергнув мусульманские и прочие традиции, как страна превратилась в гигантский лагерь сопротивления...

Уже в новый исторический период после свержения режима талибов Москва продолжала помогать афганскому народу. Так, в 2003 году военная помощь Афганистану составила 50 млн дол., а в ушедшем 2004-м она возросла до 70 миллионов. Сюда включены поставки запасных частей к артиллерийским системам, бронетанковой,

транспортной технике, а также средствам связи. Кроме того, в России прошли обучение несколько групп афганских офицеров. До конца 2005 года Россия поставит для афганской армии военного имущества и боевой техники на 30 млн долларов. Правда, похоже, что это будут последние поставки. Москве и Кабулу никак не удастся согласовать размер афганского долга, который может достигать 10 млрд долларов. Из них 70 % приходится на военные поставки.

Россия оказывает содействие новому афганскому правительству в его борьбе против наркобизнеса. Достигнута договоренность об открытии в Кабуле постоянного представительства Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Для грандиозных проектов и строек века новый Афганистан еще не созрел. Да и Россия сегодня – это не СССР, готовый безвозмездно вкладывать миллиарды долларов в подобные проекты за рубежом. Вместе с тем есть широкие возможности для развития совместного среднего и мелкого бизнеса. Это строительство и производство строительных материалов, развитие сети автомастерских и ремонт дорог, малая электроэнергетика и ирригация. То есть объектов для приложения сил и вложения денег более чем достаточно.

Однако сегодня российские бизнесмены, которых с инвестициями ждут в Афганистане, не решаются работать в этой стране. Их места занимают бизнесмены из Ирана, Турции, Пакистана, Китая. Кроме того, афганский рынок, особенно северные провинции, активно осваивают центральноазиатские республики, в первую очередь Таджикистан и Узбекистан. Не приходится сомневаться в том, что США могут подключиться к этому процессу.

А Россия пока уходит из Афганистана. Уходит осознанно и уверенно, хотя именно россияне имеют здесь самый богатый опыт сотрудничества. Более того, несмотря на все трагические страницы истории российско-афганских отношений, именно к русским (или – по старинке – к «шоурави», советским) афганцы в большинстве своем испытывают чувства симпатии.

Было бы очень недальновидно игнорировать российский опыт. Он просто необходим всему международному сообществу и особенно странам-донорам, принимающим участие в восстановлении Афганистана. Но прежде всего он нужен России для того, чтобы укрепиться в этом важном стратегическом регионе мира или хотя бы не покинуть его совсем.

Центральная Азия в эпоху перемен

Станислав Чернявский

Еще недавно Центральная Азия, несмотря на обилие проблем, считалась регионом политической стабильности. Специалисты полагали, что на перспективу по крайней мере пяти – семи лет власти государств этого региона будут в состоянии обеспечивать относительно спокойное развитие каждого из них. События последних двух лет, имевшие место на постсоветском пространстве, заставляют существенно скорректировать эти прогнозы.

Нарастание напряженности вызывается как внутренними, так и внешними факторами. В числе первых это прежде всего «семейно-клановый» характер власти, низкий жизненный уровень, массовая безработица. Растет и недовольство среди элит — как политической, утратившей возможность влиять на принятие государственных решений, так и деловой, которая столкнулась с серьезными препятствиями в своей предпринимательской деятельности, а то и вовсе с угрозой захвата предприятий господствующими олигархическими кланами. В обстановке неблагополучия оживилась оппозиция, заметно активизировались исламские экстремисты. Объективно их деятельность направляется эmissарами из Саудовской Аравии, Турции, Объединенных Арабских Эмиратов, Ирана, в распоряжении которых находятся значительные финансовые ресурсы.

К внешним факторам относятся действия крупнейших транснациональных компаний по захвату местных сырьевых богатств и находящееся в непосредственной связи с этим прямое вмешательство новых игроков: США, стран — членов Европейского союза (одной из форм западного присутствия явилось расширение деятельности международ-

С.И. Чернявский — д. и. н., заместитель директора 1-го Департамента стран СНГ МИД РФ.

ных неправительственных организаций), а также Китая и Турции. Кроме того, государства Центральной Азии по-прежнему используются как основной транзитный коридор доставки наркотиков из Афганистана в Россию, в другие страны СНГ и далее в Европу. По официальным данным, в 2004 году российские пограничники в Таджикистане изъяли более 3,75 тонны наркотиков, из них почти 2,5 тонны героина.

АМЕРИКАНСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ

Во время поездки по странам Центральной Азии в октябре 2005-го госсекретарь США Кондолиза Райс в очередной раз выразила твердое намерение администрации Джорджа Буша не покидать этот стратегически важный регион. Здесь, как утверждала Райс, нет необходимости устраивать «гонку интересов» различных держав, поскольку «всем должно хватить места».

Соединенные Штаты остаются наиболее влиятельным внерегиональным актором. Вашингтон резко отреагировал на события в узбекском городе Андижане 12–13 мая 2005 года, когда власти жестоко подавили вооруженные выступления протестующих. США и их западные союзники попытались использовать происшедшее как средство политического давления на Ташкент. В ответ на это 29 июля 2005-го руководство Узбекистана потребовало от Соединенных Штатов в шестимесячный срок ликвидировать их базу в Ханабаде.

Ведущее место в центральноазиатской группировке США отныне, очевидно, будет принадлежать военной базе «Манас» в Киргизии, где размещены более 3 тыс. солдат и военная техника. Сюда переброшена значительная часть аэродромно-технического, навигационного, разведывательного и поисково-спасательного оборудования. На повестке дня стоит вопрос о создании запасов авиационного топлива и средств поражения. В оперативно-стратегическом плане использование баз позволяет контролировать не только весь Центрально-Азиатский регион, но и воздушное пространство над Афганистаном вплоть до индийско-пакистанской границы. В пределах досягаемости американских истребителей оказались также западные районы Китая и крупнейшие города Казахстана.

По словам Кондолизы Райс, американские базы в Центральной Азии — это «опорные точки коалиционных сил», играющие первостепенную роль в решении таких вопросов, как содействие в ликвидации последствий стихийных бедствий, оказание медицинской и гуманитарной помощи. В целом же временные рамки военного

присутствия американцев в данном регионе определены весьма расплывчато: «до конца операций». Официальные представители США неоднократно признавали, что не намерены уходить, поскольку «должны расширять постоянную поддержку демократических институтов, местных неправительственных организаций и независимых средств массовой информации».

В Белом доме, судя по всему, не всегда отдают себе отчет в том, что некоторые республики Центральной Азии пока не готовы к тому, чтобы осуществить эффективные реформы и разрешить все экономические, политические и социальные проблемы. Главная причина – отсутствие там элементарной политической культуры и нежизнеспособность демократических институтов, как таковых.

Вашингтон предложил центральноазиатским странам выгодные контракты по перевооружению их армий в соответствии со стандартами НАТО. Речь идет о поставках американских зенитно-ракетных комплексов *Patriot*, о помощи в создании собственной базы по их ремонту, а также по выпуску некоторых видов вооружений и военной техники. Американцы планируют развернуть единую интегрированную систему связи, приступить к разработке новой системы противовоздушной обороны и контроля за воздушным движением.

С началом операции в Афганистане и созданием американских баз в центральноазиатских республиках резко возросло информационное воздействие на население региона. Так, радио «Свобода/Свободная Европа» значительно увеличило объем вещания на азербайджанском, казахском, киргизском, таджикском, туркменском и узбекском языках, а также на фарси.

Между США и пятью государствами Центральной Азии заключено рамочное соглашение, предусматривающее развитие отношений в области торговли и инвестиций. Оно предполагает объединение ресурсов региона, создание единого рынка товаров и услуг, либерализацию торговых обменов и стимулирование интеграции в международные экономические и финансовые институты, прежде всего в ВТО.

Кондолиза Райс, американцы готовы помочь Центральной Азии выйти из региональной самоизоляции, способствовать ее интеграции в остальной мир, а также обретению возможности самостоятельно и свободно, без оглядки на кого-либо выстраивать свою судьбу. Идеальным, с точки зрения госсекретаря, было бы направить интеграционные процессы в сторону Южной Азии, подключить к ним Афганистан и Пакистан, перебросить «мостик» через Каспий в Закавказье с пря-

мым выходом на Западную Европу. В этом случае регион, став местом пересечения множества стратегических товарно-финансовых потоков, превратится в «магнит экономического притяжения».

Военные действия Соединенных Штатов в Афганистане и Ираке вызывают негативную реакцию мусульманских кругов в центральноазиатских странах. Результативность антитеррористической операции в Афганистане остается низкой, а неспособность разгромить подпольную сеть действующей в регионе экстремистской группировки «Хизб ут-Тахрир» (она ориентируется на организацию «Братья мусульмане») оставляет ей возможность для сближения с радикалами исламского движения в Узбекистане. Стратегическая цель обеих организаций – свержение светских режимов и создание в регионе теократических образований по типу халифата. Американские аналитики понимают, что дальнейшая радикализация и милитаризация исламистских движений в регионе только усугубят проблемы Вашингтона. В то же время необходимое для доступа к военным базам партнерство с неблагонадежными режимами наносит ущерб имиджу США как лидера демократического мира.

Представители Вашингтона весьма осторожны в официальных высказываниях относительно роли России в Центральной Азии (о ней просто умалчивают). Вместе с тем они дают четко понять, что этот регион представляет для США стратегический интерес и американское военное присутствие сохранится здесь на длительный период.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ФАКТОР

Европейский союз рассматривает Центральную Азию как «буферный фильтр», обеспечивающий защиту Европы от терроризма, исламского экстремизма, наркотрафика и нелегальной миграции. Политика ЕС в отношении региона определяется стратегией на 2002–2006 годы, которая исходит из того, что центральноазиатские страны сталкиваются с общими проблемами. Последние обусловлены низкими темпами демократизации и рыночных реформ, а также исламской радикализацией. Заявленная цель этой стратегии – содействие стабильности и безопасности, устойчивому экономическому развитию и борьбе с бедностью, для реализации чего привлекаются средства по линии ТАСИС. С 1991 по 2004 год Евросоюз направил в республики Центральной Азии 1 млрд 132 млн евро, из которых почти половина (516 млн.) пришлось на оказание двусторонней технической помощи по линии ТАСИС, остальное – гуманитарная помощь, макроэкономические зай-

мы и гранты. После 11 сентября 2001-го европейцы фактически удвоили объемы финансового содействия.

Постепенно Европейский союз начинает входить в число основных доноров укрепления таджикско-афганской границы. Под эгидой ЕС осуществляется Программа по управлению границами в Центральной Азии (*ВОМСА*), на которую планируется затратить в 2005 году 3,9 млн евро. В первой половине 2005-го Брюссель выделил на оказание технической помощи Комитету по охране государственной границы Таджикистана 1,65 млн евро, еще 1,5 млн евро обязалась предоставить Великобритания.

Важнейшее значение приобретает энергетическая составляющая. Так, Евросоюз крайне заинтересован в развитии сотрудничества с Казахстаном в топливно-энергетическом секторе (75 % импорта Европейского союза из Казахстана приходится на энергоносители). Брюссель добивается от Астаны обеспечения стабильной, прозрачной и недискриминационной законодательной базы, позволяющей эффективно работать европейским компаниям.

Итоги состоявшихся в июле нынешнего года президентских выборов в Киргизии Евросоюз оценивает в целом позитивно, отмечая, что в республике имеются все предпосылки для продолжения процесса стабилизации. Что касается Узбекистана, то 3 октября 2005 года Совет ЕС по внешним связям ввел против Ташкента санкции (первоначально сроком на один год), осудив «чрезмерное, непропорциональное и неселективное» применение силы в Андижане, а также отказ от предложения провести независимое международное расследование в отношении этих событий. Работа Еврокомиссии в Узбекистане по линии ТАСИС переориентирована на «поддержку демократии и защиту прав человека, установление более тесных контактов с представителями узбекского гражданского общества».

В отличие от США страны Европейского союза признают стратегические интересы России в Центрально-Азиатском регионе и готовы не только к обсуждению, но и к практическому взаимодействию в решении вопросов безопасности (борьба с наркоугрозой в первую очередь), в развитии топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и его транспортной составляющей.

ТАКТИКА КИТАЯ И ТУРЦИИ

Проникновение в Центральную Азию внерегиональных государств, прежде всего США, Пекин воспринимает не только как фактор обост-

рения здесь экономической конкуренции, но и как попытку военно-политического и экономического «сдерживания» Китая. Что касается России, то китайская дипломатия исходит из признания традиционных политических и экономических интересов своего северного соседа в регионе и его ведущей роли в сфере региональной безопасности.

КНР, экономика которой испытывает растущую потребность в энергоносителях, принимает энергичные меры по проникновению в ТЭК Центрально-Азиатского региона, стремится не допустить передел сырьевых рынков в странах этого региона без ее участия. Китайские компании участвуют в разработке Актюбинского и Мангышлакского нефтяных месторождений (Актюбинский нефтехимический комбинат является совместным казахстанско-китайским предприятием с 85-процентным китайским капиталом). Китайцы проявляют интерес к разведке запасов нефти в Киргизии.

Политическая активность Пекина проявляется на двустороннем и многостороннем уровне. В 1996 году Китай подписал с Россией, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы, а в 1997-м – Соглашение о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. В 2002 году между Китаем, Киргизией и Казахстаном были подписаны договоры о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, аналогичные российско-китайскому договору от 16 июля 2001-го.

Как надежный инструмент укрепления региональной безопасности и развития многостороннего сотрудничества Пекин рассматривает Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Важным вкладом в обеспечение региональной стабильности является принятая лидерами ШОС 5 июля 2005 года рекомендация странам – участницам антитеррористической операции в Афганистане определиться со сроками пребывания их воинских контингентов в Центральной Азии.

Наступательная линия Китая в регионе продиктована необходимостью налаживания взаимодействия по противоборству уйгурскому сепаратизму, пресечению поддержки извне сепаратистских сил, действующих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и ставящих себе целью создание там, а также на территории соседних центральноазиатских стран так называемого государства Восточный Туркестан. В этих целях КНР укрепляет сотрудничество с Россией, Казахстаном и другими странами региона по линии спецслужб.

Роль Турции в Центральной Азии носит двоякий характер. С одной стороны, она отстаивает геостратегию Запада, с другой – стремится

ся продвигать собственные, замешенные на пантюркизме, национальные интересы на обширном пространстве, включающем также Кавказ, Каспий и, возможно, тюркские ареалы России. Правда, по мере того как развеивались надежды на создание общетюркской конфедерации, политика Анкары в Центрально-Азиатском регионе приобрела все более реалистичный характер. Основной целью Турции стало завоевание здесь экономического плацдарма и обеспечение своих интересов при разработке нефтяных проектов вокруг Каспийского моря.

В Центральной Азии тоже осознали, что Турция не способна играть роль экономического локомотива. Однако Анкаре удалось заложить основы будущего влияния в регионе: местное молодое поколение, получающее образование в анатолийских университетах и колледжах, может оказаться для нее надежной опорой.

Следует отметить, что та радикальная агрессивность, с какой в первые годы после развала СССР Турция пыталась свести на нет российское влияние в центральноазиатских республиках, ушла в прошлое. Сегодня турецко-российские отношения в регионе приобрели прагматический характер, хотя элементов практического взаимодействия не наблюдается.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Общим для всех стран – членов СНГ являются недоразвитость политической и отсутствие эффективной партийной структуры, серьезные проблемы в сфере реализации прав человека, а также высокая степень коррупции во властных организациях. Все это создает условия для социальных взрывов, грозящих в случае активной поддержки извне перерасти в революционную ситуацию.

Интенсивность политической борьбы в регионе нарастает не только в связи с предстоящими в декабре 2005 года президентскими выборами в Казахстане, но и в силу разногласий внутри руководства Киргизии, а также угрозы исламского экстремизма в Узбекистане.

В **Казахстане**, учитывая мощный административный ресурс, победа Нурсултану Назарбаеву, похоже, обеспечена. Однако ему впервые будет противостоять реальный соперник – единый кандидат от оппозиции, экс-спикер нижней палаты парламента Жармахан Туякбай; при этом казахстанская оппозиция, наряду с опытом организационной и политической работы, приобрела более разветвленную структуру.

В 2004-м на территории Казахстана под эгидой фонда Сороса начато осуществление таких проектов, как «Укрепление и развитие казахстанских неправительственных организаций по защите СМИ и журналистов» и «Предвыборная дистанция», а также программы «Организация деятельности общественных фондов развития школ и сообществ». Отмечается активизация Казахско-американского университета в Алматы, пропагандирующего среди молодежи преимуществ демократических ценностей и «революционный» опыт других стран СНГ.

Американские дипломаты проводят интенсивную работу с образованным в ноябре 2004 года Координационным советом демократических сил Казахстана, в состав которого вошли лидеры Демократического движения Казахстана, Коммунистической партии Казахстана и партии «Ак Жол» («Белый путь»). Цель совета – сформулировать четкую программу действий оппозиции по проведению предвыборной президентской кампании, а также определиться с политической фигурой, которая могла бы выступить в качестве реальной альтернативы главе государства.

Соединенные Штаты оказывают давление на казахстанское руководство, поднимая проблему прав человека и распространяя сведения, порочащие близкое окружение лидера Казахстана. Так, в январе 2005-го состоялись слушания по «делу “Казахгейт”», в котором фигурировали высокопоставленные чиновники этой страны в связи с обвинением их в коррупции.

Приход к власти нынешних оппонентов Назарбаева или молодого поколения из его команды (а это весьма вероятно уже в обозримой перспективе), скорее всего, обернется дальнейшим усилением националистических и прозападных тенденций в политике Астаны. Западные организации давно работают с представителями новой казахстанской элиты, которые, как правило, не скрывают своего негативного отношения к периоду существования единого с Россией государства, скептически оценивают возможный прогресс и укрепление Российской Федерации.

После смены власти в **Киргизии** и досрочных президентских выборов в июле 2005 года внутривнутриполитическое развитие этой страны во многом зависит от соотношения сил в тандеме президент Курманбек Бакиев – премьер Феликс Кулов. Конфликт между обоими «тяжеловесами» неизбежно вызовет обострение противоречий между югом и севером страны, виток политического и гражданского

противостояния на всей территории республики. Недавние октябрьские события, отмеченные серией беспорядков в местах заключения, продемонстрировали, насколько велико влияние криминала на политические процессы в Киргизии.

Обстановка в **Таджикистане** относительно стабильна. Власти контролируют ситуацию, а легальная оппозиция вынуждена внешне соблюдать навязанные ей «правила игры». Альтернативы нынешнему президенту Эмомали Рахмонову пока нет, но внутри его клана идут брожения и перегруппировка сил. В обществе нарастает напряженность: нерешенными остаются острейшие социально-экономические проблемы, налицо сверхобогатение (по существу, преступное) правящего дангаринско-кулябского клана. Фактор «семьи», находящейся у власти и действующей в своих собственных интересах, способен оказаться мощным детонатором.

Западные неправительственные организации (в настоящий момент в Таджикистане функционируют свыше 50 таких структур) заняты активной пропагандистской работой: проводят семинары и дискуссии, распространяют учебные пособия по избирательному праву. Так, Международный фонд избирательных систем совместно с таджикской Национальной ассоциацией политологов приступил к реализации общереспубликанской программы подготовки наблюдателей, которая призвана охватить более 500 человек. Кроме того, в рамках одного из проектов Агентства США по международному развитию осуществляется обучение активистов политических партий методам предвыборной борьбы, финансируется выпуск радиопрограмм, пропагандирующих взгляды оппозиционных лидеров.

С неправительственными структурами тесно взаимодействует офис ОБСЕ в Душанбе. В 2005 году его сотрудники провели около 100 семинаров по повышению осведомленности избирателей, а также инициировали создание системы информационных центров, через которые оппозиционные партии могли бы доводить свои взгляды до электората. Американцы реализуют в Таджикистане широкомасштабную Программу поддержки гражданского общества, обеспечения прав человека и свободы слова, в которой, несмотря на отсутствие официальной аккредитации, активно участвуют представители Национального демократического института США, а также Американского совета по международным исследованиям и обменов и Академии развития через образование. Только в 2004-м Соединенные Штаты затратили на указанные цели более 7 млн долларов.

В Туркмении, несмотря на серьезные экономические трудности и тяжелое материальное положение подавляющего большинства населения, отсутствуют лидеры, способные даже при внешней поддержке бросить вызов президенту Сапармурату Ниязову. Оппозиционные организации и СМИ запрещены.

Правительство не допускает широкого присутствия зарубежных неправительственных организаций (НПО), не позволяя последним закрепиться в стране и выйти за рамки участия в локальных проектах, связанных с образованием, здравоохранением и поддержкой малого и среднего бизнеса. При этом любые попытки США и их союзников расширить поле деятельности НПО жестко пресекаются вплоть до высылки из республики наиболее активных членов данных организаций.

Парламентские выборы 19 декабря 2004 года еще раз продемонстрировали, что Запад не имеет рычагов влияния на избирательные процессы в Туркмении. Международные структуры, в том числе ОБСЕ, не были даже допущены к наблюдению за ходом избирательной кампании и подведением ее итогов.

В Узбекистане, вопреки возрастанию социальной напряженности, пока все еще можно говорить о некоем запасе общественного терпения. Но переоценивать его не стоит. Нельзя исключить и обострение ситуации в связи с межклановым фактором (противостояние ташкентской и самаркандской группировок) по мере приближения «естественной» смены власти (обусловленной, к примеру, состоянием здоровья президента Ислама Каримова).

В 2003–2004 годах в Узбекистане вступил в силу ряд законодательных актов, существенно изменивших условия присутствия зарубежных НПО. Ужесточен порядок их регистрации, введен запрет на получение политическими партиями и движениями финансовой и иной материальной помощи от зарубежных государств, организаций и граждан. Согласно новому законодательству, зарубежные НПО не вправе участвовать в какой-либо политической деятельности на территории республики. Не допускается финансирование ими акций и мероприятий, проводимых политическими партиями и массовыми движениями. В итоге такие организации, как фонд Сороса, Международная киргизская группа, Институт по изучению войны и мира, в республике практически больше не функционируют.

Действия узбекских властей вызвали резко негативную реакцию на Западе. В частности, совет директоров Европейского банка реконструкции и развития обвинил Узбекистан в невыполнении по-

литических условий получения помощи банка и, по существу, свернул свою деятельность, ограничив ее реализацией минимального пакета кредитных проектов для малого бизнеса. Представители руководства США и других западных стран в ходе личных встреч «настойчиво советовали» Каримову «смягчить позиции» в отношении зарубежных НПО и местной оппозиции.

ВЫВОДЫ ДЛЯ РОССИИ

Стратегия в Центральной Азии должна учитывать не только возросшую дифференциацию постсоветского пространства, но и потенциальные столкновения интересов России и других игроков в данном регионе. Самым опасным сценарием развития событий могут стать дестабилизация и развал существующих светских режимов, приход к власти религиозных экстремистов, возникновение межгосударственных конфликтов.

Превращение Центрально-Азиатского региона в новое поле конфронтации не в интересах России. С учетом специфики нового уровня российско-американских отношений необходимо следовать разумной и четкой внешнеполитической линии, добиваясь от американцев прозрачности и предсказуемости их действий в военной сфере, заблаговременной информации об их планах в контексте общей борьбы с терроризмом. Для российского бизнеса выгодно совместное с США участие в разработке и реализации крупных экономических проектов.

Важным внешнеполитическим резервом России является дальнейшее развитие ее взаимодействия с Китаем по проблемам Центральной Азии, в том числе в рамках Шанхайской организации сотрудничества, организационно-правовое становление которой близится к завершающему этапу. Российско-китайское сотрудничество способно играть сдерживающую роль в отношении действий США, противоречащих российским интересам.

Российская стратегия должна основываться на здоровом прагматизме, вытекающем из сравнительной ограниченности внешнеполитических ресурсов. Их надлежит сконцентрировать на ключевых направлениях, в первую очередь на обеспечении безопасности, создании благоприятных условий для подъема экономики страны, защите прав российских граждан и проживающих в регионе соотечественников. В данной связи критерием отношений с партнерами должна быть взаимная готовность к сотрудничеству, к действительному учету интересов друг друга.

Необходимо наращивать усилия по укреплению региональной безопасности, уделяя основное внимание активизации взаимодействия в рамках ШОС, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Антитеррористического центра (АТЦ) СНГ и региональной оперативной группы АТЦ СНГ в Бишкеке. В этом направлении предпринимаются конкретные шаги – например, укрепляются Коллективные силы быстрого развертывания (КСБР) в Центрально-Азиатском регионе (развернута авиабаза КСБР на аэродроме в Канте в Киргизии). Серьезным шагом по укреплению военно-политического присутствия России в регионе стало подписание 16 июня 2004-го российско-узбекского Договора о стратегическом партнерстве.

17 октября 2004 года официально открыта российская военная база в Таджикистане. 2–6 апреля 2005-го в республике проведены учения КСБР «Рубеж-2005», в которых участвовали подразделения всех центральноазиатских государств – членов ОДКБ и России.

Одним из подтверждений того, что корректировка российской стратегии в Центральной Азии началась, является вступление России в Организацию центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС) в октябре 2004 года. На совещании лидеров стран ОЦАС в Санкт-Петербурге 6 октября 2005-го принято решение о целесообразности ее объединения с Евразийским экономическим сообществом (ЕврАзЭС). Таким образом, почти все государства Центральной Азии (кроме Туркмении) объединяются с Россией и Белоруссией в общее экономическое пространство.

Мероприятия интеграционного характера должны включать в себя также и целевое финансирование неправительственных институтов гражданского общества, выступающих за реальное продвижение демократии в регионе, защиту прав человека. Полезно было бы, следуя примеру США и ряда стран Евросоюза, создать, в частности, специальный фонд (с привлечением средств федерального бюджета) для поддержки развития демократии, укрепления суверенитета и независимости государств СНГ, а также несколько общественных фондов, финансирующих работу с республиками Центральной Азии в правозащитной сфере.

Успех на центральноазиатском направлении во многом зависит от того, насколько Москва готова предложить партнерам эффективные, «конкурентоспособные» варианты совместного решения наиболее болезненных для них проблем в области экономики, борьбы с преступностью и терроризмом, а также в гуманитарной сфере.

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

Современная **ЕВРОПА**

ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 2000 г.

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ШЕФ-РЕДАКТОР

академик Н. П. ШМЕЛЕВ

**ДЛЯ ТЕХ, КТО ХОЧЕТ ЗНАТЬ,
КАК И ЧЕМ ЖИВУТ СЕГОДНЯ
СТРАНЫ ЕВРОПЕЙСКОГО КОНТИНЕНТА**

Широкий круг российских и зарубежных авторов:
государственных и политических деятелей, видных ученых,
дипломатов, военных экспертов, журналистов

становление новой, интегрированной Европы
•
проблемы экономики, политики, безопасности, науки,
культуры и искусства, религиозной жизни
•
европейский опыт развития гражданского правового общества,
создания социальных и духовных условий жизни,
достойных человека
•
Россия и Европейский Союз
•
научная жизнь – разнообразие мнений, дискуссии
•
документы
•
рецензии

ПОДПИСКА

по каталогу «Роспечать», индекс 79701,
по объединенному каталогу «Пресса России», индекс 14492,
по каталогу для библиотек, индекс Б902 и непосредственно в редакции.

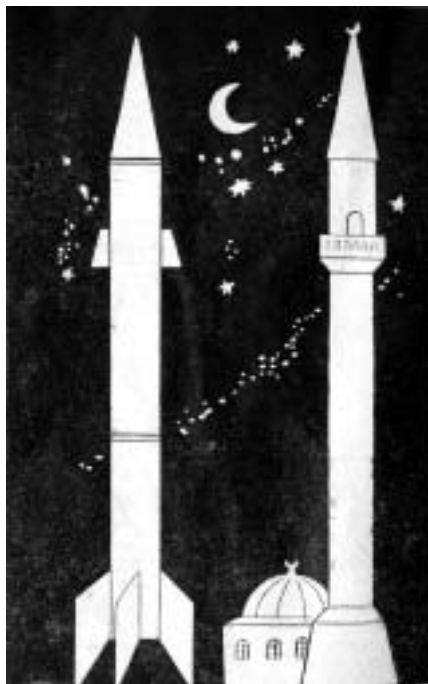
ЗАРУБЕЖНАЯ ПОДПИСКА

каталог ЗАО «МК-Периодика»

телефон редакции (095) 292 2720 • факс (095) 200 4298 • E-mail: sov_europe@mail.ru

Стратегическая повестка дня

“ Роль военной силы в начале XXI века не уменьшилась, а продолжает возрастать. Практически все угрозы носят трансграничный характер, а ресурсов даже наиболее могущественных государств (к которым Россия пока не относится) недостаточно для противодействия имнующимся вызовам ”

Россия без плахи *Михаил Маргелов*

166

Москва и Вашингтон: нужны доверие и сотрудничество

Евгений Примаков

174

На пути к «качественно новым отношениям» *Томас Грэм*

180

Партнерство в борьбе с угрозами: что осталось?

Владимир Дворкин

184

Мир один и здоровье одно *Уильям Кейриш, Роберт Кук*

197

Россия без плахи

Михаил Маргелов

Споры между сторонниками и противниками смертной казни возобновляются в России в связи с каждым террористическим актом и после очередного доклада Совета Европы (СЕ) о невыполнении Москвой взятых на себя обязательств. Эта организация связывает отмену смертной казни с соблюдением прав человека и относит отсутствие такого вида наказания к базовым европейским ценностям.

Споры ни к чему не приводят: доводы противников уравновешиваются аргументами сторонников. Дискуссии среди политиков, как правило, не поднимаются выше бытового уровня, и истина, если она в этом вопросе вообще есть, теряется в эмоциях. В академической же среде часто сталкиваются точки зрения не ныне здравствующих специалистов, а скорее Иммануила Канта и Альбера Камю, первый из которых, как известно, отстаивал необходимость применения смертной казни, а второй считал ее проявлением лицемерия государства. Благодаря этому позиции оппонентов, конечно, приобретают стройность и убедительность. Но сведущие эксперты такие отсылки к исторической мысли объясняют отсутствием у нас серьезной науки о наказаниях, «тюрьмоведения» — дисциплины, основательно развитой в Европе и Америке.

«ОТСТУПЛЕНИЕ» ИЛИ ПОРАЖЕНИЕ?

Согласно многочисленным социологическим опросам, примерно две трети населения Российской Федерации поддерживают применение смертной казни. Преимущественно это мужчины за сорок, со

М.В. Маргелов — председатель Комитета Совета Федерации РФ по международным делам, вице-председатель Парламентской ассамблеи Совета Европы.

средним образованием, скромными доходами, проживающие в малых и средних городах. За отмену смертной казни высказываются граждане моложе сорока, с высшим образованием и доходами несколько выше среднего. Причем число противников вынесения смертных приговоров за последние три года выросло. Никого не хочу обидеть, но думаю, что будущее нашей страны все-таки в руках и головах именно второй группы населения, то есть приверженцев не применения смертной казни, а европейских ценностей.

Рутинное занятие текущей политикой вынуждает меня встать скорее на сторону автора эссе «Размышления о гильотине», то есть Камю, а не автора труда «Метафизика нравов», то есть Канта.

В будущем году Россия председательствует в Комитете министров СЕ — организации, требующей от нас узаконить отмену смертной казни. Это председательство — почетная миссия, к которой следует готовиться. Между тем выясняются обстоятельства, способные поставить под сомнение правомочность нашей миссии. В том числе и невыполнение добровольно принятого обязательства отменить смертную казнь.

В 1990-х годах Россия выходила из коммунистической системы, и нам хотелось сделать это по возможности быстрее. Требовалась техническая помощь международных институтов, среди которых СЕ — самый ненавязчивый. Это, конечно же, не Международный валютный фонд и не Всемирный банк или Европейский банк реконструкции и развития, которым мы обязаны «шоковой терапией», то есть временной потерей экономического суверенитета. В феврале 1996-го наша страна вступила в Совет Европы, заявив о намерении, наряду с выполнением прочих условий покончить со смертной казнью. Государство — член СЕ должно не позднее, чем в трехлетний срок с момента вступления, ратифицировать Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которому смертная казнь в мирное время отменяется. В настоящее время Российская Федерация остается единственным в Совете Европы государством, где отмена смертной казни не ратифицирована парламентом.

На исполнение смертных приговоров у нас введен только мораторий и действует соответствующее постановление Конституционного суда РФ, и сегодня в России приговорить кого-либо к лишению жизни нельзя. СЕ согласился с тем, что смертная казнь в нашей стране «отступила», но мы-то, становясь членами этой организации, обязались ее отменить.

Запрет на смертную казнь введен указом президента Бориса Ельцина в 1996 году. Это было сделано вопреки воле российской представительной власти, которую первый президент имел основания недолюбливать. В мае 1997-го постоянный представитель России в Совете Европы подписал Протокол № 6. В 1999 году Конституционный суд постановил, что смертные приговоры не будут выноситься до тех пор, пока на всей территории страны не заработают суды присяжных. Он воспользовался указанием статьи 20 Конституции РФ на то, что лицо, которому угрожает смертная казнь, имеет право на суд присяжных. Такие суды есть ныне, кажется, во всех субъектах Федерации, кроме Чечни. Формально, как только в Чечне такой суд будет организован, смертные казни по приговору суда можно возобновлять. Весной 2001-го генерал Геннадий Трошев высказал мнение, что главарей чеченских боевиков следует расстреливать публично. А несколько российских областей потребовали от Москвы восстановить смертную казнь.

Тогда же по этому будоражающему обществу поводу впервые высказался президент Владимир Путин. В июле 2001 года он заявил, что «является противником смертной казни, а ужесточение наказаний не ведет к искоренению преступности». Мнение главы государства вызвало противоречивые отклики в Государственной думе. Совет Госдумы отклонил законопроект, подготовленный фракцией Союза правых сил. В нем предлагалось вычеркнуть смертную казнь из Уголовного кодекса РФ. И сегодня в Думе нет единства относительно данной меры наказания.

«ДЕЛО ЧЕСТИ»

У европейской общественности не очень формальный российский мораторий вызывает недоумение: и нашей необязательностью перед Советом Европы, и пристрастием к архаичному (на фоне мировых тенденций) наказанию. В докладах о состоянии дел с правами человека нам постоянно подаются знаки неудовольствия. У СЕ особое отношение к смертной казни — ведь сама эта организация шла к ее отмене 35 лет. С европейской точки зрения, которую отражает Совет Европы и его Парламентская ассамблея (ПАСЕ), победа противников введения/отмены смертной казни в той или иной стране определяет уровень либеральности ее режима.

Речь идет о процессе, который выходит далеко за границы Европы. По данным организации «Международная амнистия», в на-

стоящее время 120 из 196 государств отменили смертную казнь в законодательном порядке или на практике. Случаи возобновления исполнения смертных приговоров редки: с 1985-го только в четырех странах власти добивались смертных приговоров. Иначе говоря, туда, где смертная казнь была однажды отвергнута, она больше не возвращается.

Вопрос о ратификации — первый в перечне поводов мониторинга состояния прав человека, который Совет Европы проводит в странах-членах. Мониторинг — процедура не столь безобидная, как может показаться на первый взгляд. У Совета Европы нет полномочий на осуществление каких-либо прямых санкций. Но страна, попавшая под колпак мониторинга, терпит репутационный ущерб, теряет так называемую «мягкую силу». Престиж страны падает, оказание ей поддержки считается дурным тоном, а экономические и политические интересы не берутся в расчет.

Среди депутатов ПАСЕ ходят сегодня разные слухи на злобу дня, вплоть до предположения, что сохранение смертной казни в резерве наказаний российского правосудия объясняется желанием «расстрелять Ходорковского». Но слухами можно пренебречь. Другое дело, что нератификация Протокола № 6 может обернуться для России очередной атакой европейских недоброжелателей, подкрепленной нашей неответственностью перед Советом Европы. И не только посредством антироссийской риторики, но и с помощью конкретных организационных мероприятий. Цель — осложнить наши деловые отношения с Европейским союзом, затормозить выполнение договоренностей, достигнутых в том числе на последнем саммите Россия — Евросоюз.

В Совете Европы уже в январе 2006 года возможно проведение акции, направленной, по сути, на срыв российского председательства в Комитете министров. По регламенту Парламентской ассамблеи Совета Европы ежегодно на январской сессии голосованием подтверждаются полномочия национальных делегаций. Чтобы опротестовать полномочия нашей делегации, достаточно голосов десяти депутатов ПАСЕ, а они найдутся. И голосование, скорее всего, будет не в пользу России. После чего успех председательства в Комитете министров Совета Европы окажется под большим вопросом. Более того, это неизбежно будет использовано и для подрыва российского председательства в «большой восьмерке».

Вероятность таких последствий затягивания с ратификацией Протокола № 6 велика. Под проблему смертной казни могут быть

подверстаны и некоторые «недружественные» документы: впервые положенный на полку доклад о Чечне или дело молдавского националиста Илие Илашку, отсидевшего срок в приднестровской тюрьме. В европейской прессе можно ожидать новой волны критики, давления на Брюссель и другие европейские столицы. Вполне возможно, что законодательная отмена смертной казни для российско-европейских отношений по своей значимости сравняется с недавней проблемой относительно ратификации Киотского протокола.

Мы не любим критики европейцев, и можно согласиться с тем, что она, мягко говоря, не всегда справедлива. Но в случае с Протоколом № 6 Россия, кажется, подставляется сама, и, по моему мнению, на ровном месте.

Отвлечемся от этого обязательства перед Советом Европы, хотя его выполнение, по словам генерального секретаря организации Терри Дэвиса, «дело чести» России. Отвлечемся и от европейского выбора, о безальтернативности которого неоднократно говорил президент РФ. И даже без всего этого я не вижу оснований для того, чтобы сохранять в России смертную казнь — государственный ритуал убийства «козлов отпущения» ради искупления грехов обывателей. Хорошая жизнь не рождается из страха, а прямую связь между активностью палачей и снижением количества особо тяжких преступлений не заметил еще ни один добросовестный исследователь.

Не думаю, что сохранение смертной казни отвечает не то что нынешнему курсу России, а и нашим либеральным традициям. Другое дело, что за временами либерализма у нас печальным образом следовал период реакции. И, кстати, показателем перемены было среди прочего и отношение властей к смертной казни.

В 1917 году Временное правительство объявило амнистию политзаключенным и отменило смертные приговоры. Но на фронтах вскоре заработали военно-полевые суды. В 1920-м смертную казнь отменяли и большевики, однако через пару месяцев ее без лишней огласки вернули в районах, которые находились на военном положении. Что было потом — известно. В 1947 году Сталин решил больше не применять смертную казнь, но через три года в связи с «ленинградским делом» он не выдержал и применил. Ради какого «дела» нам сегодня нужно держать в засаде право властей на вынесение смертных приговоров?

Говорят, смертная казнь сдерживает уголовное сообщество и террористов. Но статистика тяжких преступлений в странах-аболи-

ционистах этого не подтверждает. В Канаде, например, количество убийств на сто тысяч населения до отмены смертной казни составляло более трех, а после ее отмены в 1976-м постоянно сокращалось, дойдя до уровня менее двух убийств на сто тысяч населения в 2003 году. Исследователи, которые по заказу ООН с 1988 по 2002 год работали над этой темой, пришли к выводу, что «государствам не следует опасаться неожиданных и сильных скачков кривой преступности, если на смертную казнь станут полагаться в меньшей степени». Альтернатива жесткости наказания – его неизбежность, неотвратимость. Потому что, если одного преступника даже четвертуют, а десять на свободе будут продолжать свои черные дела, уровень преступности, очевидно, не понизится.

Что касается терроризма, то шахидов смертью не запугаешь, а до заказчиков террористических актов еще никто не добрался. К тому же пожизненное заключение в специфических российских условиях содержания «на хлебе скорби и воде печали» по жестокости вряд ли уступает смертной казни. Говорят, пожизненно содержать преступников дорого: налогоплательщики против. Это – опасное рассуждение, так как ведь тогда и суды содержать дорого – рачительнее заменить их «административными процедурами», и проведение всеобщих выборов отнюдь не дешево и т. д.

Кстати, в Уголовном кодексе РФ смерть за терроризм прямо не предусмотрена. При возобновлении применения высшей меры наказания казнить будут за умышленное убийство, за посягательство на жизнь государственного деятеля, судьи, следователя, милиционера, за геноцид... Но поскольку Россия не ратифицировала Протокол № 6, нам не выдают не только скрывающихся в Европе уголовников, но и террористов.

Моралисты утверждают, что смертная казнь устанавливает в обществе укрепляющую его симметрию: ты убил – тебя, по суду, тоже убьют. Но чтобы верить в такую «симметрию», нужно уметь взвешивать ценности жизней – убийцы и жертвы. На Земле таких весов нет.

Говорят, в России рано отменять смертную казнь, поскольку у народа низкий уровень правосознания. Неужели у населения каждой из 120 стран-аболиционистов правосознание выше, чем у российских граждан? В частности, в Узбекистане, где смертную казнь планируют отменить с 2008 года?

До тех пор пока существует смертная казнь, будут обязательно казнить невиновных: ошибки неизбежны даже в развитых судебных

системах. А после того как субъект права уничтожен, исправить ничего нельзя. В период с 1973 по 2005 год из камер смертников в США было освобождено более ста двадцати неправомерно приговоренных. Для судей в этих случаях, очевидно, имело значение не установление виновности, а жертвоприношение.

УБЕЖДЕНИЯ VS ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Самый, конечно, «веский» довод наших защитников применения смертной казни — это воля народа. Ведь народ после каждой казни чувствует себя как бы очищенным, в нем всегда много охотников подбросить хворосту в костер.

Есть мнение, что в случае ратификации Протокола № 6 партия «Единая Россия» может потерять голоса избирателей. Если все политические решения принимать с оглядкой на народ, то такое в принципе нужное мероприятие, как монетизация льгот, провести невозможно. Однако у властей и у партии хватило политической воли, чтобы «бесплатные» льготы отменить. Думаю, на фоне всех непопулярных законов, принятых усилиями «Единой России», электоральных потерь можно и не бояться: семь бед — один ответ. Тем более что президент Путин неоднократно высказывался против применения смертной казни. Полагаю, что ратификация Протокола № 6 сколько-нибудь заметных социальных невзоров не вызовет — ведь и так в России уже почти десять лет никого не казнят.

Воля народа у нас вообще удивительна. Не доверяя любым карательным органам, две трети населения, тем не менее, выступают за смертную казнь, то есть готовы вручить этим органам право решать, кому жить, а кому умереть. Создается впечатление, что рядовой россиянин склонен действовать так, как подсказывают чувства, без рациональной оценки последствий. Скажем, гражданин убежден, что ради возвращения смертной казни России следует выйти из Совета Европы. При этом в голову не приходит, что он и другие граждане будут, например, лишены доступа к Европейскому суду по правам человека в Страсбурге. А там ныне чуть ли не каждый месяц рассматривают дела российских граждан, и большинство жалоб удовлетворяется. В отличие от рядового гражданина политик должен учитывать последствия своих действий. Как сказал бы Макс Вебер, политик опирается на «этику ответственности», которая определяет его политическую волю.

Между прочим, столь непопулярную среди всех народов меру, как отмена смертной казни, Совет Европы рассматривает как обязательство России не перед европейскими институтами, а перед собственным народом. Успех отечественной модернизации (а с необходимостью данного процесса никто не спорит) зависит и от того, насколько она затронет не только экономическую, но и социальную, нравственную сферу. Во всех странах-аболиционистах смертная казнь была отменена только благодаря «этике ответственности» — политической воле власти. Отмена смертной казни будет отвечать европейскому выбору России. Кстати, и сам этот выбор в свое время потребовал недюжинной политической воли.

Социологи выявили набор слов, которыми наши граждане наиболее часто характеризуют Европу. Это «расцвет», «гуманизм», «культура», «комфорт», «безопасность». Не реже употребляются и такие понятия, как «цивилизация», «свобода», «дисциплина», «демократия». По отношению к своей стране российские граждане чаще всего говорят о кризисе, насилии, моральном упадке, даже об угасании и угнетении. Может показаться, что опрашивали озлобленную группу «безродных космополитов». Но это не так, потому что представления этих самокритичных граждан о России столь же часто соответствовали понятиям «патриотизм», «духовность», «культура», «взаимовыручка». Иначе говоря, положительное отношение к Европе и ее ценностям не вытесняет любви к символам, обычно характеризующим российскую «самобытность». И есть надежда, что воинствующим сторонникам этой «самобытности» не удастся захлопнуть окно в Европу.

Москва и Вашингтон: нужны доверие и сотрудничество

Евгений Примаков

В последнее время в Соединенных Штатах заметен спад интереса к России в качестве одного из главных игроков на международной арене. Звучат невыгодные сравнения нынешнего российского вклада в мировую экономику с тем, что приходится на долю целого ряда постиндустриальных стран. Одновременно – и это правильно – растет внимание к динамично развивающемуся Китаю, однако нередко за счет снижения интереса к российской роли.

К этому примешивается и психологический фактор: еще живы и активно действуют поколения людей, мировоззрение которых складывалось под влиянием конфронтации между США и СССР. Нынешние (отнюдь не всегда обоснованные) подозрения в адрес России накладываются на инерцию холодной войны. Тот же субъективный момент отчасти определяет и российское общественное мнение.

Соединенные Штаты сегодня – самое сильное во всех отношениях, самое влиятельное государство. Игнорировать это способны только недалёковидные политики. Но в разряд столь же недалёковидных попадают и те, кто исключил Россию из числа великих держав, недооценивает динамику и перспективы ее развития. Даже после распада Советского Союза Российская Федерация остается крупнейшей по территории державой мира, недра которой содержат больше половины всех извлекаемых природных ресурсов планеты. Россия располагает высоким интеллектуальным потенциалом, а ее ракетно-ядерный арсенал сопоставим с американским.

ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ПАРТНЕРСТВА

Основа для развития партнерских отношений между обеими странами – конкретные сферы совпадения их интересов. В условиях не-

Е.М. Примаков – академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты РФ, член редакционного совета журнала «Россия в глобальной политике».

хватки энергоресурсов в Соединенных Штатах и нестабильности на Ближнем и Среднем Востоке Россия становится важнейшим потенциальным источником снабжения США нефтью и газом. Близки к завершению переговоры «Газпрома» с рядом иностранных компаний о совместном освоении гигантского Штокмановского газоконденсатного месторождения. Реальные очертания обретает и перспектива сооружения нефтепровода с выходом в моря Ледовитого океана, что позволит наращивать поставки российской нефти в Америку.

С учетом угрозы международного терроризма сотрудничеству Москвы и Вашингтона в сфере безопасности нет альтернативы. Россия, например, сыграла важную роль в антитеррористической операции в Афганистане. Она поставляла вооружение Северному альянсу, который на протяжении длительного времени противостоял движению «Талибан» — единственному в мире союзнику «Аль-Каиды», а затем освободил Кабул, обеспечив свержение режима талибов. Россия также подтолкнула центральноазиатские государства к принятию решения предоставить Соединенным Штатам промежуточные базы на период военных действий в Афганистане.

Несмотря на свое несогласие с односторонней операцией США в Ираке, Россия предпринимает немало усилий для того, чтобы не допустить проявлений антиамериканизма в ее собственной политике и политике других европейских стран. Одновременно Москва решительно и эффективно выступает против исламского экстремизма, острие которого нацелено ныне на Соединенные Штаты. Как известно, в период холодной войны Вашингтон поддерживал борьбу исламских экстремистских кругов с советским военным присутствием в Афганистане. На волне этой борьбы и появился Усама бен Ладен. Убедившись в бессмысленности и ущербности своей военной акции, Советский Союз ушел из Афганистана, а вот феномен «Аль-Каиды» дорого обошелся миру. Советская политика тоже делалась не в белых перчатках, но, понимая, какую огромную опасность таит в себе исламский экстремизм, Москва никогда, даже в годы холодной войны, не использовала его как силовой фактор против США.

Политическое сотрудничество должно быть направлено на создание условий для того, чтобы в авангард антитеррористического противоборства выдвигались государства с мусульманским населением, чтобы менялись настроения «мусульманской улицы». На сегодняшний день это, если хотите, главное направление борьбы с международным терроризмом, а ключ к решению данной задачи — урегулирование арабо-израильского конфликта, ставшего «инкуба-

тором» террора. Главное здесь – совместными российско-американскими усилиями сделать все, чтобы не прекратилось движение по «дорожной карте». Нужно прямо сказать, что тенденция к этому существует и она заведет урегулирование в тупик.

В военно-политическом плане разведсообществам России и США следует не только обмениваться информацией (это происходит и сегодня), но и переходить к совместному ее анализу в целях недопущения террористических вылазок. К этой работе весьма полезно подключить спецслужбы и других государств, в первую очередь Великобритании, Франции, ФРГ, Китая, Израиля, Египта. Ретроспективное расследование событий, предшествовавших террористическому акту 11 сентября 2001 года, убедительно свидетельствует о том, что международное сотрудничество спецслужб могло бы сделать немало для предотвращения трагедии.

США, Россия и Китай – главные международные игроки, которым по силам сдерживать распространение ядерного оружия. Так, недавно им удалось добиться некоторого успеха в многолетних переговорах о прекращении Корейской Народно-Демократической Республикой ее военной ядерной программы. Этот «полупрорыв» стал возможен благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, Северной Корее, по сути, предложили гарантии того, что, как и другие государства, она будет обладать правом на развитие мирных ядерных программ, и, конечно, под строгим контролем МАГАТЭ. Во-вторых, США в той или иной форме берут на себя обязательство не осуществлять военных акций против Пхеньяна. Аналогичную модель следует применить и к Ирану. Необходимо создать группу для проведения переговоров с участием Ирана, России, США, Европейского союза, а также, вероятно, Китая и Индии, совместно предложить Тегерану, по существу, такие же условия, что были предоставлены КНДР.

Таким образом, есть все основания полагать, что российско-американские связи по своему содержанию могут стать партнерскими.

БУДУЩЕЕ МИРОУСТРОЙСТВО: КТО В ЦЕНТРЕ?
Вместе с тем ряд факторов явно затрудняют развитие двусторонних отношений России и Соединенных Штатов.

В первую очередь к ним можно отнести разное видение миропорядка, идущего на смену конфронтационной двухполярной системе. Россия считает, что после окончания холодной войны развивается объективный процесс становления многополярного мира. Во-первых, нельзя недооценивать такой «полюс», как Китай с его почти

десятипроцентным устойчивым экономическим ростом и постоянно увеличивающейся долей в приросте мирового ВВП. По этому показателю КНР уже обогнала США.

Во-вторых, не стоит игнорировать и значение такого центра экономической силы, как Евросоюз. Даже несмотря на неопределенность военно-политических перспектив ЕС, возросшую после провала референдумов по общеевропейской Конституции, очевидно, что экономическая интеграция в Европейском союзе необратима. Так или иначе, но процесс становления Евросоюза в качестве одного из мировых полюсов продолжится.

Россия, преодолевая многие трудности, тоже движется в сторону укрепления своего экономического потенциала. Ее экономика демонстрирует высокие темпы роста: по имеющимся прогнозам, в 2005 году этот показатель будет находиться в пределах 6 % ВВП. Профицит федерального бюджета составит 7 % ВВП, быстро пополняются золотовалютные запасы, досрочно погашается долг Парижскому клубу стран-кредиторов. Кредитный рейтинг России достиг инвестиционного уровня.

С учетом своей истории, интеллектуальных ресурсов, масштабов, огромных природных богатств и, наконец, уровня развития Вооруженных сил Россия не согласится с положением «ведомого» государства, она будет утверждаться в роли самостоятельного центра многополярного мира.

Некоторые рассматривают установление многополярной системы как возвращение «по спирали» к мироустройству, сходному с существовавшим до Второй мировой войны. Тогда, дескать, все закончилось появлением враждующих союзов. Между тем сегодняшний многополярный мир формируется совершенно в иных условиях: на фоне процессов глобализации, экономической взаимозависимости стран, уже вписанных в общую мировую экономику, отхода от конфронтации на общепланетарном уровне. Все это препятствует не только созданию коалиционных военно-политических альянсов между различными мировыми полюсами, но и очередному сведению системы к нескольким соперничающим центрам.

Вашингтон же, полагаясь на свое нынешнее превосходство, исходит из того, что центральное положение в будущей мировой системе займут Соединенные Штаты. Остальным же государствам придется в конечном счете следовать продиктованным американцами «правилам поведения».

Такое видение мироустройства уже сегодня обуславливает ряд опасных шагов, приводящих элемент дезорганизации в междуна-

родную обстановку. Основной из них — одностороннее принятие решений о применении силы, как это произошло в отношении военной операции в Ираке. Вместе с тем Ирак — показатель несостоятельности такой линии.

Прежде всего это дестабилизация положения в одной из ключевых стран ближневосточного региона. Иракское урегулирование в обозримом будущем едва ли возможно. Ключ к стабильности ищут в федеративном устройстве, которое, однако, означает сохранение враждебности по отношению к режиму со стороны значительной части населения — суннитов, поскольку нефтяные богатства сосредоточены на территории потенциальных автономий шиитов и курдов (на юге и севере страны).

Возникает также угроза «интернационализации» курдской проблемы. Турция уже заявила, что не станет сидеть сложа руки, если в автономии курдов в соответствии с их требованиями будет включен Киркук.

Что касается автономии шиитов на юге Ирака, то с учетом нынешнего сильного влияния исламско-экстремистских элементов и их тесных связей со своими «союзниками» в соседней стране это может самым неблагоприятным образом сказаться и на внутренних процессах, происходящих в Иране.

В Ираке терпит провал одна из основных составляющих доктрины Буша — идея насильственного распространения демократии, которую Вашингтон пытается реализовать не только на Ближнем Востоке, но и на постсоветском пространстве. В так называемых «цветных» революциях в Украине и Грузии практически открыто участвовали как различные американские фонды, так и дипломатические представители, что само по себе не может не настораживать. А учитывая результаты, например, украинской «оранжевой революции», можно, мягко говоря, задуматься о целесообразности подобной тактики.

На практике построение демократии в Ираке оказалась куда более трудной задачей, чем одномоментное свержение диктаторского режима. Сегодня лишь редкие наблюдатели не видят крайне негативных последствий американской военной акции. Хотя Вашингтон и провозглашает своей целью демократизацию Ирака, но это государство постепенно теряет светский характер. Перспектива исламизации реальна, как минимум, в шиитской части будущей федерации, причем на границе с шиитским Ираном. Тегеран, как известно, отказался от практики экспорта исламской революции, в стране произошли позитивные, хотя и носящие противоречивый характер перемены. Не качнется ли в Иране маятник в обратную сторону? Симптоматично, что по настоянию шиитов в проект новой

иракской Конституции внесено положение о том, что «Ирак является частью исламского мира». Сунниты требовали заменить этот тезис, предложив свой вариант: «Ирак является частью арабского мира». Но с ними не посчитались.

В результате военной операции США Ирак превратился в один из главных плацдармов международного терроризма. Действуя по принципу сообщающихся сосудов, «Аль-Каида» перебросила в Ирак свои основные силы из так называемой «зоны племен» на пакистано-афганской границе.

Предполагаемое принятие Соединенными Штатами доктрины превентивного применения ядерного оружия, широко обсуждаемое в последнее время американскими политологами, также может негативно сказаться на развитии отношений между Россией и США. Возникает вопрос: против кого планируется превентивно применять ядерное оружие? Против террористов? Против стран, подобных Ирану? От законодательного закрепления этой доктрины рукой подать до новой политики «сдерживания», а следовательно, и втягивания России в гонку вооружений, пусть даже асимметричную.

В создавшихся условиях особое значение приобретает укрепление доверия между обоими государствами. Установлению доверительных отношений, однако, препятствует тот факт, что сведения о ситуации внутри России руководство США получает главным образом из источников, оппозиционных президенту РФ. Ужесточение американского подхода во многом обусловлено тем, что эта информация (о «повсеместном зажиме гласности», об «отказе от демократических принципов» и т. п.) носит однобокий характер, а подчас и просто не соответствует действительности. Укрепление доверия предполагает отказ от двойных стандартов в оценке как собственных шагов, так и действий противоположной стороны.

Необходимо всемерно развивать экономические отношения между Россией и США. Большое значение в этом плане имеют американские инвестиции в российскую экономику. Естественно, нужно повысить инвестиционную привлекательность России, что требует совершенствования российского законодательства и правоприменительной практики. Нормы права должны в полной мере распространяться на области обеспечения экономической безопасности, на урегулирование хозяйственных споров.

Доверие и сотрудничество — вот два направления, которые могут обеспечить нормальное развитие российско-американских отношений в интересах не только обеих стран, но и всего мира.

На пути к «качественно новым отношениям»

Томас Грэм

[...] Уже в начале своего президентства Джордж Буш призвал к «качественно новым отношениям» с Российской Федерацией. Таким, которые соответствовали бы вызовам и возможностям XXI века и исходили бы из того, что лучше иметь дело с Россией, действующей на нашей стороне, чем с Россией, играющей против нас.

Во-первых, это Россия, интегрированная в две ключевые с точки зрения экономики и безопасности зоны (Евро-Атлантический регион и Северо-Восточная Азия) и служащая звеном между ними.

Во-вторых, для стран, входящих в эти зоны, она должна стать важным партнером в сфере борьбы с терроризмом и распространением ядерного оружия, особенно в регионах, расположенных к югу, то есть на «расширенном Ближнем Востоке», на Кавказе и в Центральной Азии.

В-третьих, это Россия, вносящая свой вклад в международные коалиции по поддержанию региональной стабильности и оказанию гуманитарной помощи.

В-четвертых, это надежный поставщик энергии на глобальные рынки на коммерческих условиях.

В-пятых, это страна, способная участвовать в реализации планов президента США по освоению космического пространства и развитию высоких технологий.

И, в-шестых, это Россия, ставшая прочной рыночной демократией.

Со времени первой встречи президентов Джорджа Буша и Владимира Путина в Словении в 2001 году [...] в отношениях случались и подъемы, и спады. Однако, вопреки доминирующим оценкам российских и американских наблюдателей, я готов утверждать, что тенденция в целом была позитивной. [...] Чтобы добиться полноценного партнерства, необходимо прежде всего помнить, что оно подразумевает взятие на себя долгосрочных обязательств. [...] Скептикам обеих стран нужно продемонстрировать, что американо-российские отношения являются по-настоящему содержательными и уже приносят ощутимые плоды. Отчасти именно к этому стремились оба президента, выдвигая на саммите в Братиславе в начале 2005 года инициативы, связанные с сотрудничеством в области ядерной безопасности, с антитеррористической борьбой, энергетикой, торговлей и инвестициями, освоением космоса, предоставлением гуманитарной помощи, борьбой с ВИЧ/СПИДом и программами по обмену.

Томас Грэм – специальный помощник президента США, старший директор Совета национальной безопасности по России. Данный материал представляет собой выдержки из его выступления на конференции Американского института предпринимательства по исследованию общественной политики в октябре 2005 года.

[...] На сегодняшний день мы добились значительного прогресса в реализации данных инициатив.

Что касается сотрудничества в области ядерной безопасности – ключевом элементе нашей взаимной безопасности, мы договорились о том, на каких из российских ядерных установок будет проведена ускоренная модернизация систем безопасности. [...]

Мы определили приоритеты в графике возвращения неиспользованного и отработанного высокообогащенного уранового топлива со спроектированных США и Россией исследовательских реакторов в третьих странах. (Самый свежий пример подобных усилий – возвращение такого топлива в Россию с реактора в Чехии.)

В области борьбы с терроризмом мы договорились об обмене информацией по переносным зенитно-ракетным комплексам. Мы также осуществляем обмен мнениями по вопросу о предотвращении случаев изготовления самодельных взрывных устройств, которые несут серьезную угрозу нашим силам в Ираке и российским в Чечне. Продолжаются усилия по разрушению финансовых сетей, оказывающих поддержку террористам.

Мы успешно движемся к завершению наших двусторонних переговоров о вступлении России во Всемирную торговую организацию, одновременно настаивая на принятии энергичных мер по защите и обеспечению прав на интеллектуальную собственность.

Растут перспективы сотрудничества в области энергетики; ряд проектов уже осуществляется, объявлено о новых контрактах. «Газпром» продвигается к заключению сделок, благодаря которым сжиженный природный газ с гигантского Штокмановского месторождения в Баренцевом море сможет поступать на рынки США уже в конце текущего десятилетия.

Американо-российские предприятия, деятельность которых основана на партнерских отношениях между государственным и частным секторами, активно работают над повышением информированности населения России по проблеме ВИЧ/СПИДа и выработкой рекомендаций для третьих стран.

[...] Такое позитивное взаимодействие имеет первостепенное значение для формирования атмосферы доверия, необходимой при урегулировании более сложных и деликатных проблем. Одна из них связана с соседями России – бывшими республиками СССР. Мы поддерживаем независимость и территориальную целостность примыкающих к России государств так же, как поддерживаем независимость и территориальную целостность других стран мира.

Прогресс демократии и утверждение принципов свободного рынка – наилучшая долгосрочная гарантия безопасности и процветания, а также самая эффективная защита от экстремистских идеологий и террористических сил. Соседство с демократическими и процветающими странами принесет России пользу и поспособствует ее дальнейшей интеграции в глобальные структуры безопасности и экономики. В целях дальнейшего продвижения этих интересов мы будем продолжать работу со странами Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии на двусторонней и многосторонней основе.

Однако наши усилия отнюдь не направлены на то, чтобы нанести ущерб отношениям России с этими государствами. По множеству исторических, культурных, политических, экономических и иных причин данные страны будут занимать особое место в ряду российских приоритетов. [...] Трудно представить себе существование долгосрочных структур безопасности и экономики вдоль российских границ без активного участия России в их работе.

Но согласование и сочетание интересов [...] представляют собой сложную проблему, особенно учитывая новые тенденции и особые условия в Восточной Европе, на Кавказе и в Центральной Азии. Для решения данной задачи не подходит логика игры с нулевой суммой – требуется более творческий подход. Поэтому, по мере того как мы будем строить отношения с этими ныне самостоятельными странами, мы готовы встречаться с нашими российскими коллегами – как и с коллегами из этих регионов – и обсуждать соответствующие шаги. Российская сторона уже дала понять, что будет приветствовать такую дискуссию.

Кое-кто в России, кажется, полагает, что прогресс демократии в соседних странах – результат американского заговора с целью ослабить Россию и в конечном счете вытеснить ее из сферы влияния на данные государства. Это – глубоко неправильное истолкование ситуации. То, что мы наблюдаем в Грузии, Украине, Киргизии и других районах, – постепенный выход на передний план общественной жизни первого по-настоящему постсоветского поколения. Поколения, связанного с внешним миром, побывавшего за границей, своими глазами увидевшего достижения рыночных демократий и стремящегося повторить этот успех у себя дома. Налицо не экспорт из Америки, а естественная эволюция постсоветских государств. И такое положение дел надо приветствовать, а не сдерживать.

Президент Буш ясно дал понять, что распространение свободы и демократии жизненно важно для безопасности Америки и что общность ценностей демократии и свободы имеет первостепенное значение как основа прочного американо-российского партнерства. Вопросам демократии и свободы суждено неизбежно привлекать к себе все больше внимания по мере того, как президент Путин будет готовиться к приему саммита «большой восьмерки» в Санкт-Петербурге летом будущего года, а Россия – приближаться к избирательному циклу 2007–2008 годов.

Именно поэтому мы озабочены в связи с недавними внутренними событиями в России. Концентрация власти в Кремле, сокращение публичного пространства для политических дебатов, снижение подотчетности правительства перед народом – все это лишает власти надежной информации, гибкости и творческих подходов, необходимых для того, чтобы иметь дело с вызовами XXI века и превратиться в партнера Соединенных Штатов – надежного, сильного и уверенного в себе. Эти перемены снижают также уровень доверия и общественной поддержки, который требуется для полной реализации потенциала наших взаимоотношений.

[...] На самом деле за период, прошедший после распада Советского Союза, Россия добилась значительного прогресса. Последние события беспокоят нас не из-за того, что мы опасаемся возврата к советской системе, а потому что мы против дальнейших задержек в развитии демократии, к которой Россия

двигалась в начале XX века, – еще до того, как большевистский переворот отрезал ей этот перспективный путь.

Соединенные Штаты также сознают, что, хотя принципы демократии являются универсальными, формы их проявления в разных странах значительно отличаются в зависимости от местной истории, культуры, традиций и иных факторов. В конечном же счете все мы должны стремиться к тому, чтобы соответствовать одним и тем же фундаментальным международным стандартам.

Поскольку Америку тесно ассоциируют с российскими событиями 1990-х годов – периода, воспринимаемого большинством россиян как время упадка и кризиса, многие в России не доверяют нам, когда мы говорим о демократии или критикуем внутреннюю политику страны, особенно в период устойчивого роста ее экономики. Чтобы снова завоевать доверие российских граждан, нам необходимо продемонстрировать, что мы осознаём всю сложность вызовов, стоящих перед Россией. Наша поддержка верховенства закона и неприкосновенности частной собственности (эти проблемы были подняты в связи с «делом ЮКОСа») не означает, что мы выступаем за социально-экономическую несправедливость, порожденную несовершенным и зачастую коррумпированным процессом приватизации 1990-х годов, или не видим, что накопление колоссальных богатств нередко являлось разлагающим фактором для политической системы России.

Что же касается свободы печати, то здесь речь идет о редакционной независимости и плюрализме мнений, а не о поддержке одной группы олигархов в их борьбе против другой. Наша законная озабоченность серьезными нарушениями в Чечне прав человека со стороны федеральных и промосковских чеченских силовых структур ни в коей мере не уменьшает нашу приверженность к сотрудничеству с Россией в деле противостояния террору и ужасающим актам насилия, таким, как нападение террористов на город Нальчик.

Если Россия хочет создать по-настоящему демократическое общество, ей придется справиться со всеми аспектами стоящих перед ней проблем. Это титаническая задача, и нам не обязательно соглашаться с избранной тактикой или навязывать России свои взгляды. Но мы можем призвать наших российских коллег к тому, чтобы они четко сформулировали свою стратегию упрочения демократии; мы можем познакомиться с их планами и целями, оценить их разумность, а потом следить за тем, действительно ли данная стратегия воплощается в жизнь.

[...] Мы предложим России сотрудничество в тех сферах, в которых наши интересы совпадают, и приложим усилия, чтобы свести к минимуму противоречия там, где интересы расходятся. Мы будем продолжать работать с российскими единомышленниками в правительстве и вне его над продвижением демократии в России, поскольку прогресс демократии имеет первостепенное значение для прочного партнерства. И мы ясно дадим понять, что при любых обстоятельствах мы готовы защищать свои интересы, ценности и друзей. Таков подход, которого мы придерживались в минувшие четыре года, и таков подход, который, с моей точки зрения, лучше всего позволяет реализовать всё еще многообещающие перспективы американо-российского партнерства.

Партнерство в борьбе с угрозами: что осталось?

Владимир Дворкин

Каким потенциалом партнерства с Западом в деле противодействия угрозам безопасности располагает Россия начала XXI столетия? Что сохранилось от советского стратегического наследства и что создано в новой России? От ответов на эти вопросы зависят как расстановка приоритетов в сохранении и модернизации этого наследства, так и дальнейшие шаги по формированию нового потенциала взаимодействия.

Термин «партнерство» часто употребляется слишком расширительно. Например, так называемое «Глобальное партнерство» (план действий, принятый на саммите «большой восьмерки» в июне 2003 года в Эвиане) предусматривает оказание России помощи в размере 20 млрд долларов на ликвидацию накопленных запасов химического оружия, утилизацию атомных подводных лодок, укрепление физической защиты объектов с ядерными материалами и т. п. Участие в этом финансировании, согласно плану, должны принять не только члены «большой восьмерки», но и еще по крайней мере 10 европейских стран, а также Австралия, Новая Зеландия и Южная Корея.

Россия обязалась выделять на эти цели по 200 млн долларов в год. Но это обстоятельство не делает подобное партнерство менее похожим на «сотрудничество» пациента, находящегося под капельницей, с бригадой врачей у его постели. В данной статье внимание будет уделено главным образом такому партнерству, о котором можно говорить как об относительно равноправном.

В.З. Дворкин — главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, профессор, генерал-майор запаса.

ВОЗМОЖНО ЛИ ПОЛНОПРАВНОЕ ПАРТНЕРСТВО?

Непосредственная угроза прямой агрессии против России каких-либо государств и их коалиций в обозримой перспективе отсутствует. А что же касается других угроз военной безопасности, то их спектр скорее расширился. Факторы, подрывающие безопасность практически всех цивилизованных государств (действия международных террористических организаций и распространение оружия массового уничтожения), представляют собой особую опасность для России из-за ее геостратегического положения и недостаточной защищенности границ.

Вблизи территории Российской Федерации не исключены крупные региональные вооруженные конфликты и их эскалация, в том числе с применением ядерного оружия. Их возникновение потребует от Вооруженных сил нашей страны принятия мер специального сдерживающего реагирования.

Кроме того, следует иметь в виду необходимость защиты космической инфраструктуры на территориях иностранных государств, объектов и сооружений Российской Федерации в Мировом океане, судоходства, промысловой и других видов деятельности в прилегающей морской зоне и на значительном удалении от нее.

Все это свидетельствует о том, что роль военной силы в начале XXI века не уменьшилась, а продолжает возрастать. Практически все угрозы носят трансграничный характер, при этом ресурсов даже наиболее могущественных государств (к которым Россия пока не относится) недостаточно для эффективного противодействия перечисленным вызовам. Необходимо тесное международное сотрудничество. Поэтому России нужны такие военные структуры, которые были бы способны эффективно взаимодействовать с аналогичными зарубежными. Для этого обязательно наличие, как минимум, двух условий: совместимости таких структур и сопоставимого вклада партнеров в общую систему противодействия угрозам.

На первый взгляд, подобное партнерство уже претворяется в жизнь под эгидой Совета Россия – НАТО. По его рекомендациям работают более 20 совместных групп, проводятся объединенные учения, отдельные миротворческие операции, другие мероприятия с участием воинских контингентов России и государств НАТО, осуществляется военно-техническое сотрудничество.

Однако о равноправном партнерстве говорить не приходится. Чтобы Вооруженные силы РФ могли полноценно участвовать в ко-

алиционных операциях (региональные вооруженные конфликты, миротворчество, силовое блокирование поставок ОМУ, средств его доставки и другие операции по контрраспространению), требуется высокий уровень их структурной, оперативной и технологической совместимости с подразделениями НАТО. В том числе с точки зрения профессиональной, правовой и гуманитарной подготовки личного состава.

Российская же армия, представляющая собой ухудшенный вариант Советской армии, для такого партнерства приспособлена в наименьшей степени. После необоснованных перетрясок видов ВС и родов войск Вооруженные силы России, по существу, сохранили устаревшую структуру и органы управления. Продолжается прогрессирующее старение вооружения и военной техники. Моральный и физический износ основных фондов оборонно-промышленного комплекса (ОПК) составляет 80 %, а это уже закритический уровень. Утрачиваются технологии, имеющие ключевое значение для обороноспособности страны. В том, что касается средств разведки, систем и средств боевого управления и связи, высокоточного оружия, технологический разрыв между вооруженными силами нашей страны и США (НАТО) продолжает увеличиваться.

Для преодоления образовавшегося дисбаланса потребуются радикально модернизировать ОПК, сформировать объединенные командования разнородными компактными силами и средствами, внедрить перспективные формы и способы ведения операций с использованием интегрированных средств разведки, систем и средств боевого управления и связи, высокоточного оружия авиационного, наземного и морского базирования. Но все это уже есть на вооружении армий США и – в определенной степени – наиболее развитых европейских стран – членов НАТО. И за то время, пока (и если) Россия будет двигаться в том же направлении, они уйдут значительно дальше.

По этим причинам в обозримой перспективе прямого и полноправного военного партнерства России и Запада ожидать не приходится. Вместе с тем в качестве элементов косвенного партнерства можно рассматривать, например, поставки вооружения и военной техники правительственным войскам в Афганистане, которые обучены обращению с оружием главным образом советских образцов. Не исключено участие отдельных структур Вооруженных сил России во вспомогательных операциях, таких, как предо-

ставление своих военных баз, транспортное обеспечение, наведение понтонных переправ и проч.

«АНТИРАКЕТНОЕ» ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В других сферах обеспечения безопасности еще сохраняется потенциал относительно полноценного сотрудничества, унаследованный от Советского Союза и получивший некоторое развитие в России. В частности, речь может идти о противодействии распространению ракет и ракетных технологий и создании системы противоракетной обороны (ПРО).

Но насколько вообще актуально и приоритетно это направление противодействия новым угрозам? Ведь имеющиеся в распоряжении большинства авторитарных режимов ракеты не представляют собой серьезной угрозы, не будучи оснащены боезарядами с ОМУ, прежде всего ядерным. К тому же, по-видимому, не столь сложно, используя любой транспорт, обеспечить тайную доставку в те или иные города ядерных взрывных устройств или боезарядов (целиком или по частям с последующей сборкой). И это намного опаснее и реальнее, чем ракеты.

Вместе с тем стремительное распространение новых технологий, в том числе связанных со спутниковой навигацией, позволяет относительно быстро превратить баллистические ракеты с обычным оснащением в высокоточное оружие. Попадание таких ракет в АЭС, объекты и склады с радиоактивными материалами, химическими и другими веществами, сотнями находящиеся на территории практически любого мегаполиса, чревато катастрофическими последствиями.

Между тем в странах с нестабильными режимами развернуты сотни баллистических ракет, и даже если небольшая их часть будет оснащена ядерными зарядами, они станут значительно более серьезной угрозой по сравнению с другими вариантами доставки подобного рода зарядов. Поэтому сотрудничество по противодействию дальнейшему распространению ракетного вооружения чрезвычайно актуально.

К середине 1980-х годов в СССР были окончательно завершены начатые еще в конце 1950-х строительство и модернизация наземного эшелона системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН). В ее состав входили восемь радиолокационных станций (РЛС) по периметру границ в районе Мурманска, Печоры, Скрунде, Мукачева, Севастополя, Габалы, Балхаша и Иркутска. Принятые

на боевое дежурство РЛС «Дарьял» в Габале и Печоре до сих пор считаются непревзойденными по своим возможностям обнаружения баллистических целей в отведенных им секторах.

После распада СССР пять из восьми РЛС СПРН оказались за пределами России. РЛС «Днепр» в Скрунде была разрушена. Ее функции вначале частично выполнялись РЛС «Дунай-3У» системы ПРО Московского региона, а затем практически полностью — новой, РЛС «Волга» (в районе Барановичей), введенной в эксплуатацию в 2003 году.

Главным назначением СПРН всегда считалось раннее обнаружение одиночных, групповых и массированных запусков баллистических ракет наземного и морского базирования США, Великобритании, Франции и Китая. На основе информации, полученной от СПРН, руководство страны должно за считанные минуты принимать соответствующие решения, прежде всего об ответных действиях и запуске ракет с целью их вывода из-под разоружающего удара.

Целесообразность сохранения подобных планов применения стратегических ядерных сил в радикально изменившейся военно-политической обстановке заслуживает отдельного анализа. Достаточно отметить, что отказ России и США от планов вывода своих ракет из-под удара, то есть от ответно-встречных действий (ударов), в складывающихся условиях не только не обесценивает роль СПРН, но и повышает их значимость в противодействии новым угрозам. Именно такие системы позволяют исключить неадекватную реакцию на провокационные ракетные удары со стороны государств с непредсказуемыми режимами и обеспечивают надежный инструментальный контроль за распространением ракет и ракетных технологий.

Это именно та сфера сотрудничества, в которой Россия может играть ведущую роль. В первую очередь потому, что российские РЛС СПРН, расположенные на юге страны, обладают уникальными возможностями контролировать ракетоопасные районы в наиболее нестабильных юго-восточных, южных и юго-западных регионах. Эти возможности значительно превосходят те, что имеются в распоряжении США и других наших западных партнеров. Еще более эффективно такой контроль может осуществляться при совместной работе систем предупреждения России и США. И это признают ведущие американские специалисты.

Так, например, Брюс Блэр, президент Центра оборонной информации в Вашингтоне, приводит данные исследований, в ходе

которых имитировались ситуации с пусками ракет с территории многих стран — от Ближнего Востока до Европы — по различным объектам и с разными траекториями. Сопоставление количества целей, обнаруженных отдельно каждой системой предупреждения, с возможностями совместной СПРН показало, что результативность последней выше на 20–70 %.

Важный шаг в направлении такого сотрудничества был сделан еще в сентябре 1998 года, когда президенты России и США решили создать в Москве общий Центр обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей космических аппаратов. В развитие этого решения в июне 2000-го был подписан соответствующий меморандум. Центр предназначен не только для страховки от случайных запусков ракет обеих стран, но и для контроля за пусками с территории любых государств и акваторий морей и океанов. Выбрано место для Центра, разработано штатное расписание, определены функциональные задачи сотрудников, состав аппаратуры и т. п. В соответствии с Меморандумом, вступившим в силу с момента подписания, Центр должен был приступить к работе ровно через год, то есть не позже июля 2001 года.

Однако он до сих пор остается «замороженным», несмотря на практически полную организационную и техническую готовность и объявленное (в декларации, подписанной в мае 2002-го одновременно с Договором о сокращении стратегических наступательных потенциалов) намерение предпринять шаги, необходимые для начала функционирования Центра. Мелких бюрократических препятствий в этом вопросе немало, в том числе, как утверждают правительственные чиновники, отсутствие согласованных решений о гражданской ответственности за возможное причинение ущерба. Однако при наличии обоюдной политической воли эту проблему можно очень быстро устранить, поскольку ущерб, возможный при работе Центра, будет ничтожным.

Тесное партнерство Москвы и Вашингтона позволит расширить функции Центра за счет привлечения других стран и заложить основы многостороннего режима уведомлений и контроля за ракетными программами, создав таким образом дополнительные, весьма существенные инструментальные и правовые преграды распространению ракет и ракетных технологий в мире.

Если судьба РЛС системы предупреждения о ракетном нападении в Белоруссии и Казахстане пока еще не вызывает опасений, то

этого нельзя сказать о перспективах сохранения в составе российской СПРН двух РЛС в Украине и одной в Азербайджане.

Дрейф Баку в направлении Вашингтона достаточно очевиден. Об этом свидетельствует активизация военного сотрудничества двух стран, прямое участие азербайджанских военнослужащих в операциях коалиционных сил в Ираке и Афганистане. И хотя количество шагов в сторону США не обязательно означает соответствующее отдаление от России, статус российской военной базы на территории Азербайджана (габалинская РЛС) в перспективе нельзя считать определенным.

Ситуация с двумя РЛС российской системы предупреждения в Украине в перспективе также не вызывает оптимизма: Киев стремится вступить в НАТО, и произойти это может достаточно быстро. Тогда возникнут и юридические проблемы нахождения на территории Украины военных баз, принадлежащих странам, не входящим в структуру Североатлантического альянса.

Конечно, можно было бы говорить о целесообразности остановить падающее влияние России как в Азербайджане и Украине, так и на всем постсоветском пространстве. Но это, по-видимому, не только отдаленная, но и вообще с трудом просматриваемая перспектива. Слишком много времени потеряно, допущены труднопоправимые политические ошибки. Для их преодоления потребуются определенные усилия по формированию политически и экономически привлекательной страны с устойчивыми демократическими структурами. Нужно избавиться от очевидной двойственности по отношению к Североатлантическому альянсу: развивающееся партнерство в рамках Совета Россия – НАТО находится в явном противоречии с постановкой в качестве главной задачи российских Вооруженных сил готовности к отражению воздушно-космического нападения, которое никто, кроме НАТО, совершить не способен. А ведь общее нарастание глобальных угроз безопасности дает основание полагать, что оптимальным вариантом новой политики явилось бы не только реальное, но и даже формальное слияние с НАТО.

Для сохранения российского потенциала партнерства в сфере противодействия распространению ракет, способных нести оружие массового уничтожения, следует прежде всего «разморозить» совместный с США Центр обмена данными о пусках ракет, а в дальнейшем расширить его функции для полномасштабного международного сотрудничества. Тогда и Соединенные Штаты, и весь Запад бу-

дуг заинтересованы в том, чтобы зарубежные РЛС не выпали из контура российской СПРН.

ГЛОБАЛЬНАЯ ПРО

Иначе дело обстоит с партнерством в создании системы противоракетной обороны. Казалось бы, здесь Россия даже вышла в лидеры, поскольку только она располагает действующей стратегической ПРО Московского региона. Однако опыт ее строительства и использованные при этом технологии не представляют практического интереса для США и Европы. Во-первых, потому, что в основе данной ПРО лежит принцип ядерного перехвата атакующих ракет. А поскольку ничто не указывает на характер их заряда – ядерный, химический или обычный, то в ответ на запуск даже простой болванки над Москвой может быть устроен ядерный фейерверк со всеми вытекающими отсюда последствиями. Во-вторых, в США практически такая же система ПРО уже была развернута и ровно 30 лет назад демонтирована по решению Сената.

В известном смысле началом полномасштабного сотрудничества между Россией и Западом по созданию ПРО различного масштаба можно считать поочередно проходящие в течение ряда лет в Колорадо-Спрингс и Москве совместные компьютерные учения российских и американских военных специалистов по системам противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД). На них отрабатывались совместимость и координация действий информационных и огневых средств типа С-300 и *Patriot* при отражении атак баллистических ракет тактического назначения на объекты ТВД. В 2004 году в Колорадо-Спрингс прошли первые учения такого типа с участием российских и теперь уже натовских специалистов.

Особенность ПРО США состоит в том, что ее можно считать первой из ряда широкомасштабных военных программ, не нацеленных на отражение ракетных угроз, исходящих от конкретных противников, а основывающихся на принципе «развитие в соответствии с возможностями».

Этот принцип вписывается в Стратегию национальной безопасности США, которая должна учитывать беспрецедентную непредсказуемость развития военно-политической обстановки в мире после распада биполярной системы. Тем более что еще в 1999–2000 годах в разведсообществе Соединенных Штатов рассматривали перспективные сценарии, при осуществлении которых Россия могла бы

выступать в качестве и стратегического союзника, и противника. После трагедии 11 сентября говорить о России, полностью поддерживающей Вашингтон в антитеррористической борьбе, как о вероятном противнике стало неуместным. Представители администрации США постоянно утверждают, что американская ПРО не направлена против потенциала ядерного сдерживания России.

Несколько лет назад в докладе ЦРУ указывалось, что ракетные угрозы территории Соединенных Штатов со стороны стран-изгоев могут возникнуть не ранее 2015-го, что практически совпадало с оценками российских специалистов. Однако такой прогноз устраивал в США далеко не всех, и специальная комиссия под руководством министра обороны Доналда Рамсфелда сместила угрозы на добрый десяток лет, «назначив» их на 2005 год. Это стало мощным аргументом команды Джорджа Буша-младшего в пользу отказа от Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО) 1972 года (против чего выступала Россия), а также стимулировало полномасштабные планы по развертыванию системы ПРО территории страны. На сегодняшний день реальной ракетной угрозы для американской территории как не было, так и не предвидится — ведь странам-изгоем необходим продолжительный период времени для подготовки и проведения летных испытаний, что скрыть невозможно. В результате концепция «развитие в соответствии с возможностями» превратилась в способ не отвечать на неприятные вопросы о том, существуют ли провозглашенные угрозы в реальности или в воображении высшего военно-политического руководства Соединенных Штатов.

Сколь сложными ни были бы непосредственные проблемы сотрудничества Москвы и Вашингтона в области ПРО (взаимное недоверие, бюрократические препятствия, опасения в связи с обменом чувствительными технологиями), сама возможность и целесообразность сотрудничества зависят от состояния разработки ПРО США.

Работы по стратегической ПРО не прекращались в Америке на протяжении нескольких десятилетий, но особенно мощный толчок был дан им в начале 1980-х годов. Представление о том, что концепция «звездных войн» не предназначалась для ее реализации, а имела целью подорвать экономику Советского Союза, вряд ли соответствует действительности. Напомним, что президент Рональд Рейган еще в 1983-м заявил, что речь идет о длительной программе, которую не удастся закончить в текущем столетии.

Анализ состояния испытываемых в настоящее время огневых средств ПРО США показывает, что участие российских проектных организаций в этих процессах затруднено хотя бы потому, что отечественные технологии в области сенсоров, элементной базы и т. п. вряд ли могут оказаться привлекательными. Затруднительно использовать и опережающий российский опыт и технологии создания высокоскоростных разгонных ступеней для стратегических противоракет *GBI*, первые из которых уже развернуты на Аляске. Главным образом из-за необъяснимой, на грани авантюризма, поспешности, с какой американцы приступили к развертыванию недостаточно отработанной системы.

Вместе с тем разрабатываемые в Соединенных Штатах средства перехвата баллистических ракет на активном участке траектории имеют ряд недостатков, препятствующих их эффективному использованию. На это, в частности, указывает доклад «Системы перехвата на активном участке для национальной противоракетной обороны», представленный рабочей группой Американского физического общества (опубликовано в июле 2003 года).

Аналитики показали, что перехват ракет может быть выполнен, если скорость перехватчика значительно превысит развиваемую в настоящее время. Без этого не осуществить перехват ракет, стартующих из внутренних районов стран — потенциальных противников. По технологии создания высокоскоростных ракет-перехватчиков и твердого ракетного топлива Россия опережает аналогичные американские разработки по крайней мере лет на десять. Поэтому сотрудничество могло бы быть исключительно эффективным при создании нового поколения средств ПРО, предназначенных для поражения всех типов ракет на активном участке траектории.

Однако этим направлением возможные перспективы взаимодействия России и США не исчерпываются. Успех борьбы с ракетами решающим образом зависит от потенциала наземных, космических и морских информационно-разведывательных систем. Об уникальных возможностях российских РЛС системы предупреждения, тем более включенных в информационный контур совместной ПРО, сказано выше. Не менее тесное сотрудничество возможно при развертывании низкоорбитальной спутниковой системы целеуказаний (СТСС), значительно повышающей возможности ПРО.

Космические аппараты этой системы, массой около 650 кг каждый, с датчиками в инфракрасном и видимом диапазоне должны вы-

водиться на круговые орбиты высотой 1 350–1 400 км с наклоном 60–70 градусов. Для размещения их на орбитах могут быть использованы конверсионные «тяжелые» ракеты, разработанные по российско-украинскому проекту «Днепр». Энергетические характеристики ракеты в период гонки стратегических вооружений доведены по удельным показателям до самых высоких в мире в своем классе.

Несколько подобных носителей, переоборудованных из межконтинентальных баллистических ракет РС-20, снимаемых с вооружения по мере истечения сроков эксплуатации, уже продемонстрировали высочайшую надежность. Они были успешно использованы в коммерческих проектах для запуска иностранных спутников.

Такой носитель с разгонной ступенью и двигателями многократного включения может выводить на круговые орбиты высотой до 1 400 км с требуемым наклоном одновременно два космических аппарата СТСС. Это позволяет развернуть низкоорбитальную группировку для информационного обеспечения глобальной ПРО с существенно меньшими затратами.

НА ЕВРОПЕЙСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Сотрудничество России с Европой по созданию ПРО вряд ли реально без участия Соединенных Штатов – ведь военные структуры Европейского союза только зарождаются. Скорее можно рассчитывать на экономический и технологический вклад европейцев в глобальную ПРО. Они также готовы предоставить свою территорию для новых объектов ПРО США; судя по сообщениям СМИ, переговоры об этом ведутся с восточноевропейскими государствами, недавно принятыми в НАТО.

Точка зрения на то, что предложения Москвы о создании ПРО для Европы являются безуспешной попыткой внести разлад в отношения между Евросоюзом и Соединенными Штатами, неоправдана. Ведь в 2000 году тогдашний министр обороны России Игорь Сергеев впервые представил детальные предложения о европейской ПРО не европейцам, а генсеку НАТО Джорджу Робертсону. Речь тогда шла только о ПРО ТВД, поскольку действовали ограничения Договора по ПРО. Еще не была окончательно потеряна надежда на то, что в пакете документов с продлением срока окончания сокращения вооружений по Договору СНВ-2 в силу вступит Соглашение между Россией и США о разграничении стратегической и нестратегической ПРО. Однако в новых условиях предложения Москвы со-

трудничать с Европой только в сфере нестратегической ПРО представляют собой по меньшей мере анахронизм. Это относится и к ограничению совместных компьютерных учений с США и НАТО рамками ПРО ТВД.

Вместе с тем американский принцип «развитие в соответствии с возможностями» вне потенциальных ракетных угроз для большинства европейских государств едва ли вызовет у них энтузиазм. Предварительно придется провести анализ таких угроз для Европы с учетом в том числе и поставок ракетных технологий из Северной Кореи в Иран, где на основе баллистических ракет средней дальности «Тэпходон-2» создается ракета «Шехаб-5» (дальность около 3,5 тыс. км), ракет «Дунфэн-3» (более 2,6 тыс. км) из Китая в Саудовскую Аравию. Стимулом для участия европейских государств в такой масштабной программе может послужить и их стремление не допускать дальнейшего увеличения технологического разрыва с США.

Таким образом, сотрудничество России с Европой приходится рассматривать в контексте построения глобальной ПРО, которая в перспективе защищала бы от ракетных атак территории США, России и Европы. Изолированное сотрудничество с ЕС или отдельными государствами в Европе, скорее всего, нереально по военно-политическим и технологическим причинам.

Для ПРО Европы могут быть востребованы новейшие российские инновации в области РЛС с высокой степенью заводской готовности, пригодится передовой опыт разработки уникального программного обеспечения для обнаружения атакующих ракет и селекции боеголовок на фоне ложных целей и помех, а также другие технологии. Россия располагает развитой полигонно-испытательной инфраструктурой, которая включает в себя сеть пунктов радиолокационных, оптикоэлектронных и телеметрических станций.

Следовательно, потенциал партнерства России и Запада в целях противодействия угрозам, связанным с неконтролируемым распространением ракет с оружием массового уничтожения, в создании глобальной ПРО пока сохраняется. Возможно, что в обозримой перспективе это может быть практически единственной сферой относительно равноправного военного и военно-технического сотрудничества.

В сохранении такого потенциала заинтересована не только Россия, но и Запад; это необходимо осознать как можно скорее и предпринять совместные усилия. Ведь из-за падения влияния России на

постсоветском пространстве она может столкнуться с достаточно сложной проблемой удержания в едином контуре СПРН всех зарубежных РЛС, без которых глобальный и эффективный мониторинг распространения ракет практически невозможен.

Не менее важным следовало бы считать сотрудничество России, США и Европы в научно-исследовательских, опытно-конструкторских работах, в развертывании боевых и информационных систем ПРО. Если в обозримой перспективе решения о сотрудничестве в рассматриваемой области будут приняты, то практически неизбежно образование уникальной кооперации военно-промышленных структур России, США и ведущих европейских государств.

При этом необходимо ориентироваться не только на совместную разработку глобальной ПРО, но и, как минимум, на общее использование ее информационных систем. Это могло бы стать как самым убедительным свидетельством необратимости отказа от конфронтации в любой форме, так и важнейшим шагом на пути к реальному стратегическому партнерству.

Более трех десятилетий системы предупреждения о ракетном нападении и ПРО оставались важнейшей сферой стратегического соперничества между СССР/Россией и Соединенными Штатами. В новых условиях при достаточном благоразумии и политической воле они могли бы стать не менее важным позитивным фактором консолидации усилий в противодействии глобальным вызовам безопасности.

Мир один и здоровье одно

Уильям Кейриш, Роберт Кук

НЕРАЗРЫВНАЯ СВЯЗЬ

Вспышки таких болезней, как птичий грипп, атипичная пневмония, лихорадка Эбола и коровье бешенство, зарегистрированные в последние годы, пугают население, подрывают мировую торговлю, наносят громадный экономический ущерб и отрицательно сказываются на дипломатических отношениях. Кроме того, все эти болезни отличаются одним важным и весьма неприятным качеством — способностью преодолевать межвидовой барьер, разделяющий животных и человека. Чтобы выжить, вирусам, вызывающим данные заболевания, не требуется человек-носитель, и в результате все они по-прежнему существуют далеко за пределами медицинского вмешательства.

Межвидовые заболевания начинают угрожать человечеству «благодаря» таким современным достижениям и явлениям, как скоростные грузовые и пассажирские перевозки, растущая плотность населения на планете и все бóльшая зависимость нашего питания от увеличения поголовья домашнего скота. Глобальные перевозки животных и животноводческой продукции, в том числе сотен видов дикой фауны, способствуют также и свободному перемещению опасных бактерий, вирусов и грибков, носителями которых являются животные и птицы. Это относится и к прионным белкам, вызы-

Уильям Кейриш — директор Программы по полевой ветеринарии в Обществе охраны дикой природы и сопредседатель Группы специалистов по ветеринарии при Всемирном союзе охраны природы. **Роберт Кук** — вице-президент и главный ветеринар Общества охраны дикой природы. Данная статья опубликована в журнале *Foreign Affairs* за июль — август 2005 г. © *Council on Foreign Relations Inc.*

вающим такие коварные болезни, как коровье бешенство или хроническая изнуряющая болезнь оленей и лосей.

Риск возрастает еще и за счет того, что, хотя многие жители развитых стран вряд ли купят мясо, если оно не упаковано в прозрачный пластик, подавляющее большинство населения земного шара и поныне по-прежнему забивает скот на мясо своими руками либо покупает сырое, соленое и копченое мясо на рынках под открытым небом. Рынки эти, как правило, не проверяются органами здравоохранения, а у потребителей редко есть доступ к качественным медицинским услугам, санитарно-гигиеническому просвещению, обычным вакцинам или антибиотикам.

Проблема зачастую не только в местной или национальной системе здравоохранения, но и в том, что на международном уровне не существует ни одного органа, обязанного или способного проводить мониторинг и профилактику бесчисленного множества заболеваний, которые сегодня могут преодолевать межгосударственные границы и барьеры между биологическими видами. Говоря более конкретно, ни у одной организации нет мандата на проведение политики, основанной на простой, но жизненно важной идее: между здоровьем людей, здоровьем животных и окружающей всех нас средой существует неразрывная связь.

Иными словами, Министерство сельского хозяйства США, например, занимается только защитой американской животноводческой отрасли и в последние двадцать лет уделяет все меньше внимания вопросам состояния животных за пределами территории Соединенных Штатов. Несмотря на новые опасения, связанные с возможностью терактов, направленных против продовольственных ресурсов США, Вашингтон по-прежнему не предпринимает значительных усилий с целью изучить и снизить уровень заболеваемости за рубежом, прежде чем недуг доберется до границ США. Организация Объединенных Наций тоже не выделяет ресурсов для решения этой проблемы. Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), к примеру, уполномочена проводить мониторинг продукции животноводства и растениеводства, однако практически не отслеживает угроз и опасностей, исходящих от дикой флоры и фауны. При Всемирной организации охраны здоровья животных (*OIE*) существует (на добровольных началах) комитет, занимающийся болезнями, возбудители которых обитают в мире живой природы, однако он состоит

всего лишь из шести членов, которые собираются вместе только три раза в год. А Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) может вести работу в отдельных странах только на основании официального приглашения, что не дает ей возможности вмешиваться в ситуацию там, где правительство страны либо не знает, либо не желает обнародовать информацию о наличии заболевания на своей территории. Американские центры по контролю и предотвращению заболеваний (*CDC*) должны таким же образом ждать приглашения, чтобы распространить свою деятельность за пределы США.

Все это означает, что на сегодняшний день нет ни одного государственного органа или многосторонней организации, которые занимались бы многочисленными заболеваниями, одинаково угрожающими и людям, и домашним животным, и дикой фауне. Равным образом нет ни одного органа, призванного собирать и сопоставлять весь спектр научных данных, с тем чтобы решения в сфере охраны здоровья принимались на основе результатов исследований специалистов из всех отраслей здравоохранения, работающих как с людьми, так и с домашними и дикими животными.

Между тем болезни не обращают внимания на границы между видами или научными дисциплинами, и если эту истину не признать, человечество окажется в серьезной опасности. Как напомнила миру недавняя вспышка птичьего гриппа, происходящее в одной его части и с одним из биологических видов может привести к смертельным последствиям для других регионов и видов. Планете явно требуется новая парадигма здравоохранения, которая не только объединит усилия разрозненных групп, но и сбалансирует их влияние, чтобы помочь преодолеть имеющийся между ними разрыв. Это особенно необходимо, поскольку непосредственное воздействие того или иного заболевания зачастую оборачивается наименее существенной из проблем. Ведь болезни, которые атакуют и людей, и животных, также чреватые ростом нищеты и гражданскими беспорядками, негативно сказываются на «бесплатных услугах» экосистем. В частности, эти болезни способны заражать питьевую воду или пыльцу растений и ставить под угрозу другие тщательно спланированные усилия по устойчивому экономическому развитию, например шадящий туризм (не наносящий вред окружающей среде. — Ред.). Короче, если мы не разработаем новый глобальный и межвидовой подход к здравоохранению, то с каждым днем это

будет обходиться нам все дороже. Человечество больше не в состоянии платить такую цену.

ДА Н Н Ы Й Н А М М И Р

Согласно последним аналитическим исследованиям, более 60 % из известных на сегодняшний день современной медицине 1 415 инфекционных заболеваний способны поражать и животных, и человека. Большинство этих заболеваний (такие, как сибирская язва, лихорадка долины Рифт, бубонная чума, болезнь Лайма и оспа обезьян) являются «зоонозными», то есть изначально они возникли у животных, но затем преодолели межвидовой барьер и стали опасны для человека. Остальные, которым уделяется меньше внимания, являются «антропозоонозными». Это означает, что ими, как правило, страдают люди, но могут заразиться и заражаются также и животные (например, вирус герпеса человека, туберкулез и корь). Деление возбудителей инфекции на эти две группы удобно в учебных целях. Однако из виду упускается тот жизненно важный факт, что все они могут переноситься от одного биологического вида к другому, причем мутируя и меняя свои характеристики. Птичий грипп, который появился у птиц, а теперь поражает и человека, совсем недавно лишний раз подчеркнул необходимость более целостного взгляда на заболевания.

Пока что ученым удавалось сохранять эти различия – вероятно, благодаря везению. Одним из величайших успехов медицины в минувшем столетии считается искоренение оспы. Но этим достижением мы обязаны в основном тому, что возбудители оспы выживают только в одном биологическом виде-носителе, а именно в человеке. Если бы эту болезнь мог переносить еще хотя бы один вид животных, то, скорее всего, даже затраченные в глобальных масштабах титанические усилия не могли бы привести к ее исчезновению. Если патоген способен обосноваться или найти среду для мутации в организмах-носителях, принадлежащих к разным видам, контролировать его становится более трудной задачей, требующей комплексного и гораздо более сложного подхода.

Чтобы представить себе масштаб и серьезность проблемы, подумайте о СПИДе, который, как считают сегодня большинство ученых, возник в Африке в результате употребления человеком в пищу мяса приматов, зараженных вирусами иммунодефицита обезьян. Или же вспомните вирус лихорадки Эбола, у которого похожая ис-

тория. Эта болезнь впервые привлекла международное внимание в 1976 году, когда появилась в районе реки Эбола в стране, называвшейся тогда Заир. Названный вирус поражает людей, горилл, шимпанзе и нечеловекообразных обезьян, вызывает серьезное внутреннее и внешнее кровотечение и приводит к смерти до 90 % заболевших людей. Человеческая инфекция быстро распространяется, особенно через тех, кто ухаживает за больными или бежит из зараженной местности, пытаясь спастись от болезни. С тех пор как лихорадка Эбола впервые дала себя знать, ее дальнейшие вспышки были зарегистрированы в Кот-д'Ивуаре, Габоне, Судане и Уганде. Однако люди – не единственные ее жертвы; болезнь практически уничтожила популяцию низинных горилл и шимпанзе в Габоне и Конго, а также шимпанзе в западной части Экваториальной Африки. Другие лесные животные, например южноафриканские антилопы джойкер и кистеухие свиньи, тоже могли пострадать. Когда местные жители, живущие за счет охоты, находят в лесу больных или мертвых животных, они считают, что им повезло, и приносят туши домой, чтобы накормить семью или продать их соседям. После этого вирус Эбола может легко поразить тех, кто готовит мясо, а затем по цепочке и всех тех, кто вступает в контакт с зараженными. Всякий раз, когда в конце 1990-х и начале нынешнего столетия люди в Центральной Африке заболевали лихорадкой Эбола, удавалось выявить, что источник заражения – человек, прикасавшийся к инфицированным человекообразным приматам.

Атипичная пневмония (*SARS*, тяжелый острый респираторный синдром) – это тоже результат контакта с дикими животными. Болезнь впервые появилась в конце 2002 года в китайской провинции Гуандун, где жители начали жаловаться на высокую температуру, кашель и диарею и в конечном счете у них развивалась тяжелая форма пневмонии. Неизвестная болезнь оказалась очень заразной; всего за несколько недель один турист, посетивший Гонконг, разнес ее по пяти континентам. К июлю 2003-го ВОЗ зарегистрировала 8 437 случаев заболевания, из них 813 со смертельным исходом. Страх перед *SARS*, в основном обусловленный непониманием природы новой болезни, имел следствием подрыв международного туризма и торговли.

Спустя четыре месяца ученые наконец обнаружили, что таинственную болезнь вызывает коронавирус (семейство вирусов, которые находят у многих видов животных). В свою очередь цепочку пере-

дачи вируса отследили до мелкого млекопитающего под названием пальмовая виверра; это млекопитающее разводят на фермах провинции Гуандун для использования в пищу. Позднее наличие вируса было обнаружено также у енотовидных собак, хорьков и барсуков, которых продавали на «птичьих» рынках провинции, а также у домашних кошек, живущих в городах. Эпидемиологические исследования подтвердили, что первый случай заражения человека действительно произошел вследствие контакта с животным, вид которого, однако, с точностью определить не удалось.

Через несколько месяцев после первого случая атипичной пневмонии китайские власти закрыли в стране рынки, на которых продавали живых диких животных. В течение десяти дней после установления корреляции *SARS* — торговля дикими животными правительство также конфисковало около миллиона животных, многие из которых были привезены из других частей света и являлись носителями самых разных экзотических вирусов и бактерий. Однако вред уже был причинен. Ведь до того как власти начали принимать меры, животных на рынках часто содержали вместе, не убирая нечистот и иногда даже скармливая их друг другу. Для вирусов и бактерий, способных переходить с одного биологического вида на другой, рынки оказались идеальной средой размножения.

ВЗАИМОСВЯЗЬ

В НАШЕМ МНОГОГРАННОМ МИРЕ

Однако Китай — это далеко не единственная страна, где люди рискуют заразиться болезнями, первоначально возникшими у животных. Запад тоже находится в опасности, что стало очевидно в конце мая 2003 года, когда в больницах штатов Иллинойс, Индиана и Висконсин были зарегистрированы первые случаи таинственной болезни. У пациентов, многие из которых тесно контактировали с домашними луговыми собачками, развивались кожные язвы и лихорадка. Вскоре обнаружилось, что торговец луговыми собачками из штата Висконсин поселил некоторых своих животных вместе с недавно импортированными из Ганы грызунами, которые и оказались носителями вируса оспы обезьян. Затем торговец продал несколько зараженных луговых собачек в ряд зоомагазинов города Милуоки, а часть обменял на других животных в Северном Висконсине. За месяц *CDC* получил сообщения о 71 случае оспы обезьян у жителей шести штатов американского Среднего Запада; к счастью, никто не умер.

До сих пор неизвестно, куда и как выбрасывались экскременты зараженных луговых собачек и не выпускали ли владельцы своих зараженных питомцев на волю в период паники. Более того, законы США в этой сфере по-прежнему недостаточно строги. Во время вспышки оспы обезьян в Соединенные Штаты можно было легально импортировать в качестве домашних животных любых африканских грызунов, не отнесенных к умирающим видам, несмотря на тот факт, что опасность занесения при этом чужеземных болезней была предсказуема и могла быть устранена с помощью международных программ наблюдения и обмена информацией. (Ветеринары — специалисты по диким животным, а также работники здравоохранения в Центральной Африке уже давно установили связь между случаями заболевания оспой обезьян у человека и контактами с грызунами и белками.) После вспышки болезни в стране Вашингтон наложил ограничения на импорт грызунов из Африки, однако все еще разрешается ввозить грызунов с других континентов; самые разные виды животных со всего света и по сей день доставляются в США и во многие иные страны, как правило, тоже без надлежащего контроля.

Невозможно установить точный масштаб мировой торговли дикими животными, поскольку она зачастую является нелегальной и неформальной и охватывает уровни от местного до международного. Однако картину можно частично представить себе на основании данных, собранных Обществом охраны дикой природы (*Wildlife Conservation Society*) из различных источников. Согласно этим показателям, объемы ежегодной глобальной торговли видами дикой фауны включают примерно 4 миллиона птиц, 640 000 рептилий и 40 000 приматов. После вспышки атипичной пневмонии, начавшейся в конце 2002-го, власти Китая, как сообщается, конфисковали на рынках провинции Гуандун 838 500 диких животных. Однако каждый год десятки миллионов диких млекопитающих, птиц и рептилий продолжают поступать и в эти, и в иные центры торговли, где они вступают в контакт с людьми и с десятками других биологических видов, перед тем как их — зачастую становящихся носителями новых и опасных патогенов — отправляют в другие регионы, продают на месте или иногда снова выпускают на волю. Количество таких животных, мясо которых употребляется в пищу, ошеломляет: по оценкам экспертов, только в Центральной Африке в течение года жители съедают в общей сложности более одного миллиарда килограммов мяса от 579 млн экземпляров диких живот-

Поцелуй «испанки»

Пандемия гриппа 1918 года, вероятно, самая смертоносная в истории человечества, унесла по всему миру 20–50 млн человеческих жизней. Для сравнения: в Первой мировой войне погибло примерно 15 млн человек.

«Испанка» (этим названием заболевание обязано тому обстоятельству, что первой страной, сообщившей о бедствии, стала Испания, которая не участвовала в войне, а потому на нее не распространялось требование военной цензуры не публиковать информацию об эпидемиях) уничтожила 17 млн жителей, или 5 % населения, Индии, 550 тыс. американцев, 400 тыс. французов, 260 тыс. японцев, 200 тыс. англичан. Полностью исчезли некоторые племена в Африке, население ряда городов сократилось на 90 %. Чуть ли не единственным крупным населенным пунктом, в котором гриппом не заболел ни один человек, оказался город Белем на острове в дельте Амазонки.

Очаги гриппа возникали вдоль железных дорог, в портах и т.д. Во многих странах было практически полностью парализовано железнодорожное сообщение. Описаны ситуации, когда поезда просто останавливались, поскольку заболел машинист.

В качестве общепринятого средства защиты от «испанки» применялось введение карантинных мер. Во многих местах прекращали работу театры, танцзалы и иные общественные учреждения, иногда закрывались даже церкви, причем в некоторых случаях на целый год. В одном американском городке приняли закон, запрещающий рукопожатия (любопытно, что он действует по сей день, перейдя в категорию абсурдных законодательных актов). Даже в городах, где больных было относительно немного, вводились новые правила торговли: покупатель, оставаясь на улице, просовывал деньги и список нужных ему товаров в почтовый ящик или специальное окошечко, а через дверь продавец выставлял пакеты с заказом.

Вероятно, единственным препаратом, который хоть как-то облегчал страдания больных, был аспирин. Однако, разработанное и выпускаемое только немецкой компанией *Bayer*, это и без того редкое и дорогое лекарство практически не поставлялось в страны, находившиеся в состоянии войны с Германией. К тому же среди американцев ходили слухи, что *Bayer* добавляет в таблетки аспирина болезнетворные бактерии. В распространении эпидемии обвиняли большевиков и анархистов.

Чтобы не заразиться, рекомендовалось носить бриллиантовые кольца, поскольку алмазы якобы убивают возбудителя болезни. Курение тоже считалось эффективным способом. Предлагались и более экзотические методы, например колдовство вуду и прием в пищу сушеных куриных желудков.

После «испанки» мир столкнулся еще с рядом серьезных пандемий гриппа. В 1957–1958 годах свирепствовал «азиатский грипп» (тогда ученым удалось разработать необходимую вакцину). Число его жертв, по разным оценкам, составляет 2–4 млн человек. «Азиатский» вирус мутировал и в 1968–1969 годах вызвал эпидемию «гонконгского гриппа», погубившего от 750 тыс. до 2 млн человек.

Обнаружение в 1976-м в крови военнослужащего, скончавшегося на территории США, вируса, очень похожего на возбудителя «испанки», стало поводом для начала ширококомасштабных программ по защите населения от гриппа.

Грипп известен уже несколько тысячелетий. Еще Гиппократ рассказывал о некой свирепствовавшей в 412 году до н. э. болезни, которая по своим симптомам напоминала грипп. Первая известная нам (по описаниям римского историка Тита Ливия) эпидемия гриппа произошла в 212-м до н. э. Историк Майкл Олдстоун, автор масштабного исследования «Вирусы, чума и история», отмечает, что европейцам грипп давно знаком под названием «итальянская лихорадка». Италия считалась самой теплой страной Европы, и поэтому больные, страдавшие от жара, полагали, что болезнь пришла с Апеннинского полуострова. В Германии, напротив, обратили внимание на то, что эпидемии начинались в холодное время года, и пришли к выводу, что причиной являются соленья: овощи, рыба и пр. – основа зимнего рациона немцев. В XVI веке Европа перенесла, как минимум, две крупные эпидемии гриппа – в 1510 и 1580 годах. Тогда-то болезнь и получила название «инфлюэнца» (от итал. *influenza di freddo*, «влияние холода»). Другое название болезни появилось в XX веке: слово «грипп» происходит от английского или французского *grip/grippe*, что означает «хватать», «схватывать». Примерно три-четыре раза в столетие Европа сталкивалась с пандемиями гриппа.

Впрочем, некоторые исследователи (например, известный историк медицины Райан Бальфур) не склонны считать все перечисленные случаи эпидемиями гриппа, поскольку нет фактов, подтверждающих, что болезнь с данными симптомами была вызвана именно его вирусами. Первой «настоящей» эпидемией они считают эпидемию 1781-го, которая уложила в постель две трети населения Рима и три четверти населения Британских островов. Эпидемия перекинулась на Африку и Америку, где продолжалась, как минимум, до 1789 года. Впоследствии эпидемии возникали постоянно. К примеру, в 1889-м в Европу из России пришел «русский грипп», который изначально распространялся из Центральной Азии. Эта самая ужасная эпидемия XIX века унесла до 750 тыс. жизней.

Революционное открытие француза Луи Пастера и немца Роберта Коха – обнаружение прямой связи между микроорганизмами и инфекционными заболеваниями – способствовало прорыву в изучении природы гриппа. В 1931-м американский ученый Ричард Шоуп, исследуя болезни свиней, пришел к выводу, что в ряде случаев возбудителем заболевания является вирус (впервые вирусы были описаны в 1898 году). Два года спустя британские ученые Уилсон Смит, Кристофер Эндрюс и Патрик Лэдлоу выделили вирус *Mixovirus influenzae*, вызывающий грипп у человека. Этот ответственный за большинство пандемий вирус типа А поражает также животных и птиц. В течение последующих полутора десятилетий были открыты вирусы В (поражает только человека и вызывает мягкие формы гриппа) и С (наименее опасный штамм).

Джеффри Зубей, автор исследования «Агенты биотерроризма», считает, что вирус гриппа может быть использован в качестве смертоносного оружия биологической войны.

Как установил еще в конце 1930-х американский вирусолог и биохимик Уэнделл Стэнли, вирусы находятся в «пограничной зоне» между жизнью и нежизнью. Препарата, способного их уничтожить, не существует. Только иммунная система человека и животного может победить вирус.

По материалам *Washington ProFile*

ных. А население бассейна реки Амазонка, как считается, потребляет ежегодно от 67 до 164 млн килограммов дичи, что составляет от 6,4 до 15,8 млн экземпляров одних только млекопитающих.

Перед тем как мясо животных (вместе со всеми болезнями, которые они могут переносить) оказывается в человеческом желудке, те попадают к охотникам и рыночным торговцам и, возможно, передают им патогены. Они также рискуют заразить домашних животных и диких животных-«мусорщиков» в деревнях и на территориях рынков, где те поедают падаль и отходы от дичи, употребленной в пищу людьми. В конечном счете торговля дичью и ее потребление ежегодно приводят по крайней мере к миллиарду прямых и опосредованных контактов между представителями дикой фауны, людьми и домашними животными.

Такие контакты не просто подвергают опасности людей и их домашних любимцев; патогены, непреднамеренно перемещаемые по планете, могут также уничтожать местную фауну, нарушать окружающую среду и причинять огромный экономический ущерб. В октябре 2004 года птичий грипп (конкретно – вирус гриппа А типа H5N1) был обнаружен у двух горных орлов, которых контрабандой переправили из Таиланда в Бельгию в ручной клади авиапассажиров. В прошлом году другой смертельный вирус проник в Италию в отправленном из Пакистана грузе с попугаями, неразлучниками и зябликами. Хитридиомикоз – грибковое заболевание, ответственное за исчезновение 30 % видов земноводных планеты, – распространился благодаря международной продаже и последовавшему выпуску на волю африканских когтистых лягушек (популярное лабораторное животное). Туберкулезом, первоначально развившимся у домашнего скота, на сегодняшний день заражены стада диких бизонов в Канаде, олени в американском штате Мичиган, а также черные буйволы и львы в Южной Африке. В 1999-м чума рогатого скота – болезнь, изначально завезенная в Африку в процессе импорта домашнего скота из Индии, – погубила в Кении больше диких буйволов, чем браконьеры за предыдущие 20 лет.

Более интенсивное передвижение животных и людей по планете и их все возрастающая открытость для множества витающих между ними заболеваний подвергают большему риску и одомашненный скот. Это стало в еще большей степени реальностью с тех пор, как ненасытный международный спрос на мясо и мясопродукты превратил животноводство в сверхинтенсивную отрасль, и теперь сви-

новодческие, птицеводческие и скотоводческие предприятия втискивают огромное количество животных в ограниченные пространства. Более того, по прогнозам Международного института исследований продовольственной политики (*International Food Policy Research Institute*), объем продукции животноводства в развивающихся странах удвоится в ближайшие 20 лет. Хотя практика, принятая в современных агропромышленных хозяйствах, приводит к максимизации производства продуктов питания, она способствует также повышению уровня заражаемости скота. В переполненных загонах и стойлах инфекция быстро распространяется, а растущая сопротивляемость антибиотикам затрудняет борьбу с заболеваниями. На многих фермах сегодня антибиотики постоянно подмешиваются в корм скоту для профилактики, а селекционное разведение с целью закрепить специфические свойства животных часто вызывает у них предрасположенность к состояниям, при которых требуется регулярное лечение антибиотиками. Более частое употребление антибиотиков ведет к появлению опасных, устойчивых к лекарствам супервирусов, способных угрожать как животным, так и людям.

Рост объемов производства продовольствия побудил животноводческую отрасль начать применять и другие опасные методы, которые уже вызвали по крайней мере одну широко известную катастрофу — вспышку коровьей губчатой энцефалопатии (КГЭ), или коровьего бешенства, в Великобритании. Коровье бешенство — это хроническое дегенеративное расстройство, поражающее центральную нервную систему крупного рогатого скота. Заболевание, которое у овец называется почесуха, существовало сотни лет, не поражая другие биологические виды. Оно перешло на коров только после того, как британские фермеры начали в 1980-х скармливать своим стадам зараженные побочные продукты овцеводства. Перекинувшись на коров, КГЭ стала стремительно распространяться: с 1986 по 2002 год в Великобритании зарегистрировали 182 745 случаев заболевания. В ответ на эту вспышку европейские страны полностью запретили импорт крупного рогатого скота из Великобритании. Тем не менее позже КГЭ была обнаружена в Европе, Канаде и США. Она также начала воздействовать на людей, и считается, что новый вариант заболевания у людей, известный как болезнь Кройцфельдта—Якоба, повинен в смерти 150 человек, начиная с 1995-го.

Малайзия тоже стала жертвой болезни, распространившейся благодаря новым сельскохозяйственным технологиям. Вирус «Ни-

па», который был обнаружен в этой стране у свиней и людей в 1998 году, погубил 105 человек и вынудил власти забить более одного миллиона свиней, чтобы остановить его распространение. Позднее обнаружилось, что носителями вируса являются также пять видов плоядных летучих мышей, что заставляет предположить широкую распространенность патогена среди здоровых особей. Похоже, что люди заразились вирусом, ухаживая за зараженными свиньями, а те, в свою очередь, были инфицированы в результате контактов с летучими мышами, которые кормились на плодовых деревьях, растущих на территории недавно освоенных свиноферм.

Вспышка вируса «Нипа» ярко демонстрирует, что может случиться, когда люди и домашние животные вторгаются в нетронутую дикую среду обитания. В природных экосистемах микробы и фауна сосуществуют, как правило, более-менее в равновесии. Однако появление там новых видов, таких, как коровы, свиньи, собаки или люди, способно позволить патогенам перекинуться на новых носителей, которые не обладают ни естественным иммунитетом, ни приобретенной сопротивляемостью. Очевидно, что результат может оказаться катастрофическим.

Помимо непосредственного вреда, который патогены, связанные с дикой фауной, наносят здоровью людей и животных, они вызывают также дестабилизацию внешней торговли и причиняют мировой экономике ущерб, исчисляемый миллиардами долларов. В отчете «Проекта-2020» Национального разведывательного совета США «Карта глобального будущего» (*U.S. National Intelligence Council's 2020 Project, Mapping the Global Future*) самой главной угрозой для мировой экономики названа глобальная пандемия. Как сообщила Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, в начале 2003-го более трети всего объема мировой торговли мясными продуктами подверглось эмбарго на основании наличия в той или иной стране коровьего бешенства, птичьего гриппа и других заболеваний домашних животных. По данным исследовательской компании *Bio Economic Research Associates*, внезапно обрушившийся на планету (начиная с середины 1990-х годов) поток новых или вернувшихся заболеваний домашних животных (в том числе коровье бешенство, ящур, птичий грипп, чума свиней и т. д.) нанес ущерб, в сумме составляющий приблизительно 100 миллиардов долларов. Одна только атипичная пневмония обошлась мировой экономике в половину этой суммы. Тяжелые последствия таких кризисов ощущают вовсе не од-

ни только непосредственные виновники; за вспышку атипичной пневмонии заплатились отнюдь не рыночные торговцы дикими животными, а импортер африканских грызунов в Техасе не возмещал федеральным и местным властям США миллионы долларов, потраченные на борьбу с оспой обезьян в 2003-м.

Но даже эти суммы не дают полного представления о воздействии, зачастую опустошительном, вспышек болезни на и без того нуждающихся людей. Например, начиная с 2003 года меры по контролю за распространением птичьего гриппа в Азии потребовали уничтожения более 140 миллионов кур. В таких странах, как Таиланд или Вьетнам, большинство этих птиц принадлежали не крупным, хорошо оснащенным производителям, а мелким фермерским и крестьянским хозяйствам. На них потеря домашней птицы отразилась очень болезненно, особенно учитывая, что финансовые компенсации для сельских владельцев птиц в большей части Юго-Восточной Азии либо редкость, либо вовсе не практикуются. Отсутствие такого рода компенсаций не только увеличило ущерб, причиненный болезнью; оно также дало птицеводам серьезный стимул к тому, чтобы скрывать случаи подозрительных заболеваний среди разводимой ими птицы.

СООТВЕТСТВОВАТЬ ТРЕБОВАНИЯМ МОМЕНТА

Как показывают многие вышеприведенные примеры, профилактика и контролирование будущих вспышек заболеваний, передающихся от животных, и смягчение их последствий потребуют гораздо более широкого подхода, чем те, что применялись до настоящего времени системами (в основном изолированными друг от друга) здравоохранения высокоразвитых стран. Слишком часто глобальная реакция на новые патогены обуславливалась страхом, что только увеличивало экономические и иные затраты на контроль над заболеваниями.

При всем при том, однако, горстка храбрецов уже начала процесс формирования нового международного и междисциплинарного подхода к контролированию заболеваний. Работая в некоторых из наиболее затерянных уголков планеты, они медленно создавали структуры информационного обмена, такие, как, в частности, Группу специалистов по ветеринарии при Всемирном союзе охраны природы (*World Conservation Union*). И им уже удалось внести свой существенный вклад. Например, когда впервые появился птичий грипп, основное внимание было ошибочно направлено на контроль

за распространением болезни среди диких птиц в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. Но именно эти новые неформальные участники дискуссий по вопросам здравоохранения, такие, как экологи и ветеринары, работавшие для Общества охраны дикой природы в Камбодже и связанные с сотрудниками Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, первыми заметили, что пути и сроки миграции перелетных птиц на самом деле не совпадают с распространением заболевания и что источником его, скорее всего, являлись домашние птицы. Без этой догадки ценные ресурсы по-прежнему растрачивались бы на попытки контролировать заболевание среди неправильно выбранной популяции животных.

Но как бы ни были важны подобные вклады, необходимо учитывать, что многие из тех, кто пытается выработать новый глобальный подход к здравоохранению, работают в общественных организациях или в органах местного самоуправления, у которых нет ни ресурсов, ни доступа к более крупным, формальным структурам, способным заполнить пробелы в той сфере здравоохранения, что связана с отношениями между дикой природой и человеком. Если бы у них было больше возможностей, результаты их деятельности оказались бы чрезвычайно полезными; наведение мостов между дисциплинами с целью решить проблемы здоровья может иметь простой, но глубокий эффект.

Например, исследования в Южной Америке показали, что, вопреки распространенному мнению, опасность заболеваний крупного рогатого скота для дикой фауны значительно более серьезна, чем соответствующая угроза со стороны последних. На большей части территории земного шара снижение заболеваемости домашних животных оказало бы благотворное влияние на ряд отраслей экономики, улучшило бы здоровье и качество жизни населения и помогло бы в охране дикой природы. Из этого следует, что со стратегической точки зрения усиление мер безопасности в одной области здравоохранения может положительно сказаться и на других областях. Например, у горилл и шимпанзе Центральной Африки почти нет иммунитета к обычным человеческим заболеваниям, и поэтому для них опасны контакты с местным населением и туристами. Этот риск можно было бы резко снизить путем реализации в местных деревнях качественных медицинских профилактических программ и мер, что принесло бы пользу и людям, и дикой фауне. Уже работа с вирусом Эбола у горилл и шимпанзе показала, что инвестиции в

защиту здоровья диких животных могут защитить и людей в городах; в Африке ветеринары обнаружили присутствие вируса Эбола у диких животных за много месяцев до первых случаев заболевания человека, и это позволило вовремя предупредить деревенских жителей о том, чтобы они не охотились и не прикасались к животным — источникам инфекции. Такой расширенный, основанный на принципе «одно здоровье» подход к заболеваниям может оказаться куда эффективнее и дешевле, чем применение традиционной стратегии — «карантин и искоренение» — уже после начала вспышки. Врачи и ветеринары совместно со специалистами по охране дикой природы уже разработали ряд соответствующих руководящих положений, известных под названием «Манхэттенские принципы». Но эффективность этих идей повысится только тогда, когда они получат более широкое признание.

Чтобы еще больше расширить возможности предотвращения и ограничения распространения заболеваний, связанных с животными, необходимо предпринять ряд дополнительных шагов. Для начала требуется усовершенствованная система всемирного слежения, позволяющая обнаруживать инфекцию среди диких животных, более оперативно реагировать на них и снижать наносимый ущерб. Такой контроль отличается от традиционных, основанных на гипотезах медицинских исследований, поскольку подразумевает чрезвычайно широкий поиск, а не концентрацию внимания на узкой проблеме. Инвестиции в сбор предварительной информации могут щедро окупиться; заблаговременно полученные знания о механизме и свойствах заболеваний у животных способны содействовать сокращению затрат в случае распространения инфекции.

Огромную помощь могут также оказать новые виды партнерства между государством и частным сектором. В настоящее время провалы государственных программ по всестороннему мониторингу, профилактике и борьбе с необычными заболеваниями компенсируются за счет усилий частного сектора. Но координация его деятельности с властями по-прежнему ограничена, причем в некоторых случаях по причине законодательных ограничений на такого рода сотрудничество. Например, Всемирная организации здоровья животных по условиям договора с государствами-членами имеет право принимать только ту информацию о выявленных в живой природе болезнях, которую официально предоставляет национальный орган данной страны, занимающийся вопросами сельского хозяйства. Большин-

ство из них, однако, не уполномочены и не приспособлены для того, чтобы вести мониторинг заболеваемости диких животных. Следует пересмотреть такую политику, с тем чтобы облегчить сотрудничество между властями, корпорациями и некоммерческими организациями и внедрить формальные механизмы обмена информацией между ними.

Полезно было бы также переложить ответственность за расходы на профилактику и контролирование вспышек инфекции на торговцев животными, поскольку это стимулировало бы их к принятию мер по снижению уровня заболеваемости и уменьшало бы затраты по наблюдению, контролю и профилактике, которые несут третьи стороны. Например, этого можно добиться, обязав торговцев животными покупать страховку от болезней для всех импортируемых или перевозимых животных. Такая мера вынудит торговцев животными вести себя осторожнее, поскольку ударит их по самому чувствительному месту — по кошельку.

Однако одних лишь финансовых стимулов недостаточно. Всемирная торговая организация и другие соответствующие международные органы должны также начать требовать от правительств усовершенствования системы регулирования тех аспектов внешней торговли дикими и домашними животными, которые имеют отношение к нашему здоровью. Отдельным странам необходимо также ввести новые законы, предотвращающие распространение болезней на их территориях. На сегодняшний день имеется достаточно данных, позволяющих заключить, что торговля видами дикой фауны и их потребление людьми уже приводили к глобальным катастрофам. Следовательно, правительствам необходимо безотлагательно начать прилагать серьезные усилия как для сокращения, так и для должного регулирования торговли такими животными на международном, региональном и даже на местном уровне.

В сфере здравоохранения решения всё еще, как правило, принимаются без достаточного участия всех заинтересованных сторон. Например, в 2004 году в одной из стран Юго-Восточной Азии, принимая решение контролировать распространение птичьего гриппа путем отстрела диких перелетных птиц, правительство неверно определило подлинный источник проблемы (домашний крупный рогатый скот) и проигнорировало по крайней мере две различные международные конвенции о защите диких птиц. Привлекая специалистов в области здравоохранения, сельского хозяйства и охраны

природы, а также юристов, власти смогут в будущем избегать повторения таких ошибок и вырабатывать более эффективные стратегии.

Наконец, необходимо наращивать двустороннюю и многостороннюю помощь в области сбора, анализа и распространения информации об инфекционных заболеваниях, поражающих широкий спектр живых организмов во всем мире. Слишком часто специалисты-медики сосредотачиваются лишь на здоровье людей и на сельском хозяйстве, упуская из виду огромную часть общей картины. Следует тратить больше денег на проекты, которые предполагают включение тем, связанных со здоровьем животных и охраной природы, на традиционные дискуссии по вопросам здравоохранения; увеличение финансирования поможет также стимулировать глобальные усилия в тех уголках планеты, где потребность в них особенно велика.

Может показаться, что на пути выявления, усвоения и распространения информации обо всех инфекционных заболеваниях на планете стоят непреодолимые препятствия. Но это не оправдание для бездействия. Новые, целостные подходы необходимо начать применять на местном и региональном уровне; такие действия уже доказали свою эффективность и экономичность и продемонстрировали преимущества новой парадигмы. Подобные усилия малого и среднего масштаба можно постепенно наращивать и осуществлять параллельно с глобальной координацией более высокого порядка.

Такие инициативы надо реализовывать немедленно, не дожидаясь следующей глобальной пандемии. Надо навести мосты между различными научными дисциплинами, а торговлю дикими животными следует резко сократить и, равно как и в сфере животноводства, должным образом регулировать. Нельзя добиться глобального здоровья без радикального изменения мировоззрения и отказа от парадигмы, которая контролируется экспертами «сверху вниз» и все еще доминирует и в науке, и в медицине. Нам нужен более широкий и демократичный подход, основанный на понимании того факта, что мир у нас всего один и здоровье тоже одно.

Отечественные записки

ЖИВАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
РОССИЙСКОЙ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

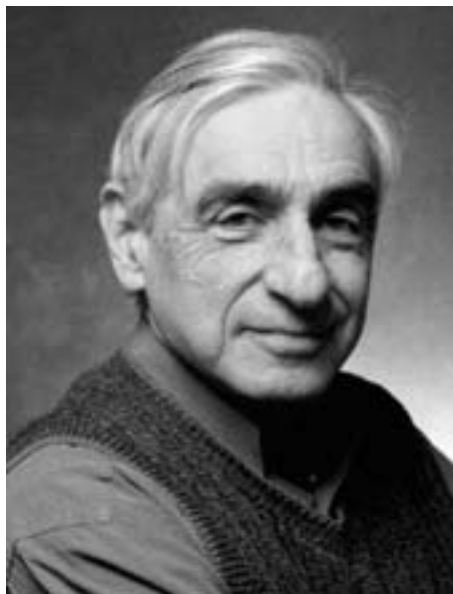
Пополняется каждые два месяца

Подписной индекс 43785

www.strana-oz.ru

Разговор по существу

“ В правительстве Соединенных Штатов есть люди, которых можно назвать имперскими бюрократами. Например, Доналд Рамсфелд имеет четкое представление — пускай имперское, консервативное — о том, что США должны делать в Ираке. Он считает вторжение в Ирак способом колонизации. Между тем в международной политике колониализм утрачивает привлекательность ”

«Любой правитель может быть призван к ответу»

Майкл Уолцер

Майкл Уолцер:

«Любой правитель может быть призван к ответу»

Майкл Уолцер (р. 1935) – один из исследователей, создавших политическую теорию XX столетия. Окончив Брандейский университет в 1956 году и получив докторскую степень в Гарварде в 1961-м, он сформировался как ученый в 1960-е годы, прошедшие в Америке под знаком масштабных выступлений против войны во Вьетнаме. Преподавал в Принстонском и Гарвардском университетах. С 1980-го – сотрудник Института высших исследований (Institute of Advanced Study) в Принстоне (штат Нью-Джерси), знаменитого научного учреждения, которое было создано в 1930 году американскими филантропами Льюисом и Каролиной Бамбергер и вскоре стало пристанищем для ученых, бежавших в США из охваченной войной Европы (в том числе и для Альберта Эйнштейна). Профессор Уолцер занимает пост главного редактора журнала Dissent, а также является членом редколлегии журналов The New Republic, Philosophy and Public Affairs и Political Theory. Действительный член Американского философского общества и пяти зарубежных академий.

Майкл Уолцер – автор девятнадцати книг, среди которых особенно известны работы на тему войн и справедливости: Just and Unjust Wars (1977), Spheres of Justice (1983), Arguing About War (2004), последняя из вышедших книг – Politics and Passion: Toward a More Egalitarian Liberalism (2004).

С Майклом Уолцером в ноябре 2005-го встретились в Принстоне председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике» **Владислав Иноземцев** и руководитель сектора европейских программ Центра исследований постиндустриального общества **Екатерина Кузнецова**.

В. Иноземцев: Ряд ваших книг посвящен таким мало связанным на первый взгляд явлениям, как война и справедливость. Как они соотносятся? К чему больше применимо понятие справедливости — к оценке причин войны или же к поведению воюющих сторон? Насколько изменились в последние годы представления о справедливой войне?

М. Уолцер: Над этой темой я работаю очень давно, и книга «Войны справедливые и несправедливые»¹ вышла бóльшими тиражами, чем все мои остальные работы, вместе взятые. Проблема справедливости имеет не меньшее отношение к оценке причин и поводов, чем формы и методы ведения войны.

Первое суждение о любой войне начинается с ее обоснования, и таковое неизбежно содержит апелляцию к тому, что представляется людям справедливым, а что — нет. Если с этих позиций обратиться к войне, которую США ведут в Ираке, можно заметить, что в период подготовки и в ходе самой войны ее пытались оправдать рядом причин. Вначале — необходимостью предотвратить разработку (или развертывание, или продажу за рубеж) Ираком оружия массового поражения; позже — желательностью смены режима, осуществления демократизации и формирования нового типа иракского государства. Я не поддерживал эту войну, так как считал, что любое из названных выше обоснований не делало ее справедливой.

На мой взгляд, режим «сдерживания», установленный в отношении Ирака в 1991 году, по окончании первой войны в [Персидском] Заливе, был вполне эффективным. Разумеется, он мог быть еще эффективнее, если бы европейские страны более жестко поддерживали режим санкций, если бы не только американские, но и европейские и российские самолеты охраняли зону, запрещенную для авиалетов, если бы европейцы и россияне полностью отказались от технического сотрудничества с режимом Хусейна и т. д. Будь «сдерживание» Саддама поистине международным, Соединенным Штатам было бы намного сложнее в одностороннем порядке отказаться от данной практики и перейти к открытым военным действиям. Повторю еще раз: эта война была войной, развязанной американским правительством, но ее можно было предотвратить только в том случае, если бы европейцы последовательно проводили политику «сдерживания»; если бы имел место подлинно многосторонний ре-

¹ См.: *Walzer, Michael. Just and Unjust Wars: A Moral Argument with Historical Illustrations*, New York: Basic Books, 1977. — Здесь и далее примечания В. Л. Иноземцева.

жим «сдерживания» Саддама, он помог бы в данном случае «сдерживать» и Соединенные Штаты. И мне очень хочется, чтобы эта моя позиция была услышана в Европе — особенно в тех странах, которые выступили против войны в Ираке.

Е. Кузнецова: Как бы вы определили войну в Ираке? Была ли она превентивной, упреждающим ударом, вызванным реальной опасностью атаки со стороны противника? Или ее следует определить как агрессию?

М. У.: Это не было упреждающим ударом, так как от Ирака для США не исходило прямой и непосредственной угрозы. Это не являлось также и гуманитарной интервенцией, поскольку в тот период в Ираке не происходило массового насилия (оно имело место раньше — в начале 1990-х, когда там стояли наши войска, не сделавшие ровным счетом ничего для его прекращения). Скорее эту войну можно назвать превентивной, но, как мы знаем, такие войны не являются вариантом реагирования на возникающие угрозы, разрешенным международным правом; с точки зрения теории справедливых войн они также не могут считаться оправданными. Поэтому предложенное обоснование войны против Ирака было спекулятивным; все мы знаем, что режим санкций положил конец массовому насилию в стране и мог эффективно использоваться для предотвращения создания там опасных видов вооружений. После 1991 года режим Саддама Хусейна оказался практически парализован. Конечно, он располагал возможностью «разбираться» со своими политическими противниками у себя в стране и даже порой уничтожать их, но в то же время он не мог ничего противопоставить ни западным санкциям, ни появлению курдской автономии.

Эмбарго на поставки оружия в Ирак препятствовало созданию там технологий для производства оружия массового уничтожения. Вместе с тем мы видим, что сегодняшний Ирак прямо-таки наводнен обычным оружием, которым владеют чуть ли не все. Это оружие в большинстве своем поступало туда из европейских стран — Франции, Германии, Италии, Испании — в период действия введенного ООН эмбарго на поставки оружия. Европейцы все это время не могли или не хотели инициировать серьезное давление на своих производителей оружия и торговцев им, которое заставило бы их полностью отказаться от любого сотрудничества с иракским режимом.

В. И.: Но теперь война уже закончилась, и недавно в Багдаде начался суд над Саддамом Хусейном. Какова юридическая база этого процесса?

М. У.: Я давно занимаюсь подобными проблемами: в свое время даже написал книгу о процессе над Людовиком XVI. Возможно, вам известно, что якобинцы сначала решительно выступали против суда над королем, полагая желательным захватить и тут же убить его — как «врага народа» (это, кстати, был первый случай использования данного понятия, подхваченного в сталинскую эпоху). Они поддерживали идею введения системы проскрипций по римскому образцу — составления списка аристократов, подлежащих «немедленной ликвидации» по мере их обнаружения. И это имело смысл, так как произошла смена режима, а король и его приближенные были, с одной стороны, врагами новой власти, но, с другой — вряд ли могли быть признаны виновными в нарушении прежних законов, в соответствии с которыми они когда-то действовали. Подобной же позиции придерживались в 1944-м и некоторые министры британского правительства, предлагавшие составить список нацистских преступников, подлежащих немедленному уничтожению. По их мнению, организация трибунала стала бы фарсом, так как слишком напоминала бы сталинские процессы 1930-х годов.

Однако я в своей книге защищал идею организации судебного процесса над Людовиком XVI, причем по нескольким причинам. Было, несомненно, правильно показать, что король, претендовавший на право быть единственным источником закона, на деле является таким же гражданином, как и все остальные. Было правильно также не только указать ему на его права, но и предъявить ему обвинение, не только предоставить ему защитников, но и доказать факт совершенных им преступлений. Никто не должен считать себя выше закона — таков был основной смысл суда над королем... С тех же позиций я выступал и в поддержку Нюрнбергского процесса. Известно, что Герман Геринг, выслушав приговор, произнес знаменитую фразу, что «именно такой оказывается судьба побежденных в суде победителей». Но нельзя забывать и о том, что многие обвиняемые на том процессе были оправданы. Собственно, таким и должен быть судебный процесс: обвинение доказывает свою правоту, защита предлагает контраргументы, и в результате выносятся справедливое судебное решение. И суд над Саддамом Хусейном видится мне вполне аналогичным: его цель состоит в том, что-

бы показать диктатору и стране: даже наиболее высоко «вознесшийся» правитель может быть призван к ответу, над ним может быть устроен судебный процесс, который пройдет при соблюдении всех принятых в цивилизованном мире норм и принципов.

В. И.: Но если сравнивать суд над Саддамом Хусейном с трибуналом в Нюрнберге или, например, с судом над Слободаном Милошевичем, организованным в Гааге, то нет ли различия в структуре обвинений? В чем обвиняется Хусейн — в геноциде, как Милошевич, в военных преступлениях, как нацисты, или же в противодействии международным санкциям, в несоблюдении резолюций ООН и в оказании сопротивления войскам коалиции?

М. У.: Даже в Нюрнберге обвинение основывалось на том, что законы, запрещающие массовые убийства, установлены в каждом обществе и обвиняемые не могли не знать о том, что преступают их. В иракской ситуации дело выглядит даже более просто: массовые убийства совершались на территории собственной страны, а в иракских законах были прописаны наказания за действия подобного рода. Тем более что суд над Саддамом Хусейном организован подобно процессу над Людовиком XVI — ведь Саддама судит не международный трибунал, а иракский суд... В то же время я хотел бы подчеркнуть, что международное право в данном случае не играет решающей роли; вне зависимости от того, подписывал ли Ирак конвенцию о геноциде ² (я не знаю, сделал ли он это в свое время), массовые убийства считаются преступлением в любой стране, в любой правовой системе, и тот, кто совершает его, не может оставаться безнаказанным. Поэтому я считаю (с учетом того, что никто не лишает Саддама его прав, не отказывает ему в праве на защиту и в процедурном отношении процесс ведется корректно), что данное судебное разбирательство является в высшей степени целесообразным и полезным. Полезным именно в силу того, что оно помогает устанавливать истину и восстанавливать справедливость.

Е. К.: Прошло без малого тридцать лет с момента выхода в свет вашей книги о справедливых и несправедливых войнах. Что дает обычному человеку отнесение войны к той или другой категории? Как это меняет отношение широких масс к войне? В общем, каково, если так можно сказать, «практическое значение» теории справедливой войны?

² Имеется в виду Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г.

М. У.: Я стал политически активным человеком в 1960-е годы, в период учебы в аспирантуре и начала своей преподавательской деятельности. То было время войны во Вьетнаме, я тогда много ездил по университетским кампусам, общался и с профессорами, и со студентами, часто выступал перед самыми разными аудиториями, рассуждая и размышляя о войне. Время же для таких размышлений было самое подходящее, поскольку абсолютное большинство американцев пришли к выводу, что правительство не имеет права посылать своих граждан за океан, чтобы убивать или быть убитыми, если только для этого у него нет весомых причин. И обоснование справедливости войны (а вариантами такого обоснования могут быть указания на совершённую агрессию, попытка отторгнуть от страны принадлежащие ей земли или же чрезмерная жестокость агрессора) становилось первоочередной задачей. Замечу: мы были далеко не первыми, кто столкнулся с такой необходимостью. Не случайно теория «справедливой войны» в ее первоначальном варианте была разработана католическими политическими философами в XVI–XVII веках. Значение ее заключалось именно в предоставлении возможности оценивать действия правительства с четких универсальных позиций, которые и сегодня применяются для определения нашего отношения к действиям (или бездействию) властей иногда в далеких от нас точках земного шара. И речь здесь идет не обязательно о критике военного вмешательства; порой можно и нужно желать его – как, например, я желал в свое время, чтобы США вмешались в ситуацию в Руанде, чего, однако, мы так и не сделали.

Е. К.: А как бы вы в таком случае определили войну, которая в последние годы идет в Чечне?

М. У.: Мне трудно быть категоричным в данном вопросе, но мне кажется, что борьба чеченцев весьма схожа по своим причинам и побудительным мотивам с тем, что делают палестинцы, и в этом аспекте она оправданна. Другое дело – чеченцы применяют такую тактику и такие приемы борьбы, с которыми невозможно согласиться ни при каких обстоятельствах. Если принять во внимание историю чеченского народа, следовало бы полагать, что предоставление ему независимости или широкой автономии было бы наилучшим выходом и что чеченцы вполне заслуживали бы такого исхода дела. Однако терроризм не может быть оправдан; очень часто в истории случалось так, что этнические меньшинства, боровшиеся за правое дело, вынуждены были прибегать к террору и тем самым подрыва-

ли собственную легитимность, в конце концов перерождаясь в экстремистские движения...

В. И.: А в чем вы видите разницу между террористической деятельностью и партизанской войной, между боевиками и повстанцами, особенно если борьба ведется, по сути, на территории, исторически принадлежавшей этим повстанцам?

М. У.: Ответ очевиден: в одном случае речь идет о борьбе с армией (или, по крайней мере, с отдельными солдатами) противника, в другом — о захвате в заложники женщин и детей...

В. И.: ...то есть если чеченцы устраивают засаду на колонну российских военных, это не может быть названо актом террора?

М. У.: Нет. Конечно нет. Можно обсуждать вопрос о том, насколько такая атака окажется справедливой, или то, насколько гуманным будет отношение, в частности, к раненым или пленным, но само понятие терроризма, хотим мы этого или нет, к подобным акциям неприменимо. Я не очень знаком с ситуацией в Чечне, но я могу сказать то же самое относительно израильско-палестинского конфликта. В той войне атаки боевиков на израильских солдат или на вооруженные отряды самообороны, которые зачастую формировали жители еврейских поселений, никогда не назывались террористическими; последнее всегда относилось исключительно к взрывам в автобусах, ресторанах, на улицах израильских городов.

Е. К.: Можно ли говорить о делегитимизации справедливой освободительной борьбы в том случае, если ее сторонники или их часть вступили на путь терроризма?

М. У.: Да, я так считаю. В целом, например, я в принципе солидарен с требованиями палестинцев о создании независимого палестинского государства, но я уверен, что такое государство нельзя создавать сегодня, передавая его в руки людей, сделавших терроризм своей идеологией и практикой. Именно поэтому Израиль упорно отказывался от переговоров с экстремистским крылом Организации освобождения Палестины и именно поэтому израильское правительство постоянно ищет контактов с умеренными лидерами Палестинской автономии, надеясь, что рано или поздно умеренные придут к власти в формирующемся «государстве».

В. И.: В нашей беседе мы в основном говорим о «традиционных» военных конфликтах — войнах, ведущихся между национальными государствами. В то же время все большее число военных столкновений обусловлено этническими или религиозными противоречиями, увеличи-

вается также число гражданских войн. Сколь серьезно изменилась природа военных конфликтов с момента окончания Второй мировой войны?

М. У.: Со времён Второй мировой войны мир видел и вполне традиционные войны, которые вели между собой суверенные национальные государства, — достаточно вспомнить войны между Индией и Пакистаном, Израилем и Египтом, а также целый ряд других. При этом великие державы начали вмешиваться в войны, которые, по сути, были гражданскими, хотя по форме и оставались межгосударственными конфликтами (по моему убеждению, конфликты в Корее и Вьетнаме, в которых США принимали активное участие, имели именно такую природу). Однако в последнее время войны, истоки которых крылись именно во внутрисоциальных конфликтах, стали особенно частыми. Вспомним конфликт в Камбодже, где режим «красных кхмеров», именовавший себя коммунистическим, инициировал атаку на любые проявления городской культуры, позднее превратившуюся в жестокую войну с собственным народом. И в какой-то момент вьетнамская армия остановила этот ужас; разумеется, она действовала не только по гуманитарным соображениям — вьетнамцы имели в регионе свои стратегические интересы, но они положили конец этому кошмару и тем самым сделали большое дело. В данном случае мы имеем дело с гражданской войной (пусть даже она и представлялась как «обострение классово-политической борьбы») и внешним вторжением, остановившим войну. Такую же природу имели ситуации в Восточном Пакистане (нынешнем Бангладеш), где пришлось вмешаться Индии; в Уганде, где потребовалось вмешательство Танзании. Это были кровавые, тиранические режимы. Но, возможно, время таких интервенций прошло. Война в Ираке подтверждает, что сегодня недостаточно свергнуть режим, как это произошло в случае с режимом Иди Амина в Уганде. Нужно заниматься постконфликтным строительством, создавать функционирующие управленческие структуры, а это уже не классическая война ради захвата территории. Разумеется, к совершенно новым явлениям следует отнести терроризм. Я склонен считать, что с терроризмом следует бороться, как с обычной преступностью. Но речь идет об ограничении свобод человека, о формировании совершенно новой социальной реальности, складывающейся под влиянием этой борьбы в большинстве западных стран.

В. И.: Во многих частях мира идут гражданские войны. Могут ли Объединенные Нации или, возможно, сообщество демократий выработать универсальные критерии интервенции?

М. У.: Некоторые универсальные принципы существуют. В частности, Устав ООН, который указывает, когда можно применить силу по отношению к суверенному государству. Другой вопрос, насколько они надежны. Возьмем, например, три случая. ООН никогда бы не санкционировала вторжение Вьетнама в Камбоджу. Равно как и Индия никогда бы не получила санкцию Совета Безопасности на операцию в Бангладеш, а Танзания — на интервенцию в Уганде. В 1990-е годы мы столкнулись с аналогичной проблемой в Сребренице (Босния) и совсем недавно — в Дарфуре (Судан). Ни один политический лидер не возьмет на себя такую ответственность. Универсальные принципы существуют, но не все готовы до конца следовать этим принципам. Поэтому пора подумать над тем, как усовершенствовать Объединенные Нации. Но я бы порекомендовал следовать «иракскому принципу»: тот, кто может положить конец нарушениям прав человека, должен это сделать.

В. И.: Может, имеет смысл изменить структуру миротворческих контингентов ООН и перейти к их формированию из наемных военных, которых организация рекрутировала в различных странах, преодолевая тем самым свою зависимость от национальных правительств?

М. У.: Да, но этими войсками должен ведь кто-то командовать. Вспомните, в какой ситуации оказался генерал Даллэр³. Он был полон решимости урегулировать проблему, возникшую в Руанде, но не нашел поддержки в Совете Безопасности ООН. Фактически его принудили к бездействию. Да, лично я согласен с тем, что необхо-

³ Генерал **Ромео Даллэр** (Roméo Dallaire) — канадский сенатор, отставной генерал-лейтенант, в 1993–1994 гг. командовал двухтысячным контингентом *UNAMIR (United Nations Assistance Mission for Rwanda)* в Руанде накануне и в период развернувшегося там геноцида. Полагая, что этнические столкновения могли быть подавлены на ранней стадии, он просил у ООН санкции на вмешательство в конфликт. Руководство ООН не только не согласилось с ним, но и сократило контингент с 2 тыс. до 260 человек. Но даже с оставшимися силами генерал выстроил оборону лагеря, где укрылись и остались живы около 20 тыс. представителей народности тутси (около 800 тыс. тутси погибли в ходе начавшегося геноцида). На протяжении нескольких лет генерал не мог отойти от шока, уволившись с военной службы и попытавшись покончить жизнь самоубийством в июле 2000 г. Впоследствии стал активистом движения в защиту прав человека. Его впечатления от увиденного в Руанде изложены в книге: *Dallaire, Roméo, with Power, Samantha. Shake Hands with the Devil: The Failure of Humanity in Rwanda. New York: Carrol & Graf Publishers, 2003.*

димо создать самостоятельные правоохранительные силы ООН, сформированные не по национальному признаку, а по принципу индивидуального рекрутирования солдат и офицеров, которые защищали бы интересы международного сообщества. Однако политически это неприемлемо и потому маловероятно.

Е. К.: Не видите ли вы проблему в том, что Совет Безопасности фактически совмещает функции «правоохранительных» органов и судебной власти? Разве сложность заключается не в том, что члены Совета Безопасности ООН должны не только установить факт преступления, но и определить также степень вины и форму наказания? Учитывая эту внутреннюю коллизию, возможно ли усовершенствовать ООН без изменения ее сущности?

М. У.: ООН следует реформировать с учетом потребности в глобальном управлении, своего рода глобальном правительстве. Но это очень сложно. Положение, складывающееся вокруг Дарфура, наглядно демонстрирует, как функционирует сегодня международное сообщество. После вторжения в Ирак Лига арабских государств противопоставит попыткам Запада вмешаться в проблему Дарфура. Их можно понять. К тому же и Китай, который лихорадочно ищет новые источники нефти, в большинстве случаев склонен поддерживать арабские страны.

В. И.: В последние десятилетия процессом глобализации охвачены практически все страны мира. Способствует ли это установлению неких глобальных правил, какой-то однородности, или же мир становится более поляризованным, разобщенным и «множественным»?

М. У.: Когда вы путешествуете по миру, то обнаруживаете: повсюду люди слушают одну и ту же музыку, дети одеты в похожую одежду. Невозможно отрицать, что глобальная культура уже стала реальностью. Вместе с тем растет сопротивление этой глобальной культуре, крепнет стремление подчеркнуть свою независимость, утвердить собственную идентичность. Показательно, но это сопротивление все чаще принимает религиозную форму. Как раз сейчас я исследую эту проблему. Похоже, что индуистский национализм, иудейский мессианизм, радикальный исламизм, евангельский протестантизм помогают людям выделиться. Лично я остаюсь приверженцем выдвигавшихся еще просветителями идей о необходимости секуляризации общественной жизни, о преимуществах светского правления.

В. И.: Я имел в виду несколько иное. Вчера, когда я ездил по университетскому кампусу, меня остановили полицейские и пожарили за то, что на одной из дорожек я притормозил, но не остановился на знак

«stop». Здесь, в Америке, нет речи о какой-то единой идентичности — скорее можно говорить о расцвете мультикультурализма, допускающего сосуществование разных культурных традиций. Но есть правила, и, следовательно, на знак «stop» обязаны останавливаться любые водители: и белые англосаксы, и афроамериканцы, и выходцы из Азии и с Ближнего Востока... Так же и в глобальном масштабе: общества не обязательно должны быть друг на друга похожи. Но разве нельзя сформулировать некие всеобщие правила поведения, которые жестко требовалось бы соблюдать?

М. У.: Соединенные Штаты, собственно, и стали местом, где проводится такой эксперимент: культурные различия сохраняются и поддерживаются, но отчасти ограничиваются некоей политической унифицированностью. И эта политическая реальность воздействует на все стороны жизни. Если присмотреться, можно увидеть, что здесь, в США, самые разные религиозные сообщества — иудейские, мусульманские, приходы Русской православной церкви — постепенно перенимают характерные черты протестантских конгрегаций, если хотите — «протестантизируются». Разумеется, они не меняют своего символа веры, но вы можете встретить мечети, в которых уже нет отдельных помещений для молитв мужчин и женщин и где паства сама выбирает имама; то же самое происходит и в некоторых православных приходах, хотя в России подобное никогда не случается. Так что в Америке сохраняется американская культура, остающаяся англосаксонской и протестантской по своему характеру. Она не является единственной и даже объединяющей, но она есть. А сам протестантизм, по сути, не есть религия; он скорее представляет собой форму религиозного сознания, которая удачно сочетается с принципами индивидуализма и демократии.

В целом же мы допускаем весьма широкую религиозно-культурную автономию, но при этом сохраняем политическую идентичность и политическую структурированность. Последнее весьма непросто, и оно имеет свою цену. Вот, посмотрите, журнал, который я редактирую уже много лет, называется *Dissent*⁴, и он был основан в мрачные

⁴ Журнал *Dissent* («Несогласие») — ежеквартальный политический журнал, основанный в 1954 г. И. Хоувом и Л. Коузером с целью развития радикальных левых политических идей в США. Жестко критикуя правый курс в американской политике, журнал в то же время крайне скептически относился к коммунистическим экспериментам на Кубе и в других странах Третьего мира. Сегодня является изданием социал-демократической направленности, собравшим вокруг себя многих видных американских политологов и социологов.

годы маккартизма. Американская нация зиждется на уважении к Конституции. Американцев, объединяет приверженность республиканским идеалам, демократии, Конституции США, Декларации независимости. Верность этим идеалам заставляет действовать в политической жизни с оглядкой на принципы и институты.

В. И.: В последней книге «Политика и страсти»⁵ вы, исследуя причины войны в Алжире, писали, что в 1960-е годы алжирцы предпочли коллективную мусульманскую идентичность индивидуализированной французской. Что вы думаете по поводу бунта иммигрантов в парижских пригородах? Могут ли люди, ощущающие себя членами огромного сообщества, интегрироваться в индивидуализированное европейское общество?

М. У.: Французский проект как раз и состоял в том, чтобы ассимилировать иммигрантов, сделать их французами, гражданами Республики. Предполагалось, что культурные и религиозные различия должны утратить свою актуальность. Этот проект очень хорошо функционировал на протяжении длительного времени. Французам удалось ассимилировать множество выходцев из стран Южной и Восточной Европы. Но когда они столкнулись с массовой иммиграцией из государств Северной Африки, механизм перестал срабатывать. Я думаю, проблема в количестве, а не в национальной или религиозной принадлежности иммигрантов. В условиях экономической стагнации они не интегрируются в общество прежде всего экономически. Франции придется перейти к мультикультуралистской модели и признать право иммигрантов на сохранение их первоначальной идентичности. Вообще, это кажется весьма странным здесь, в Америке. Вспомним, к примеру, «дело о платках»⁶. В аме-

⁵ См.: *Walzer, Michael. Politics and Passion. Toward a More Egalitarian Liberalism*, New Haven (Сt.); London: Yale Univ. Press, 2004; рецензию на нее см.: *Иноземцев, Владислав. «Страсти по политике»* в: *Мировая экономика и международные отношения*. 2005. № 7. С. 119–122.

⁶ «Дело о платках» (*affaire foulard*) — общеупотребительное название известного юридического разбирательства, имевшего место во Франции в 1990-е годы. Конфликт возник 19 октября 1989 г., когда Эрнест Шенье, директор государственного колледжа Габриэль-Авез в г. Крейе, запретил трем девочкам — Фатиме, Лейле и Самире — посещать уроки с покрытой головой. После их отказа снять мусульманский головной убор они были отчислены. К 1996 г. дело дошло до Государственного совета, куда оно было передано по настоянию Л. Жоспена, тогдашнего министра образования и будущего главы французского правительства. Согласно его решению, «свобода выражения и демонстрации религиозных верований... не позволяет учащимся выставлять напоказ признаки религиозной принадлежности, которые, по своей природе, по условиям, в которых они носятся, индивидуально или коллективно, или в силу их нарочитого и воинственного

риканских школах никто даже не обратил бы внимание на то, что некоторые ученицы носят головные платки. Если бы разговор шел о чадре, еще может быть... Но не в случае с платками. Следует быть более терпимыми по отношению к проявлениям национальной культуры. Но, конечно, мультикультурализм — это не аргумент в условиях массовых беспорядков. Ключ к решению проблемы лежит в области экономической политики. Этим людям необходимо дать работу, обеспечить возможности личностного роста. Если решить экономические проблемы, преодолевать возникающие на культурной почве конфликты будет значительно проще.

В. И.: Вы считаете, что в Америке подобное не произойдет?

М. У.: США длительное время были страной массовой иммиграции. Но мы научились преодолевать культурные различия. Вспомним процесс «протестантизации» ислама и христианства, о котором я говорил. Благом для нас оказалось то, что первые арабские иммигранты были христианами и они легко ассимилировались, а затем помогли арабам-мусульманам найти свое место в американском обществе.

Е. К.: А несет ли угрозу США массовая иммиграция мексиканцев?

М. У.: Да, на юго-западе США подобные проблемы могут возникнуть. В Аризоне и Южной Калифорнии 80 % населения — испаноязычные жители. Однако испаноязычные иммигранты расселяются по всей стране. Мексиканские, пуэрториканские, гватемальские диаспоры можно встретить во всех частях Соединенных Штатов. Недавно я был в штате Небраска, так вот в Омахе тоже живут испаноязычные иммигранты... Они не только расселяются по всей территории Соединенных Штатов, но и возвращаются к себе домой, чего не делали те, кто пересекал Атлантический океан.

В. И.: Сегодня часто рассуждают об «американском проекте» и «европейском проекте». В России тоже якобы имеется свой «проект», который, как считают многие, состоит в восстановлении Российской (затем советской) империи. Могли бы вы сравнить «американский» и «европейский» проекты?

М. У.: В правительстве Соединенных Штатов есть люди, которых можно назвать имперскими бюрократами. К таковым отно-

характера, составляют акт давления, провокации, прозелитизма или пропаганды». Подробнее о «деле о платках» см.: Бенхабиб, Сейла. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру [пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева]. Москва: Логос, 2003. С. 112–119.

сится, например, Доналд Рамсфелд. Он имеет четкое представление — пускай имперское, консервативное — о том, что США должны делать в Ираке. Он считает вторжение в Ирак способом колонизации. Между тем в международной политике колониализм утрачивает привлекательность. Приведу два примера. Южная Корея, которая была творением США, уже недовольна присутствием на ее территории 50-тысячного американского контингента, оставшегося там после окончания корейской войны [в 1953 г.]. Это — прямое следствие демократии. Накануне войны в Ираке Турция отказала США в использовании ее территории для осуществления вторжения. А ведь Турция — один из основных американских союзников в Европе. Правительства обеих стран ведут такую политику потому, что они демократически легитимны. Американцы должны поддерживать это стремление к демократии, и потому «американский проект» не может быть имперским. США создают режимы, которые помогают обеспечивать американские интересы. Однако мы не всегда добиваемся целей. Если судить с позиций «имперскости», следует признать, что в свое время британцы эффективнее управляли Югом, — прежде всего потому, что обладали намного бóльшим опытом.

Европейцев сегодня часто критикуют. Однако европейский проект прекрасен. Европейцы создают зону мира с едиными правилами и законами. Конечно, не все получается, бывают неудачи, как, к примеру, с Конституцией. Но Европейский союз — это гигантское достижение именно потому, что европейцы привержены данному проекту. Мне это внушает оптимизм, поскольку единая Европа способна противостоять унилатералистской политике американского правительства. И мне бы хотелось, чтобы европейцы более решительно отстаивали на международной арене принципы коллективной безопасности.

Алфавитный указатель статей, опубликованных в 2005 году

- Адамишин А.* Заключительный акт: занавес опускается? // т. 3, № 4
- Аннан К.* «При большей свободе»: время решений в ООН // т. 3, № 4
- Арбатов А.* Демократия и ядерное оружие // т. 3, № 3
- Арбатов А.* Россия: особый имперский путь? // т. 3, № 6
- Арбатов А., Белова М., Фейгин В.* Российские углеводороды и мировые рынки // т. 3, № 5
- Арбатов А., Смирнов В., Фейгин В.* Циклы нефтяной зависимости // т. 3, № 2
- Арбатова Н., Рыжков В.* Россия и ЕС: сближение на фоне разрыва? // т. 3, № 1
- Бальцерович Л.* Реформы нельзя закончить // т. 3, № 2
- Бейлз А.* Бизнес и безопасность // т. 3, № 1
- Блинкин М., Сарычев А.* Куда ведут российские дороги? // т. 3, № 2
- Блэкуил Р.* Индийский императив // т. 3, № 5
- Бордачев Т.* Призрак свободы // т. 3, № 3
- Бундевик К. М.* Альтруизм как национальный интерес // т. 3, № 3
- Бут М.* Борьба за трансформацию военной сферы // т. 3, № 3
- Валовая Т.* Постсоветское пространство в эпоху прагматизма // т. 3, № 2
- Ван Хуэй.* Азиаты переосмысливают Азию // т. 3, № 5
- Ван Цзисы.* Китай в поисках стабильных отношений с Америкой // т. 3, № 5
- Ворожцов Е.* Меняться и менять // т. 3, № 6
- Воронцов А., Евсеев В.* Северная Корея: выйти из тупика // т. 3, № 5
- Винников А., Орлов В.* Между Бушем и Бушером // т. 3, № 2
- Гарт Б., Дезале И.* Сговор космополитических элит // т. 3, № 4
- Громько А.* Великобритания: после захода солнца // т. 3, № 6
- Грэм Т.* На пути к «качественно новым отношениям» // т. 3, № 6
- Гутерриш А.* Рыночная экономика, а не общество // т. 3, № 2
- Дарендорф Р.* Искушение авторитаризмом // т. 3, № 5
- Дворкин В.* Партнерство в борьбе с угрозами: что осталось? // т. 3, № 6
- Дегоев В.* Необратимый бег «колесницы реформ» // т. 3, № 3
- Дейч Дж.* Ядерный подход к сегодняшней реальности // т. 3, № 2
- Делягин М.* После СНГ: одиночество России // т. 3, № 4
- Демурин М.* Россия и Балтия: дело не в истории // т. 3, № 3
- Дружиловский С.* Турция: привычка управлять // т. 3, № 6
- Дубнов В.* Оранжевый цвет буржуазии // т. 3, № 1
- Европейская стратегия России: новый старт. Ситуационный анализ под руководством *С. Караганова* // т. 3, № 2
- Евтушенков В.* После затишья: Россия и арабский мир на новом этапе // т. 3, № 3

- Еганян А. Инвесторы после Майдана // т. 3, № 5
Затулин К. Борьба за Украину: что дальше? // т.3, № 1
Звягельская И. Ключи от счастья, или Большая Центральная Азия // т. 3, № 4
Иноземцев В. Очень своевременный противник // т. 3, № 3
Иноземцев В., Караганов С. О мировом порядке XXI века // т. 3, № 1
Иоанн Павел II Память и идентичность // т. 3, № 2
Караганов С. XXI век: контуры миропорядка // т. 3, № 5
Кардозо Ф. Э. «Только демократия может укротить рынок» // т. 3, № 5
Карлыш Р. «Бомба Гитлера» и взгляд из Москвы // т. 3, № 3
Кейриш У., Кук Р. Мир один и здоровье одно // т. 3, № 6
Коновалов А. Новая биполярность и дефицит адекватности // т. 3, № 2
Кортунов С. Россия: не сердиться, а сосредоточиться // т. 3, № 5
Косач Г. Саудовская Аравия: реформы и стабилизация // т. 3, № 5
Козн А. Венесуэла: модель в миниатюре // т. 3, № 1
Крашенинникова В. Блеск и нищета неоконсерватизма // т. 3, № 5
Кризис ЕС и политика России // т. 3, № 4
Кузяков А. Вторая мировая, которой не было // т. 3, № 3
Лаиди А. Экономический шпионаж – тайное оружие великих держав // т. 3, № 3
Лейкен Р. Разгневанные мусульмане Европы // т. 3, № 6
Ломанов А. Как увядали сто цветов // т. 3, № 2
Луттвак Э. Ирак: логика выхода из боевых действий // т. 3, № 1
Льюис Б. Свобода и справедливость на сегодняшнем Ближнем Востоке // т. 3, № 3
Любжин А. Реформа: слово и дело // т. 3, № 2
Макаркин А. Бунт с оранжевым оттенком // т. 3, № 2
Маргелов М. Россия без плахи // т. 3, № 6
Мау В. Перестройка сквозь призму двух десятилетий // т. 3, № 2
Мау В. Уроки Испанской империи // т. 3, № 1
Милов В. Повестка дня для глобальной энергетики // т. 3, № 5
Мирский Г. Шииты в современном мире // т. 3, № 6
Михник А. Экстремисты моральной революции // т. 3, № 4
Мошес А. Еще раз о плюсах европейского выбора / т. 3, № 4
Музыкантский А. Аршин для России // т. 3, № 3
Обичкина Е. Франция: величие превыше всего // т. 3, № 6
Овчинский В. «Человек будущего» и как с ним бороться // т. 3, № 1
Поллак К., Тейкей Р. Принимая вызов Тегерана // т. 3, № 2
Портяков В. Россия, Китай и Индия в мировой экономике // т. 3, № 5
Примаков Е. Москва и Вашингтон: нужны доверие и сотрудничество // т. 3, № 6
Рар А. «Российская» политика Германии: что дальше? // т. 3, № 5
Ригуст М. «Иммигрант, но... добившийся успеха» // т. 3, № 6

- Рубинский Ю.* Распилить магнит? // т. 3, № 1
Сажин В. Демократия XIV века // т. 3, № 6
Сажин В. Маятник иранской демократии // т. 3, № 4
Саймс Д., Элсуорт Р. Мораль американского реализма // т. 3, № 1
Сатановский Е. Новый Ближний Восток // т. 3, № 2
Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии // т. 3, № 4
Сулов Д. Иранский ключ к мировой стабильности // т. 3, № 1
Тиммерманн Х. Европейский союз и его «новые соседи» // т. 3, № 4
Тюркин М. Стратегия развития миграционной политики в России // т. 3, № 1
Уолцер М. «Любой правитель может быть призван к ответу» // т. 3, № 6
Уткин А. Доктрина Буша: концепция, разделившая Америку // т. 3, № 4
Фрам Д. Миф о моральном авторитете ООН // т. 3, № 1
Фреден Л. Тени прошлого над Россией и Балтией // т. 3, № 3
Фролов В. Демократия: дистанционное управление // т. 3, № 4
Фукуяма Ф. Новый взгляд на Азию // т. 3, № 1
Хаас Р. Смена режима и пределы ее эффективности // т. 3, № 4
Хьюз Н. Торговая война с Китаем? // т. 3, № 5
Центральная Азия: корни конфликтов // т. 3, № 3
Чернявский С. Центральная Азия в эпоху перемен // т. 3, № 6
Чубарьян А. Белые пятна в истории великой войны // т. 3, № 3
Чугров С. Россия – Япония: несостоявшийся прорыв // т. 3, № 1
Шимов Я. Австрия и Венгрия: идентичность на развалинах // т. 3, № 6
Шербини Н. Спасут ли Россия и Германия Ближний Восток? // т. 3, № 1
Эанеш Р. Португалия: за «каравеллами прошлого» // т. 3, № 6
Энтин В. Свобода СМИ в России: юбилей без торжеств // т. 3, № 3
Этциони А. Демократизации недостаточно // т. 3, № 2
Эш Т. Г., Снайдер Т. «Оранжевая революция» // т.3, № 4

Рецензии и обзоры

- Архангельский А.* Люди, создающие идеи, и идеи, создающие людей (Российский либерализм: идеи и люди / Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы) // т. 3, № 4
Бобров Е. Украина: от потрясения к потрясению (На фоне «оранжевой революции»: Украина между Востоком и Западом: вчера, сегодня, завтра / Под ред. К.Ф. Затулина) // т. 3, №4
Волчкова Н. Подспорье для глобалистов (*Бхагвати Дж.* В защиту глобализации) // т. 3, № 4
Злобин Н. Либеральный авторитаризм: взгляд со стороны (*Джек Э.* В России Путина. Может ли быть реформа без демократии) // т. 3, № 1

Иноземцев В. Какое из двух зол предпочтительнее? (*Игнатъефф М.* Меньшее из двух зол: политическая этика в эпоху террора) // т. 3, № 2

Иноземцев В. Логика «нового милитаризма» (*Басевич Э.* Новый американский милитаризм) // т. 3, № 5

Кузяков А. Евроскептицизм по-английски (*Букер К., Норт К.* Большой обман. Секретная история Европейского союза) // т. 3, № 5

Кузяков А. Срочно нужна идея (Национальная идея: история, идеология, миф / ИСП РАН; Отв. ред. Г.Ю. Семигин) // т. 3, № 2

Меламедов Г., Эпштейн А. Вечный вопрос «вечного города» (*Носенко Т.В.* Иерусалим. Три религии – три мира) // т. 3, № 4

Устинов В. Евроатлантическое сообщество: реформы и реакция (*Троицкий М.* Трансатлантический союз (1991–2004). Модернизация системы американско-европейского партнерства после распада биполярности) // т. 3, № 3

Федюкин И. О чем мечтают сорвавшиеся с цепи евробюрократы? (*Рифкин Дж.* Европейская мечта: как европейское видение будущего постепенно лишает блеска американскую мечту) // т. 3, № 3

Швейцер В. Европарламент: власть или мираж? (Европейский парламент. Проблемы и перспективы / Институт Европы РАН, Научный совет «Партийно-политические системы XXI века»; Национальный инвестиционный совет.) // т. 3, № 2

Шкундин М. Легкое перо «титановой леди» (Госпожа госсекретарь. Мемуары Мадлен Олбрайт) // т. 3, № 1

Шкундин М. Послесловие к двум революциям // т. 3, № 2

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- КАРАГАНОВ**
Сергей Александрович
(председатель) д. и. н., председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике, заместитель директора Института Европы РАН
- АРБАТОВ**
Алексей Георгиевич член-корреспондент РАН, заведующий Центром международной безопасности ИМЭМО РАН
- АХТИСААРИ Мартти** президент Финляндии в 1994–2000 гг.
- БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич**
(заместитель председателя) д. и. н., профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
- БЕРГСТЕН Фред** доктор экономики, директор Института международной экономики (Вашингтон, США)
- БИЛЬДТ Карл** член Наблюдательного совета корпорации *RAND*, премьер-министр Швеции в 1991–1994 гг.
- ГРИГОРЬЕВ**
Владимир Викторович
(в личном качестве) советник руководителя Федерального агентства РФ по печати и массовым коммуникациям
- ЖУКОВ**
Александр Дмитриевич
(в личном качестве) заместитель председателя Правительства РФ
- ЗВЕРЕВ**
Сергей Александрович президент ЗАО «Компания развития общественных связей»
- ИВАНОВ Игорь Сергеевич**
(в личном качестве) к. и. н., секретарь Совета безопасности РФ
- ИНОЗЕМЦЕВ**
Владислав Леонидович д. э. н., научный руководитель Центра исследований постиндустриального общества, председатель научно-консультативного совета журнала «Россия в глобальной политике», главный редактор журнала «Свободная мысль–XXI»
- КАЙЗЕР Карл** профессор, приглашенный исследователь, Гарвардский университет
- КОЖОКИН**
Михаил Михайлович к. и. н., первый вице-президент ЗАО «КРОС»
- КОКОШИН**
Андрей Афанасьевич член-корреспондент РАН, председатель Комитета Государственной думы РФ по делам СНГ и связям с соотечественниками, директор Института проблем международной безопасности РАН
- КОЛЬ Гельмут** канцлер ФРГ в 1982–1998 гг.
- КОМИССАР**
Михаил Витальевич генеральный директор ЗАО «Интерфакс»
- КОПЬЕВ**
Вячеслав Всеволодович к. ю. н., заместитель председателя Совета директоров АФК «Система»
- КУЗЬМИНОВ**
Ярослав Иванович к. э. н., доцент, ректор Государственного университета – Высшей школы экономики
- ЛАВРОВ Сергей Викторович**
(в личном качестве) министр иностранных дел РФ

ЛИВШИЦ Александр Яковлевич	д. э. н., профессор, заместитель генерального директора ОАО «Русский алюминий»
ЛУКИН Владимир Петрович	д. и. н., профессор, Уполномоченный по правам человека в РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
ЛУКЬЯНОВ Федор Александрович	главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»
МАУ Владимир Александрович	д. э. н., профессор, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве РФ
МОНБРИАЛЬ Тьерри де	президент Института (Академии наук) Франции, директор Французского института международных отношений
НИКОНОВ Вячеслав Алексеевич (заместитель председателя)	д. и. н., президент фонда «Политика»
ОВЧИНСКИЙ Владимир Семенович	д. ю. н., советник председателя Конституционного Суда РФ, генерал-майор милиции в отставке
ПОЗНЕР Владимир Владимирович	президент Российской телевизионной академии, автор и ведущий телепрограммы «Времена»
ПРИМАКОВ Евгений Максимович	академик РАН, президент Торгово-промышленной палаты, премьер-министр РФ в 1998–1999 гг.
ПРИХОДЬКО Сергей Эдуардович (в личном качестве)	помощник Президента РФ
РЫЖКОВ Владимир Александрович	к. и. н., депутат Государственной думы РФ
ТЕЛЬЧИК Хорст	председатель <i>Teltschik Associates</i> , руководитель управления внешней политики ведомства канцлера ФРГ в 1982–1998 гг.
ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич	д. п. н., профессор, ректор Московского государственного института международных отношений (У) МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
УОЛЛЕС Уильям, лорд	профессор Лондонской школы экономики
ХАКАМАДА Ирина Муцуовна	к. э. н., доцент, сопредседатель «Комитета-2008»
ХОУГ Джеймс	главный редактор журнала <i>Foreign Affairs</i>
ШМЕЛЁВ Николай Петрович	академик РАН, директор Института Европы РАН
ЭЛЛИСОН Грэм	профессор Гарвардского университета, директор Белферского центра, бывший заместитель министра обороны США
ЮРГЕНС Игорь Юрьевич	к. э. н., первый вице-президент, руководитель направления по работе с государственными и правительственными организациями группы «Ренессанс Капитал», вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (работодателей)
ЯСТРЖЕМБСКИЙ Сергей Владимирович (в личном качестве)	к. и. н., помощник Президента РФ, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, специальный представитель Президента РФ по вопросам развития отношений с Европейским Союзом

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

АДАМИШИН Анатолий Леонидович	к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
БУТОРИНА Ольга Витальевна	д. э. н., проректор МГИМО(У) МИД РФ
ГРИГОРЬЕВ Леонид Маркович	к. э. н., ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа
ЛОМАНОВ Александр Владимирович	д. и. н., ведущий научный сотрудник ИДВ РАН
МИРСКИЙ Георгий Ильич	д. и. н., профессор, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН
ШКУНДИН Марк Зусьевич	к. и. н., ведущий исследователь ИМЭМО РАН
ЭНТИН Владимир Львович	к. ю. н., доцент МГУ, старший научный сотрудник Института государства и права РАН, адвокат, директор Центра правовой защиты интеллектуальной собственности
ЮРЬЕВ Александр Иванович	д. п. н., профессор, завкафедрой политической психологии СПбГУ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

ПОТАНИН Владимир Олегович (председатель)	президент холдинговой компании «Интеррос»
ВАЙНШТОК Семен Михайлович	президент компании ОАО «АК «Транснефть», академик Академии горных наук
ВАРДАНЯН Рубен Карленович	президент группы компаний «Тройка-Диалог»
ВЕКСЕЛЬБЕРГ Виктор Феликсович	президент ОАО «СУАЛ-Холдинг»
ГЕНЕРАЛОВ Сергей Владимирович	председатель совета директоров Ассоциации по защите прав инвесторов
ЕВТУШЕНКОВ Владимир Петрович	к. э. н., академик Российской инженерной академии, академик Международной академии связи, заслуженный деятель науки РФ, председатель совета директоров АФК «Система»
КУЗЫК Борис Николаевич	член-корреспондент РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ, генеральный директор Национальной инновационной компании «Новые энергетические проекты», президент Института экономических стратегий
КУЗЯЕВ Андрей Равелевич	президент «ЛУКОЙЛ Оверсиз Холдинг Лтд.»
ОКУЛОВ Валерий Михайлович	генеральный директор ОАО «Аэрофлот», член совета ГСГА, член совета управляющих ИАТА, член совета директоров ОАО «Аэрофлот»
ЦВЕТКОВ Николай Александрович	к. э. н., президент ФК «Уралсиб»

Подписка в России, СНГ и странах Балтии по каталогу «Роспечать»,
индексы: 46708, 46709, 46710

Подписка в России и СНГ по каталогу «Пресса России»,
индексы: 15577, 11119, 16497.

Подписка на Украине, по каталогу «KSS», тел. +38(044) 464-0235

РЕДАКЦИОННАЯ ПОДПИСКА НА АНГЛО- И/ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

- заполните квитанцию и оплатите в любом отделении Сбербанка РФ
- заполните подписной купон и пришлите его вместе с квитанцией об оплате (или ее копией) по факсу: (095) 937-7611, по E-mail: subscribe@globalaffairs.ru или письмом по адресу:

АНО РИД «Глобус» 103873, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3 «В»

Цена одного номера получение в редакции – **180 руб.**

(русскоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **230 руб.**

Цена одного номера получение в редакции – **250 руб.**

(англоязычное издание): с доставкой (заказным письмом) – **300 руб.**

Цены даны с учетом НДС.

АБОНЕМЕНТ на газету журнал		<input type="text"/> индекс издания												
Россия в глобальной политике (наименование издания)		Количество комплектов												
на 2005 год по месяцам														
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12			
Куда	<input type="text"/>													
	Почтовый индекс		(адрес)											
Кому	<input type="text"/>													
	(фамилия, инициалы)													
ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА														
ПВ	место	литер	Россия в глобальной политике (наименование издания)											
			на газету журнал											
			индекс издания											
			Россия в глобальной политике (наименование издания)											
			Стоимость подписки		_____ руб. _____ коп.		Количество комплектов							
					_____ руб. _____ коп.									
			на 2005 год по месяцам											
			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда	<input type="text"/>													
	Почтовый индекс			(адрес)										
Кому	<input type="text"/>													
	(фамилия, инициалы)													

В Москве журнал можно приобрести в магазинах:

«БУКБЕРИ»

- ТРК «МЕГА» (пав. 9092) Калужское ш., 21-й км (тел.: 789-6502)
- ТЦ «Глобал Сити» ул. Кировоградская, 14 (тел.: 956-4239)
- Никитский б-р, 17 (тел.: 291-8303, 789-9187)
- ТК «Галерея Аэропорт» Ленинградский пр-т, 62а (тел.: 771-7261)

«РОССПЭН»

- «Книжная лавка историка» ул. Б. Дмитровка, 15 (тел.: 200-5007)
- «Книжная лавка обществоведа» Нахимовский пр-т, 51/21 (тел.: 332-4725)
- «Книжный киоск РОССПЭН» ул. Дм. Ульянова, 19 (тел.: 126-9418)
- «Ad Marginem» 1-й Новокузнецкий пер., 5/7 (тел.: 951-9360)
- «Политическая книга» ул. М. Дмитровка, 3/10 (тел.: 200-3694)
- В киосках «МН-Пресс»
- 1-й подъезд Российской Государственной Библиотеки
- В киоске «Деловые люди» 1-ая Тверская-Ямская ул., 1
- В киосках МГУ, МГИМО (У), РУДН, МИРЭА
- Клуб «Проект О.Г.И» Потаповский пер., 8/12, стр.2 (тел.: 927-5609)

В Санкт-Петербурге:

- «Летний сад», Большой пр. П.С., 82 (тел.: (812) 232-2104)
- «Русское богатство» (магазин при РХГИ)
Наб. Р. Фонтанка, 15 (тел.: (812) 310-5036)
- «Книжный магазин» Лесной пр., 8 (тел.: (812) 541-8639)

Интернет-магазин: www.setbook.ru

Все ранее вышедшие номера журнала можно заказать в редакции для получения по почте наложенным платежом, связавшись с нами по телефону 937-7611 или по e-mail: subscribe@globalaffairs.ru

ПОДПИСКА НА АНГЛО- ИЛИ РУССКОЯЗЫЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЗА РУБЕЖОМ

■ Через ЗАО «МК-Периодика»

или фирмы-партнеры ЗАО «МК-Периодика»

Подписной индекс в каталоге «МК-Периодика»: 10877

ЗАО «МК-Периодика»

129110, Москва, ул. Гиляровского, 39

Тел.: (095) 681-9137, 681-9763

Факс: (095) 681-3798

E-mail: info@periodicals.ru <http://www.periodicals.ru>

■ Через фирму East View Publications

Подписной индекс в каталоге — для русскоязычного издания: 14216
для англоязычного издания: 14464

East View Publications

3020 Harbor Lane N.

Minneapolis, MN 55447, USA

Tel: 1-763-550-0961

Fax: 1-763-559-2931

E-mail: eastview@eastview.com

<http://www.eastview.com>

117638, Москва

ул. Азовская, 6/3

Тел.: (095) 777-6557, (095) 318-0927

Факс: (095) 318-0881

E-mail: mosunova@mosinfo.com

<http://www.eastview.com>

ПОДПИСНОЙ КУПОН для физических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Ф.И.О. получателя (полностью) _____

Период подписи: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки получение в редакции
нужное подчеркнуть заказным письмом

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____

E-mail _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

Извещение

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

Квитанция

Форма № **пд-4**

АНО «Редакционно-издательский дом «Глобус»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7703345932

(ИНН получателя платежа)

№ Р/сч. № 40703810400001000317

(номер счета получателя платежа)

ОАО «Вербанк» г. Москва

(наименование банка и банковские реквизиты)

К/сч. № 30101810000000000124

БИК 044585124

Подписка на журнал "Россия в глобальной политике"

(наименование платежа)

Сумма платежа _____ руб. _____ коп.

Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.

Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ПОДПИСНОЙ КУПОН для юридических лиц

ПОДПИСНОЙ КУПОН

Наименование организации _____

Период подписки: I полугодие январь - февраль март - апрель май - июнь

II полугодие июль - август сентябрь - октябрь ноябрь - декабрь

Форма доставки **получение в редакции**
заказным письмом

Юридический адрес _____

Почтовый адрес (с индексом) _____

Телефоны (код) _____ Факс (код) _____

E-mail _____

P/c _____

Идентификационный номер (ИНН) _____

Количество экземпляров _____

Ответственное лицо (Ф.И.О.) _____

Внимание!

Не забудьте указать в подписном купоне точный почтовый индекс, адрес, по которому вы хотите получать журнал, и ваш номер телефона (для оперативной связи).

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен

" " 20 г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)